

СЕНТЯБРЬ | 2020

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*ПОДАРКИ НЕБА
МАЙЕ ПЛИСЕЦКОЙ*

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ЭФФЕКТ СПУТНИКА

РОССИЯ ПЕРВОЙ ЗАРЕГИСТРИРОВАЛА ВАКЦИНУ от Covid-19. Разработчики (Институт им. Гамалеи совместно с Минобороны) с гордостью сравнивают это событие с запуском первого искусственного спутника Земли. Тогда это произвело шок во всем мире, прежде всего в Америке. Завязалась космическая гонка. За которой стояла, конечно, большая политика.

Однако даже тогда, в годы холодной войны, к научному достижению Советского Союза слов уважения было больше, чем сейчас можно услышать в адрес российских разработчиков со стороны Запада. Пишут и говорят, что российская вакцина «недоработана», не прошла всех испытаний и вообще чуть ли не потенциально опасна. Американцы, которым россияне предлагали сотрудничество, в ответ заявили, что не станут испытывать российскую вакцину «даже на обезьянах». При этом в целом ряде стран, с которыми у нас ровные отношения, о готовности испытать российскую вакцину на себе заявили даже лидеры нескольких государств. Китайские разработчики своей вакцины также готовы сотрудничать с Россией и проводить совместные исследования и испытания. Гонка за вакциной политизирована, пожалуй, даже более, чем космическая. В ней и русофобства можно усмотреть побольше. При этом, что символично, больше всех

кричат о том, что русская вакцина никуда не годится, те, кто любит рассуждать об общечеловеческих ценностях и о том, как человечеству надо спланировать и объединять усилия ради решения общих проблем. Подразумевается, видимо, что спланировать нужно – но только не вокруг русских.

Как говорится, ну и пусть. Нам не привыкать. Привьемся и будем жить дальше. 🇷🇺

ИНТЕРВЬЮ

06 От Арктики до экватора

ИСТОРИЯ

12 Красота первой буквы

18 Ярослав последний и конец Киевской Руси

24 Тайна командора Ульриха

32 Род Лисицыных

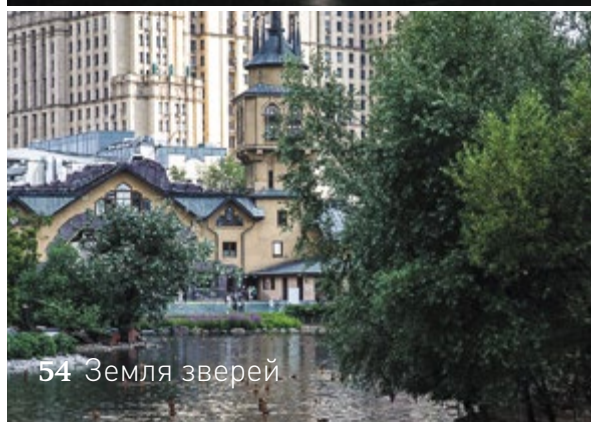
НАСЛЕДИЕ

40 Сомов безмундирный

46 Подарок неба

АЛЕКСАНДР КОНЬКОВ И АЛЕКСАНДР КОСИНЕЦ / ИТАР-ТАСС

54 Земля зверей

МУЗЕИ

66 Черный квадрат с маленькой косточкой

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

78 Формула идеального топора

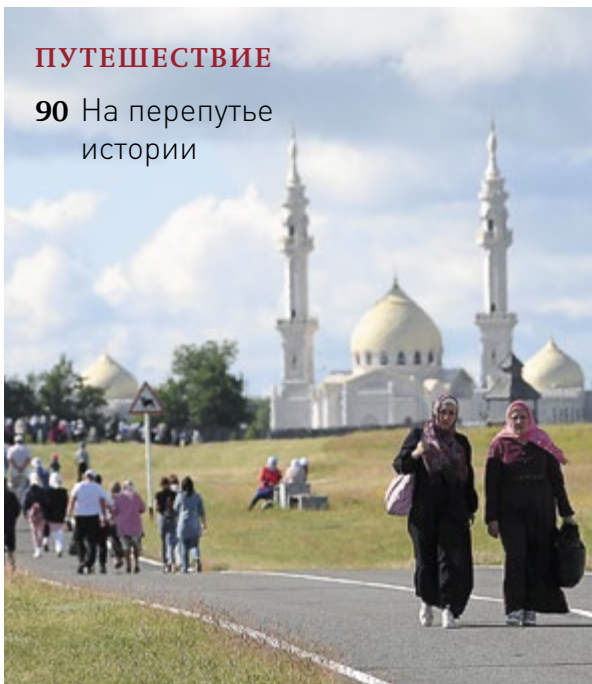
РЕПОРТАЖ

84 Горе луковое

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 На перепутье истории

МАКСИМ БОГОДВИДУРА НОВОСТИ

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Николай АНДРЕЕВ
Александр БУРЫЙ
Виктор ГАВРИКОВ
Алексей ГУДКОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

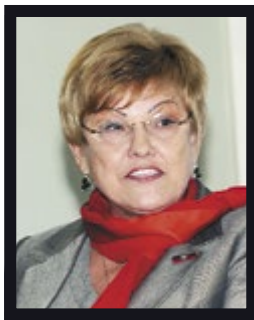
Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегио-
нального общественно-
го фонда «Фонд
изучения исторической
перспективы»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета
Государственной думы
Российской Федерации
по образованию
и науке, председатель
правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Ректор Российского
государственного
педагогического
университета
им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.

Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета
Государственной думы
Российской Федерации
по образованию
и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор
федерального государ-
ственного бюджетного
учреждения культуры
«Государственный
Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.

Помощник
заместителя
председателя
правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Посол по особым
поручениям МИД
Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления
президента
Российской
Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента
Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.

Председатель
попечительского
совета Фонда Андрея
Первозванного
и Центра национальной
славы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АС. САВВИЧЕВЫМ

БЕСЕДОВАЛ
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

КАКОЕ МОРЕ САМОЕ «ЯДЕРНОЕ» В МИРЕ? ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛЕГКИМИ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ? ОБ ЭТОМ И МНОГОМ ДРУГОМ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК АЛЕКСАНДР САВВИЧЕВ. БОЛЕЕ СОРОКА ЛЕТ ОН ЗАНИМАЕТСЯ ИССЛЕДОВАНИЕМ МИКРООРГАНИЗМОВ ВОДОЕМОВ, ЗАВЕДУЕТ ЛАБОРАТОРИЕЙ МИКРОБИОЛОГИИ И БИОГЕОХИМИИ ВОДОЕМОВ ИНСТИТУТА МИКРОБИОЛОГИИ РАН. АЛЕКСАНДР САВВИЧЕВ РАБОТАЛ ПО ВСЕМУ МИРУ: ВО ВСЕХ ОКЕАНАХ, В СЕВЕРНЫХ И ЮЖНЫХ МОРЯХ, ТУНДРОВЫХ И ГОРНЫХ ОЗЕРАХ. НО БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЖИЗНИ ОН ОТДАЛ АРКТИКЕ.

— **А**ЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, ЧЕМ, с точки зрения ученого, отличаются арктические моря? Они кажутся довольно однообразными...

— Моря очень разные. Теплое, богатое рыбой Баренцево море и мелководные, абсолютно суrowые моря Лаптевых и Восточно-Сибирское. В Чукотское и Баренцево моря реки почти не впадают — вода в них сильно соленая, океаническая. А Белое и Карское очень сильно опреснены за счет впадения крупных рек. С Карского моря я начинал работу в Ледовитом океане. Тогда, в 1993 году, море впервые было открыто для ученых, проводились масштабные исследования состояния ядерных захоронений. В желоб вдоль Новой Земли многие годы сбрасыва-

ли отработанные корпуса ядерных реакторов с подводных лодок и кораблей, даже атомную подводную лодку К-27 затопили. Карское море — самое «ядерное» море в мире.

Белое море — самое научно освоенное, некоторые биостанции там работают уже восемьдесят лет. А Чукотское — очень мало изучено. Море Бофорта — это через Берингов пролив от Чукотского, — напротив, очень хорошо исследовано. Вообще, американские моря основательно изучены, несмотря на то, что ледокольный флот США намного беднее нашего. С 2004 по 2014 год работала совместная российско-американская экспедиция по исследованию Арктики — RUSALCA. Это была самая замечательная научная программа, в рамках которой было сделано много открытий.

ФОТО АВТОРА

– *Какую роль играют арктические моря в рыбном промысле в Мировом океане?*

– Вся добыча рыбы в мире это не более 5 процентов площади Мирового океана. Уже в 100 километрах от берега рыбы мало. Потому что планктона меньше. А планктону, в свою очередь, не хватает биогенных веществ – прежде всего соединений азота и фосфора. Если идти, скажем, из Лос-Анджелеса на Гавайи, то вода будет прозрачная, никакой живности в ней нет. Акула плавает сотню миль за судном, если выбросить в воду ведро с пищевыми отходами. На севере – например, в Баренцевом море, где достаточно биогенных элементов, – происходит вспышка цветения диатомовых водорослей. Этот фитопланктон поедает зоопланктон, которым, в свою очередь, питается рыба. А больше всего планктона в Перуанском апвеллинге (апвеллинг – подъем глубинных вод океана к поверхности. – Прим. ред.). Холодное течение снизу размывает богатые биогенами донные осадки и поднимается вверх. Зоопланктон тут же поедается стаями анчоуса. Эта маленькая рыбка самая добываемая в мире, на нее приходится почти половина мирового рыбного промысла.

– *Какими исследованиями занимаетесь лично вы в Арктике?*

– Последние двадцать лет мы исследуем выделение и окисление метана. Это парниковый газ, который в 28 раз активнее углекислоты. Хотя метана в атмосфере значительно меньше, чем углекислого газа, он вносит весомый вклад в создание парникового эффекта на Земле. Мы в своей работе стараемся определить, в какой мере естественный микробный фильтр предохраняет атмосферу от выделения метана. Грубо говоря, это микробы, которые «питаются» метаном, окисляют его. Такие метанотрофные микробы есть в почве, в донных осадках океанов, морей, озер. В связи с потеплением климата в Арктике тает вечная мерзлота, которая содержит метан. Оттаившая почва выделяет газ в атмосферу. В мире сейчас самое проблемное место в этом смысле наша восточная Арктика, побережья морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. А также обширные мелководья этих морей, которые тянутся на сотни километров от берега. Там глубины не превышают 60 метров, и выделяющийся из донных осадков метан микробы не всегда успевают окислить.

ПРЕДОСТАВЛЕНО А.С. САВВИЧЕВЫМ

С другой стороны, в некоторых озерах метан удастся окислить при гораздо меньшей глубине. В прошлом году мы изучали меромиктическое озеро на берегу Кандалакшского залива Белого моря. В меромиктическом водоеме слои воды не перемешиваются. В исследованном нами озере четко выделяются слои: наверху – кислородсодержащий, внизу – сероводород и метан. На границе между ними на глубине 4 метров в тонком слое микробы активно окисляют метан и сероводород. Получается такой биологический фильтр, поглощающий выброс газов.

Исследования в спокойном Белом море...

– Так, может быть, добавить таких микробов в море Лаптевых?

– Нужно не добавлять, а создать условия для размножения микробов – это догма микробиологии. Так же, например, как и в почве содержатся почти все микроорганизмы. Одни отлично в ней размножаются, другие – «спят», ожидая благоприятных условий. Так, в почве под яблоней содержится всего несколько клеток дрожжей. Но как только на землю падает яблоко, они начинают быстро размножаться и поглощают плод. Затем численность дрожжей падает, они в минимальном количестве будут ждать, когда упадет новое яблоко.

К слову, с изменением условий жизни микроорганизмов связана и экологическая проблема Байкала. Основным фитопланктоном озера были диатомовые водоросли – особые пресноводные эндемики. Люди стали сливать в Байкал отходы с повышенным содержанием соединений фосфора – прежде всего фосфаты, содержащиеся в моющих средствах. А фосфор – благоприятная среда для развития цианобактерий, больше известных как сине-зеленые водоросли. Они-то и вытеснили диатомовых эндемиков. При вспышках цветения цианобактерии выделяют токсины, губительные для зоопланктона. Решение проблемы – прекратить выброс фосфатов, использовать бесфосфатные моющие средства, и вслед за неорганической средой озера начнет меняться органика.

– А как человек повлиял на всемирное потепление? Есть какие-то открытия в этом направлении?

– Вообще, развитие науки имеет разные стимулирующие причины. Первое и самое понятное – это желание что-то создать. Я считаю самым

ПРЕДОСТАВЛЕНО А.С. САВВИЧЕВЫМ

выдающимся открытием XX века выделение пенициллина из плесневого гриба, сделанное Александром Флемингом. То есть открытие антибиотиков, которое принципиально снизило смертность от инфекционных заболеваний. Это открытие привело к резкому росту численности населения и, как следствие, освоению новых территорий и развитию производства. Ну, и конечно, «зеленая революция» – увеличение урожайности сельскохозяйственных культур и индустриальное животноводство. А тема изменения климата это такое модное направление в науке, в котором много спекуляций. То, что потепление сейчас происходит, и то, что климат много раз менялся за историю Земли, – это факт. А какую роль играет здесь человек – вопрос открытый.

...И в штормовом океане

– Действительно ли можно определить, какая температура была, допустим, в Европе несколько тысяч лет назад? Как это делается?

– Температура в далеком прошлом определяется вполне точно. Например, изучаются глубинные слои льда в Антарктиде – по соотношению

ПРЕДОСТАВЛЕНО А.С. САВВИЧЕВЫМ

«Разделка»
керна с донными
осадками
в Карском море

различных газов составляется палеолетопись. Делаются реконструкции по исследованию донных осадков морей и океанов. Например, Гольфстрим в разные времена проходил то южнее, то севернее и, соответственно, приносил в Европу больше или меньше тепла. В донных осадках мы видим, какие микроорганизмы жили в данный период, для какой температуры воды они характерны.

– А как выделение метана связано с деятельностью человека?

– Вклад человека в концентрацию метана в атмосфере довольно весомый. Это прежде всего разведение сельскохозяйственных животных и рисовники. В залитых водой рисовых чеках выделяется метан, а поскольку глубина небольшая, микробы не могут его окислить, газ выходит на поверхность. Полигоны твердых бытовых отходов (ТБО) также «газят» очень серьезно. Хотя количество выделенного метана посчитать довольно трудно, на эту тему также спекулируют. На полигонах в Европе – прежде всего в Германии – для откачивания метана устанавливают дренажные трубы. Наши ученые предложили еще один вариант: запустить в толщах полигона аэробные процессы, то есть с участием кислорода. Тогда аэробные микроорганизмы окислят органику до конца – будет выделяться не метан, а углекислота. Для этого нужно установить компрессоры и продувать тело полигона воздухом. Такой способ может быть достаточно эффективным, но вряд ли он где-то используется. Мы в свое время испытали еще один подход – создание почвенного биофильтра. Исследования проводились на подмосковном полигоне Хметьево. Опять же, как и в почве под яблоней, важно в землю вносить не микробы-метанотрофы, окисляющие метан, а нужные для их развития органические и неорганические вещества. Задача стоя-

ла – определить количество этих веществ, частоту внесения, ну, и чтобы они обходились максимально дешево. Хороший вариант – активный ил с полей аэрации, содержащий как микроорганизмы, так и множество веществ, стимулирующих начальную стадию разложения. Подходят и отходы биотехнологических производств – например, молочная сыворотка. Самое главное на полигонах – сократить начальную, латентную стадию разложения мусора, которая длится годами. Органика послужит спусковым крючком, запускающим активное перегнивание. Вместе с тем нужны малоочищенные минеральные удобрения, нужные микробам для обильного роста. Получается своего рода биореактор, процессами которого можно управлять. Наши исследования однозначно показали: если накрыть полигон тонким слоем подготовленной почвы, выброс метана в атмосферу значительно сокращается. Конечно, нужно не только создать почвенный фильтр, но и поддерживать его. Не знаю, используется сейчас где-то наше изобретение или нет. В мире таких практик очень мало – на полигонах в основном занимаются инженерными решениями, а не биотехнологическими.

– Вы хотите сказать, что в современном мире полигоны ТБО вполне имеют право на существование?

– В мире на полигонах по-прежнему захоранивается подавляющее большинство отходов. А насколько полигон экологичен, зависит от культуры производства и в первую очередь от строгого соблюдения норм и технологии.

– Вернемся, однако, к высоким широтам. Какие еще изменения происходят в Арктике в связи с потеплением климата?

– Новое и очень интересное явление – воронки газового выброса. Представьте сильно сжатый пузырь метана диаметром метров 40, образовавшийся в тундре на глубине нескольких десятков метров. Этот пузырь медленно поднимается на поверхность, выдавливает большой бутор с трещинами. И наконец взрыв – газ молниеносно высвобождается в атмосферу. На земле образуется воронка с высокими гладкими стенками. Стены воронки быстро разрушаются, она затопливается водой – через два-три года это будет обычное озеро. Воронки газового выброса были открыты на Ямале в 2014 году. Первая народная версия – инопланетяне. Корабль пришельцев был заморожен в вечную мерзлоту, откуда они подглядывали за нами. А потом растопили лед и улетели, оставив колодец... Большинство известных воронок находится в самых труднодоступных уголках Ямала. Мне впервые довелось исследовать воронку газового выброса зимой 2018 года: летом туда добраться не удалось. Хотя природа воронок еще изучается, можно утверждать, что их образование связано с таянием мерзлоты и они могут выбрасывать в атмосферу значительные объемы метана.

– Что опять же увеличивает парниковый эффект. А что если в атмосферу искусственно добавить кислород, это решит проблему?

– Нет. Просто будет больше кислорода, на парниковые газы это никак не повлияет. Нужно не кислород добавить, а переработать углекислый газ.

– То есть развивать, так сказать, легкие планеты...

– А что является легкими планеты? Совсем не джунгли. Действительно, тропические леса выделяют массу кислорода, но и так же активно его потребляют на перегнивание. В результате фотосинтеза углерод из углекислоты перешел в древесину. Дерево упало, микробы и грибы «пережевывают» его, потребляют кислород и выводят углекислоту обратно. Это такое автономное хозяйство, которое почти никакого кислорода не дает вовне.

Доноры кислорода – то есть истинные легкие планеты – это прежде всего болота. Там отжившая биомасса опускается в анаэробную, то есть безвоздушную, толщу, где консервируется. Получается, растение кислород выделило, но перегнивания нет, и кислород не расходуется. Легкие – это в первую очередь болота России и Канады, как лесистые, так и тундровые. Так же и в других экосистемах, где цикл выделения и потребления кислорода разорван. Например, в океане: водоросли выделяют кислород и захораниваются на дне. Да, это донор небольшой, но все-таки он постоянно действует.

В какой-то степени донорами кислорода являются леса средней полосы – там перегнивание идет очень медленно. Если в тропиках дерево разлагается за три-четыре года, то в алтайской тайге упавшая сосна может лет сто пролежать. Однако положительный эффект леса полностью исчезает, если случается пожар. Выделяется углекислота, множество сажевых частиц, которые самым негативным образом влияют на экологию. А лесной пожар потушить где-нибудь в Забайкалье – в настоящее время средств таких не существует. И не нужно ругать губернаторов за то, что они не могут справиться с огнем: человечеству это не под силу. Нужно не тушить пожары, а не допускать их – гораздо строже бороться с распространителями пожаров. Кстати, данные палеолетописи говорят о том, что в пожарах на Земле виновен именно человек: до него лес естественным образом горел гораздо реже.

– Вы занимаетесь исследованиями уже более сорока лет. Можете сопоставить условия работы в советское время и сейчас: приборы, методы, технологии?

– Что касается инструментария, то в советское время было много самоделок. При всех научных институтах имелись свои экспериментальные базы, где работали Кулибины, способные сделать из старой швейной машинки телескоп. Запомнился мне масс-спектрометр, который ваяли на заво-

ПРЕДОСТАВЛЕНО А. С. САВВИЧЕВЫМ

де в Сумах на Украине. Прибор был громоздкий и требовал тщательного ухода. Наши два инженера постоянно занимались его доработкой. Сколько сил было на него потрачено: стеклодувы выдували нужные сосуды, на станках вытачивали детали – подгоняли, переделывали. В итоге получилось что нужно – мы с этим масс-спектрометром измеряли изотопы серы в донных осадках. В музей бы тот прибор отдать, но, к сожалению, его сдали на металлолом. В советские годы деньги на приборы всегда были шальные – изредка вдруг кому-то из академиков удавалось выбить что-то. Жизнь в институте начинала крутиться вокруг нового прибора – надо было его быстро освоить и не сломать. Сейчас мы покупаем приборы на свои гранты, на дорогостоящие вещи скидываемся грантами. Хороший электронный микроскоп у нас один на пять-шесть лабораторий.

– А как в новое время организуются экспедиции в Арктике, существуют постоянные базы?

– Все очень по-разному. Стационаров мало, в тундре разбиваем лагерь, ставим большую тяжелую палатку. Несколько лет назад на Новой Земле мы разместились в Русской гавани на заброшенной метеостанции рядом с бывшей военной базой. О заброшке договорились с военным гидрографическим судном. У него была какая-то своя задача там, и нас тоже взяли – институт за это перечислил гидрографам деньги. К нам прикомандировали отставного офицера охранять остатки военной базы – уж не знаю, от кого ее там нужно охранять. Мы заняли небольшой домик, отремонтировали его, сделали печку-буржуйку, вывели через крышу трубу, в качестве дров остатки бараков использовали – три дня только оборудованием места занимались. Новая Земля летом это сильные ветра, температура 2–7 градусов, белый медведь ходил к нам помойку подчищать... Вообще, я люблю полевые экспедиции – и сухопутные, и морские.

Александр Саввичев и микробиолог Елена Захарова поднимают пробу с донными образцами на лебедке научно-исследовательского судна «Академик Мстислав Келдыш»

ФОТО АВТОРА

– В морские экспедиции берут только ученых, устойчивых к качке?

– Нужно быть способным перенести и качку. Я считаю себя в этом плане середнячком. Однажды мы попали в Тихом океане в тайфун «Чаба», я не приходил в себя пять суток, был совершенно зеленым от качки. А вот мой коллега продолжал работать. Кстати, реакция на качку бывает разная. Так, у моего руководителя, академика Михаила Владимировича Иванова, качка резко повышала аппетит. Вообще, морские экспедиции очень своеобразные. На месте исследования судно ложится в дрейф, исследования идут круглосуточно, в воду опускаются приборы, со дна поднимаются пробы, разбираются по лабораториям... В море много разных традиций, идущих от старой советской

науки. Например, «Праздник Нептуна» при прохождении экватора. Это действо с большим количеством героев: черти, морской дьявол, доктор, главный распорядитель. Те, кто впервые на экваторе, пролезают через закопченную дымоходную трубу – сажу с них смывают, обливая из ведер водой. Для новичков рисуют грамоты за прохождение экватора с чудовищами и русалками.

– А на суше с какими оригинальными традициями местных жителей вы сталкивались?

– На Памире мы исследовали озеро Сарезское – огромное, красивейшее и труднодоступное, образовавшееся после землетрясения в 1911 году. Там, в Горном Бадахшане, нас угощали зеленым чаем. В ходе знакомства в чай последовательно добавляли ячье молоко, соль, ячье масло, вяленое мясо. А как стало ясно, что гости – представительные, в кружку положили еще холодных макарон. Макароны в горах – самое дорогое блюдо, привозное, в местной традиции означает высшую степень гостеприимства.

А на Чукотке до сих пор едят копальхен. Тюленя или моржа закапывают в шкуре на несколько месяцев в землю, а затем употребляют без всякой обработки. Для многих северных народов это деликатес и полезная пища. Во время гниения происходит ферментация мяса, бактерии выделяют очень много витаминов. Но для городского неприспособленного человека это может закончиться сильнейшим отравлением – если, конечно, он сможет попробовать копальхен. Я был уверен, что смогу: подготовил закусить чеснока и водки, думал, заткну нос и съем... Не тут-то было – к этому совершенно невозможно прикоснуться.

– Александр Сергеевич, какой сейчас у России вектор развития Арктики? Что там делать помимо добычи ископаемых, быть городам с постоянным населением или не быть?

– Могу сказать только, что жилых городов в Арктике становится все меньше. Совершенно опустел Хальмер-Ю, умирают Амдерма – там располагался стратегический аэродром дозаправки, Грениха – крупнейшая база атомных подводных лодок. Даже Воркута пустеет. Порты по Севморпути раньше были жилые, теперь все больше на вахтовый метод переходят. Хотя в связи с потеплением навигация по Севморпути невероятно расширилась – примерно с июня по октябрь. Короткий путь в Америку, Японию и Китай открыт, есть необходимая ледокольная база. Мурманск – уникальный город-порт, ничего подобного в мире нет. Ном, самый северный порт Аляски, в сравнении с Мурманском деревня и расположен намного южнее. Пожалуй, только Салехард, Новый Уренгой и Новый порт развиваются. В Салехарде активно работает Центр освоения Арктики с базой вездеходов. А концепция страны в Арктике ждет своих умов. Это же как с микроорганизмами: чтобы люди там жили, нужно соответствующие условия создать. ♣

Инициалы «аз».
«Каллиграфический подлинник»
Строгановых.
Федор Басов.
1604 год. Санкт-Петербургский институт истории РАН

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

КРАСОТА ПЕРВОЙ БУКВЫ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ

ИХ ТРУДНО НЕ ЗАМЕТИТЬ. КАЖДЫЙ, КТО КОГДА-ЛИБО ВИДЕЛ В МУЗЕЯХ ИЛИ БИБЛИОТЕКАХ СТАРИННЫЕ ПАРАДНЫЕ РУКОПИСИ, НЕПРЕМЕННО ОБРАЩАЛ ВНИМАНИЕ НА УВЕЛИЧЕННУЮ В РАЗМЕРЕ И УКРАШЕННУЮ ОРНАМЕНТОМ ПЕРВУЮ БУКВУ ТЕКСТА.

ТАКУЮ БУКВУ НАЗЫВАЮТ ИНИЦИАЛОМ (от лат. *initium* – «начало». – Прим. авт.), а в русском языке ее именуют также буквицей.

Раннее название инициала – «миниатюра» – происходит от латинского же слова *minium*, обозначающего свинцовый сурик – минерал, который еще в древности использовали для получения красной краски. Как правило, именно красным, контрастировавшим с основной массой черных или коричневых литер, выделялись важные места рукописи: заголовок, начало текста, первая буква того или иного раздела. Пройдут века, прежде чем термин «миниатюра» станет употребляться в привычном для нас значении: изящная, тонко

выписанная картинка небольшого формата.

Древнейшие из дошедших до нас инициалов созданы в Италии и относятся к эпохе поздней Античности. Спустя столетия в славяно-русской рукописной книге инициалы также становятся важным элементом оформления. Количество буквиц в разных книгах варьируется от одной до сотен – последнее особенно характерно для богослужебных Евангелий. С инициалами связана и одна из первых загадок в истории русского искусства: вопрос происхождения и трактовки «личин», вписанных в ряд буквиц Остромирова Евангелия – наиболее ранней из точно датированных славянских книг, созданной в 1056–1057 годах для новгородского посадника Остромира.

ЗАГАДКА ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЛИКОВ

Округлые, яркие, нарумяненные, несмотря на свой индифферентный взгляд, они придают страницам рукописи развлекательный оттенок, казалось бы, немыслимый для столь серьезной книги, как богослужебное Евангелие. Все женские лица представлены в фас, мужские – в профиль. Контуры и черты лиц обведены тонкой золотой линией, придающей им особую роскошь и элегантность. Очерченное сверкающим контуром пространство заполняет основной фон с красной подрумянкой. Встречаются лики телесного цвета, почти белого, с розовой моделировкой, либо охристого с белой. К «телу» инициалов лица крепятся при помощи своего рода подставок-консоль. Остальные элементы «лицевых» буквиц представляют

Инициал «веди».
Остромирово
Евангелие.
1056–1057 годы.
Российская
национальная
библиотека

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

собой вариант эмальерного (или лепесткового) типа орнамента, восходящего к искусству перегородчатой эмали и отсылающего к образу райских кущ: фрагменты стеблей и лепестки в различных комбинациях, плотно и густо раскрашенные, обведены все той же золотой линией, что и контуры лиц.

Происхождение и значение этих ликов по сей день остаются загадкой. Хотя в целом оформление Остромирова Евангелия мало отличается от убранства современных ему парадных греческих кодексов, ни византийские, ни латинские рукописи того времени не дают нам аналогичного материала. Впрочем, в X веке в орнаменте греческих книг иногда встречаются изображения человеческого лица, но настолько маленькие и простые, что быть образцами для вписанных в инициалы лиц Остромирова Евангелия они никак не могут. Что касается предположений о возможных источниках данных изображений, выдвигаемых исследователями, то здесь прежде всего стоит упомянуть образы солнца и луны в композициях Распятия и в иллюстрациях к спискам «Христианской топографии» византийского купца-путешественника и литератора VI века Космы Индикоплова. Кроме того, при внимательном рассмотрении «личины» Остромирова Евангелия напоминают каменные маски романской архитектуры Италии и Германии XI–XII столетий – сходство с ними усиливается благодаря консолям, на которых «держатся» лики букв. Таким образом, писцам Евангелия были знакомы не только греческие, но и, судя по всему, западноевропейские художественные традиции тех лет.

Помимо человеческих лиц в эмальерном орнаменте инициалов Остромирова Евангелия встречаются вплетенные в него головы зооморфных (животноподобных) монстров. В большинстве случаев головы монстров напоминают псы, иногда – морду орла или крокодила. Декор гре-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ческих кодексов подобных чудовищ также не знает. Сознание византийских книгописцев чуждается их: животные и птицы греческих рукописей натуралистичны и довольно легко соотносимы с природными прототипами. Зато именно монстры населяют мир латинских манускриптов, равно как и порталы и капители романских соборов, имея своим источником христианскую эсхатологию. «Чудовищные» элементы проникли сюда из орнамента «варварских» народов с его зооморфными мотивами.

Сочетание византийского эмальерного орнамента с «варварскими» образами весьма необычно и является яркой отличительной чертой оформления славяно-русской рукописной книги на этапе ее становления. В XIII–XIV столетиях «чудовищная» тематика уже прочно обособывается в декоре древнерусской книги. Оформленные

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Инициал «како». Юрьевское Евангелие. XII век. Государственный исторический музей

подобным образом инициалы получили название тератологических – от греческих слов «тэратос» (чудовище) и «логос» (учение). Это определение было предложено в XIX веке выдающимся исследователем славянской книжности Федором Буслаевым.

«ЧУДОВИЩНЫЕ» БУКВИЦЫ

Первым книжным памятником с преобладающими зооморфными элементами в оформлении инициалов является Юрьевское Евангелие, созданное в Киеве около 1120 года. Доминирующий в рукописи тип орнамента можно считать предвестником зарождавшегося тератологического стиля. История донесла до нас имя переписчика манускрипта – Федор Угринаец (прозвище указывает на происхождение каллиграфа из земель «угров», то есть венгров. – Прим. авт.). Скорее всего, переписчик не был венгром, а лишь родился в тех местах или когда-либо посещал Венгерское королевство. Как бы то ни было, это обстоятельство в некоторой степени проливает свет на историю появления тератологических мотивов в книжной орнаментике Древней Руси.

Классический тератологический инициал представляет собой животное или птицу, опутанных плетением, исходящим из хвоста или крыла, и выбрасывающих изо рта листу. Подчас сама буква в инициале едва различима, поскольку ее остов скрыт изображением «связанного» жгута фантастического существа. С конца XII века подобные инициалы появляются в восточной Болгарии, а в XIII столетии широко распространяются на Руси. Их преобладающие цвета – красный, желтый и зеленый. Из соответствующих памятников отметим Симоновское Евангелие 1270 года. В конце XIII столетия появляется более гармоничная раскраска: красный контур бесцветных изображений сочетается с голубовато-зеленым, ярко-голубым, а с XIV века – серо-голубым фоном. Последнее особенно характерно для рукописных книг Великого Новгорода.

Инициал «мыслете». Фроловская Псалтырь. XIV век. Российская национальная библиотека

В тератологических буквицах встречаются не только образы животных и птиц, но и человека. Так, в одном из классических памятников книжной тератологии – новгородской Фроловской Псалтыри XIV столетия – мы находим инициал «мыслете». Буквица составлена из фигур двух рыбаков, тянущих сеть; над ними помещены надписи «потяни, корвин (сукин. – Прим. авт.) сын» и «сам еси таков». В качестве другого забавного примера можно привести буквицу «рцы» в Евангелии 1355 года, также созданном в Великом Новгороде. Инициал представляет собой человека, накрывающего себя ушатом. Поверх буквицы читаем: «обливается водою».

Тератологический орнамент книжных инициалов перекликается с другими памятниками эпохи – в частности, с каменным декором Дмитриевского собора во Владимире 1190-х годов и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском 1230–1234 годов. В XV–XVI веках книжная тератология сохраняется лишь в рукописях Рязанского края. Причем вместо серо-голубого фона в ней господствует зеленый.

ФАНТАЗИЙНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

В начале XV столетия тератологический стиль оформления рукописей уступает место пришедшему с Балканского полуострова плетенному геометрическому орнаменту, позже названному балканским. Балканский орнамент представлен двумя типами инициалов. Первые состоят из переплетающихся между собой веток, жгутов и геометрических фигур. При этом фон буквиц разделан «жемчугом» (кружочками) и крестиками. Инициалы попроще выполнены одним цветом – киноварью, реже золотом. Появление этого типа декора совпадает со значительными изменениями в орфографии и графике письма (так называемое «второе южнославянское влияние»). – Прим. авт.), а также в облике рукописной книги (переход с пергамента на бумагу и связанное с этим

Инициал «есть». «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Рубеж XV–XVI веков. Российская государственная библиотека

Инициал «слово». Евангелие Хитрово. Около 1400 года. Российская государственная библиотека

изменение формата – он становится более вытянутым по вертикали. – Прим. авт.). Среди инициалов балканского стиля отметим весьма оригинальную буквицу «есте» с двуперстным крестным знаменем из списка «Повести о Варлааме и Иоасафе» рубежа XV–XVI веков.

Примерно в это же время в инициалах отдельных манускриптов начинает преобладать так называемый ново- (или нео-) византийский стиль, представляющий собой стилизацию растительных мотивов, расчлененных контуром. Из ранних памятников с нововизантийской орнаментацией инициалов выделяется Киевская Псал-

Инициал «аз». Буслаевская Псалтырь. Конец 1480-х годов. Российская государственная библиотека

тырь 1397 года. Кроме того, к нововизантийскому типу инициалов относятся зооморфные буквицы ряда московских парадных книг конца XIV – начала XV века: Евангелия Хитрово, Евангелия Успенского собора Московского Кремля (Морозовского), Евангелия Федора Кошки и некоторых других.

Таким образом, в основу орнаментики большей части славяно-русских инициалов ложились растительные элементы, к которым иногда присоединялись антропоморфные и зооморфные образы, жгуты и геометрические фигуры. Даже имея перед собой образец, художник (им мог быть как непосредственно каллиграф, так и отдельный мастер. – Прим. авт.), как правило, выписывал буквицу «по своей фантазии», обогащая ее дополнительными деталями либо убирая что-то, казавшееся лишним.

Один из ярких примеров стилистического богатства оформления инициалов мы встречаем в Буслаевской Псалтыри, датированной концом 1480-х годов. Этот удивительный манускрипт, названный именем его первого исследователя, Федора Буслаева, относится к кругу памятников рубежа XV–XVI столетий, в которых активно осваиваются западноевропейские художественные элементы, прежде всего итальянские и нидерландские. Фантазия переписчика рукописи воистину неисчерпаема. Обилие всевозможных инициалов, вобравших византийские, ренессансные и готические мотивы, поражает воображение: здесь и нежнейшие полупрозрачные травяные буквицы, и тонко выписанные нововизантийские, и затейливые балканские. Имеется также пара инициалов – «а йотированное» и «аз», – представленных в виде всадников. Более того, буквица «аз» в виде крылатого (ангельского) всадника перекликается с начинаемым ею словом «ангел».

Большинству инициалов не стоит приписывать какие-либо узкие смысловые трактовки. Сле-

дует лишь учитывать, что любой растительный орнамент, помещенный в христианскую книгу, как правило, отражает идею райского сада. Один из таких орнаментов, впоследствии названный старопечатным, появляется в оформлении славяно-русских буквиц со второй четверти XVI столетия, а с XVII века занимает в нем главенствующее положение.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

«ПРОПИСНОГО АЛФАВИТА»

История зарождения старопечатного стиля отсылает нас в Германию – на территорию сегодняшней земли Северный Рейн – Вестфалия, где жил и творил художник-гравер и ювелир Израэль ван Мекенем Младший. Израэль ван Мекенем родился между 1430 и 1445 годами в немецкой семье нидерландского происхождения. Азам художественного ремесла Израэля научил отец, и первые его работы были копиями отцовских произведений. Более 600 работ – таково наследие Израэля ван Мекенема. Помимо сюжетов Священной истории в них запечатлены сцены из светской жизни, быт и костюмы людей современной ему эпохи. Талант художника проявился не только в создании оригинальных произведений, но и в копировании работ знаменитых современников – таинственного мастера E.S, Мартина Шонгауэра и Альбрехта Дюрера. Благодаря одной из его гравюр мы знаем, как выглядел и сам ван Мекенем. Двойной портрет, о котором идет речь, был создан около 1490 года. Латинская надпись в нижней части гравюры гласит: «Портрет Израэля с женой Идой». В Британском музее сохранилась поздняя зарисовка надгробной плиты художника, из которой следует, что скончался он 10 ноября 1503 года. В 1480–1488 годах ван Мекенем создает работу, важность и культурные последствия которой сам он, думается, до конца не осознавал. Произведение, о котором идет речь, представляет собой серию высокохудожественных

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

гравированных буквиц под названием *Das grossere Majuskel-Alphabet* («Большой прописной алфавит»). Серия состояла из шести листов по четыре буквы на каждом (буквы J и W включены не были). В основу композиции инициалов художник положил растительный мотив – декоративный акантовый выюнок. Выбор растения для построения орнаментальных тел буквиц был не случаен, и связан он не только с очевидной красотой акантового листа, еще со времен Античности служившего моделью для всевозможного декора. В христианской символике акант отсылает к образу Страстей Господних, к терновому венцу, и, одновременно, – к бессмертию, вечной жизни и райскому саду. Контраст черной краски и белой бумаги, объемная штриховка, плавность и изящество линий дали великолепный эстетический эффект. К моменту создания Израэлем ван Мекенемом «Прописного

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Инициал
«tē». Гравюра.
Израэль ван
Мекенем.
1480–1488 годы

Инициал
«живете».
Киевская
Псалтырь.
1397 год.
Российская
национальная
библиотека

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Израэль ван Мекенем. Гравюра.
Израэль ван Мекенем. Около 1490 года

алфавита» стремительно распространявшееся по Европе книгопечатание породило невиданный прежде спрос на образцы книжных украшений. В конце XV столетия ксилографические копии парадных инициалов ван Мекенема встречаются в инкунабулах, отпечатанных во Фландрии, немецких землях, Кастилии и Португалии. На рубеже XV–XVI веков гравированные листы с мекенемовскими буквицами попадают в западно-русские земли, а затем и в Московскую Русь, где с ними познакомились еще до появления собственно печатных изданий. Буквицы Мекенема стали образцами для оформления рукописей: их копировали от руки, на их основе изобретали заставки, маргинальные украшения и, конечно же, создавали инициалы. Великолепная подборка восходящих к «Большому прописному алфавиту» кириллических инициалов представлена, в частности, в строгановском «Каллиграфическом подлиннике» 1604 года.

Попав в Россию, «Большой прописной алфавит» настолько полюбился местным книгописцам, что стал отправной точкой творчества многих поколений русских мастеров. А география распространения возникшего на его основе старопечатного орнамента протянулась от Брянщины до Забайкалья.

ИНИЦИАЛЫ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ МАНУСКРИПТОВ

В XVIII – начале XX века основными центрами переписки славяно-русских книг, а следовательно, и искусства их оформления, становятся места компактного проживания старообрядцев. Выголексинский монастырь в Карелии (до конца 1830-х годов), Ветка и Стародубье на российско-польском пограничье и подмосковные Гуслицы известны как крупнейшие региональные центры книжного искусства со сложившейся самобытной стилистикой. Инициалы созданных здесь манускриптов вобрали в себя элементы старопечатного, барочного и травного орнамента. Идея райского сада подчеркивается фигурками вписанных в композицию букв миниатюрных птиц. В выголексинском скриптории оформляется так называемый поморский стиль. Растительные инициалы здешних рукописей изобилуют длинными орнаментальными ветками-отростками, которые часто стелются вдоль всего поля листа. Ветки букв украшались кривыми (цветами лилий), а также ягодами клюквы и морошки, в изобилии растущих в окрестных лесах. Обилием растительного декора отличаются и ветковские инициалы. Кроме того, в них часто присутствует

Инициал «како». «Канон Честному Кресту». Иван Блинов. 1899 год. Российская государственная библиотека

Инициал «покой». «Обиход». Выголексинский монастырь. Начало XIX века. Собрание М.А. Максимова

Инициал «омега». Триодь. Гуслицы. 1832 год. Собрание М.Л. Егорова

характерная цветная штриховка. Однако, в отличие от выговских и гуслицких, ветковские буквы никогда не содержат золота. Определенное сходство с ветковскими имеют инициалы гуслицких книг. По сравнению с первыми они обладают чрезвычайно яркой, вплоть до ядовитости, цветовой гаммой, а листья гуслицкого орнамента более крупные и округлые.

На Русском Севере, в Поволжье и на Урале существовал и ряд других, менее выраженных региональных стилей художественного оформления книг, включая буквы. Например, недавно уральской исследовательницей Натальей Ануфриевой был выявлен шарташский стиль, сложившийся на рубеже XVIII–XIX веков в шарташских скитах близ Екатеринбурга. Немало писалось и эклектичных работ.

К концу XIX столетия появляются яркие мастера, которым уже тесно в рамках отдельных региональных стилей. Этому способствовал рост благосостояния и мобильности старообрядческих общин, а также общий интерес к древнерусскому наследию со стороны аристократии и купечества, благодаря чему сформировался круг богатых, взыскательных заказчиков. Так, в 1899 году городецким каллиграфом и художником Иваном Блиновым (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2016 год, статья «Золотое перо». – Прим. ред.) по заказу купца Григория Прянишникова (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2016 год, статья «Экстравагантный антиквар». – Прим. ред.) был переписан и оформлен «Канон Честному Кресту». Декор книги поражает воображение: в небольшой по объему рукописи художник создал инициалы всех типов древнерусского орнамента XI–XVI веков. В 1913-м проживавший в Вильнюсе каллиграф Иван Гущенко создает, пожалуй, свою лучшую работу – певческую книгу «Служба Святой Пасхе». Главной особенностью декора рукописи служат крупные инициалы с вписанными в них сценами праздничных тор-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Инициал «веди». «Служба Святой Пасхе». Иван Гущенко. 1913 год. Частное собрание

жеств – тот пример, когда оформление буквиц семантически связано с текстом манускрипта. В один из орнаментальных инициалов – «веди» – вписана кирпичная моленная с выходящими оттуда прихожанами, первый из которых несет перед собой красное яйцо, а два других на переднем плане обнимаются и христосуются.

К числу оригинальных инициалов относятся и некоторые работы старообрядческих каллиграфов второй половины XX столетия. Среди них буква «покой» из «Слова о пьянстве» 1990-х годов: пермяк Евгений Смирнов нарисовал ее в виде двух бутылок с зеленой жидкостью, соединенных между собой тарелкой, на которой стоит стопка и лежит закуска, при этом горлышки бутылок обвивают миниатюрные зеленые змейки.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Инициал «покой». «Слово о пьянстве». Евгений Смирнов. 1990-е годы. Собрание Д.Н. Канаева

Тот факт, что искусство инициала, равно как и искусство рукописной книги в целом, пришло к нам из Болгарии и Византии, не отменяет его самобытности. Смешение на русской почве различных стилей, их взаимное переплетение и обогащение, породило новые формы. На византийский растительный декор наслонились зооморфные чудовища, берущие начало в сценах Апокалипсиса и характерные для памятников Западной Европы. Позже в русских инициалах появляются балканская плетенка, готические мотивы «Большого прописного алфавита» Исаэля ван Мекенема и барочный орнамент. Русские мастера вносили в буквицы бытовые сцены и элементы окружающего пейзажа – травы, ягоды, цветы. Все это копировалось, раскрашивалось и творчески перерабатывалось, радуя не только своих создателей, но также будущих читателей и «писателей». ❶

ЯРОСЛАВ ПОСЛЕДНИЙ И КОНЕЦ КИЕВСКОЙ РУСИ

АВТОР
ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

СОВРЕМЕННОКИ СЧИТАЛИ ЕГО НАГЛЕЦОМ,
ЗАВОЕВАТЕЛЕМ, БЕСПОКОЙНЫМ ГЕРОЕМ-
КРЕСТОНОСЦЕМ, А ТАКЖЕ БЕЗЖАЛОСТНЫМ
И НЕТЕРПЕЛИВЫМ ВИНОВНИКОМ МЕЖДОУСОБИЦ.
ПОТОМКИ ПРОЗРАЧНО НАМЕКАЛИ НА ТРУСОСТЬ
ВО ВРЕМЯ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ
И ДАЖЕ ПРИПИСЫВАЛИ ЕМУ «АВТОРСТВО»
УТВЕРДИВШЕГОСЯ ИГА.

ЭТО ИМЕННО ОН ПОКОРИЛ вольнолюбивых новгородцев, то доводя их до голода, а то спасая от него. Именно он был трижды изгнан из Новгорода, а потом на многие годы привязал волховскую столицу к своей династии. Именно он громил немецких рыцарей, которые проваливались под лед, хотя этот образ теперь прочно связан с подвигами его сына Александра. Именно он, подобно католическим миссионерам, начал крестить языческие племена. Он – создатель княжества Вячко в Эстонии. Он – правитель Карелии. Он – участник крупнейших русских междоусобиц, но также первый союзник Орды. Последний великий князь Киевский и Владимирский в одном лице, признанный всеми землями Руси – Ярослав Всеволодович, князь Переславский, Новгородский, Киевский, Владимирский и т.д., сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, отец Александра Невского.

ОТ ЯРОСЛАВА ДО ЯРОСЛАВА

Периодизация русской средневековой истории традиционно отделяет домонгольский период от всего, что было потом. Монголы как рубеж, хотя само нашествие вовсе не включало лишь одну дату или год или даже несколько лет. Это членение условно. Предполагается, что дикая орда смела наследие прошлых лет, а на выжженном поле выросло что-то разительно новое. Росло, росло, страдало и превратилось в цветущее Московское государство, которое в итоге сбросило зависимость от восточных кочевников, а вскоре поглотило и их самих. Такая упрощенная схема удобна для создания формальных конструкций, хотя понятно, что все рамки и характеристики носят предельно обобщенный характер. Тем не менее монголо-татары здесь и знаковый рубеж, и смысловой финал. Их нашествие на Владимиро-Суздальскую Русь началось в 1237 году. В 1240 году

они смели южнорусские и западнорусские земли, а потом, до 1242 года, громили европейские государства. И только в 1243 году состоялась встреча князя Ярослава и хана Батия, определившая на столетия судьбы Руси, то есть в итоге – России.

Примечательно, что собственно русская средневековая история начинается также с Ярослава – Ярослава Владимировича Мудрого, первого киевского князя, от времени которого сохранились полноценные письменные свидетельства. Его отец – Владимир Святославич, святой креститель Руси, полувикинг, полуязычник, могучий воин, по сути, бродяга, безжалостный грабитель и прежде всего – легенда. Ярослав же – документ, администратор, дипломат. Именно при Ярославе из агломерации племен, зависимых от харизматичного вождя, Русь начала превращаться в раннефеодальное государство с зачатками бюрократии, цер-

ковной структурой, символикой, текстами, миссией.

И вот минуло двести лет, и перед нами снова Ярослав – харизматичный администратор, завоеватель. После него титул «великий князь Киевский» превращается в фикцию, подобно «королю иерусалимскому» после падения Акры.

У Ярослава Всеволодовича был сын по имени Ярослав, и он был великим князем в 1263–1272 годах, но в Киев никогда не ездил. Там Ярослав больше не правил. Да и самого Киева, крупного евразийского мегаполиса, больше не было. Лишь 200 домов осталось, как писал францисканец Плано Карпини, державший через Русь путь в монгольскую столицу в середине XIII века. Разрушенный и разоренный монголами, Киев будет восстановлен в сопоставимом значении только к XVII веку. Эпоха действительно надломилась, когда последний Ярослав, Ярослав Всеволодович, поднялся там на хоры храма Святой Софии. Домонгольская, Киевская Русь от Ярослава до Ярослава.

ПОЧЕТНЫЙ ПРИЗ

Когда он появился на свет, ничто не предвещало нашествий и переломов. Это случилось 8 февраля 1191 года, когда на Руси главенствовал могучий князь Всеволод, отец Ярослава; когда степняки давно превратились из завоевателей в соседей, а некоторые в родственников; когда западные страны еще сражались в Палестине; когда в Прибалтике никто не ставил под сомнение власть Новгорода и Полоцка; когда Тэмуджин едва только основал свой первый улус и еще не планировал стать Чингисханом; когда Византия еще процветала, а православная церковь была не только духовным, но и властным ориентиром.

Ярослав по старшинству был третьим из достигших зрелости сыновей Всеволода Большое Гнездо. Ему не грозило великокняжеское наследство, его горизонтом должен был стать удел, не самый крупный, но и не самый последний, выделенный родителем, а потом подтвержденный братьями. Это была прочная патриархальная семья, «большое гнездо», ставшее позднее эпонимом для ее основателя – великого князя Всеволода. В ней у каждого было место, связанное с наследием и усилением всех, а не кого-то одного.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

И даже при этом судьба играла с Ярославом.

27 апреля 1194 года были у князя Всеволода «постриги» – сына Ярослава посадили на коня. Теперь он князь, рыцарь, мужчина. С этого дня началась его политическая карьера. В 1201 году отец отправил его на юг, в свою волость – на княжение в Переяславль-Русский, ровно по соседству с Киевом, но и на границе Степи. Мальчику было 10 лет, и он был там просто символом присутствия суздальской династии. В Киеве тогда с согласия Всеволода Большое Гнездо пра-

вил Рюрик Ростиславич. Споры за старейший стол не прекращались. Подсчитали, что за столетие, с 1146 по 1246 год, Киев переходил из рук в руки 46 раз – там правили 24 князя. Рюрик Ростиславич занимал киевский стол семь раз, но все-таки скончался не в Киеве. С ним, как и с Всеволодом, соперничали черниговские князья: сначала Всеволод Святославич Чермный, а потом его сын Михаил. Это противостояние растянется на многие десятилетия и несколько поколений, хотя и будет временами сочетаться с различными формами сотрудничества –

все ж таки все они были родственниками.

Особняком стояла волынская династия, возглавляемая тогда могущественным Романом Мстиславичем, едва ли не «самодержцем всея Руси». Он объединил в своих руках все западнорусские земли, создав настоящую Галицко-Волинскую державу, вполне сопоставимую с Польским, Венгерским королевствами и даже с Византией того времени. Именно в Галич в 1204 году бежал из осажденного крестоносцами Константинополя император Алексей Ангел. При этом Роман традиционно находил

общий язык с другим, не менее значимым русским властелином – Всеволодом Большое Гнездо, владевшим землями на Востоке и Севере. Разделение Руси на Восток и Запад тогда проступало уже довольно отчетливо и, кажется, было неизбежным. Но Киев еще считался привлекательным. Галицкие и суздальские властелины им уже пренебрегали, а вот их родичи интересовались, считали почетным призом. Впрочем, перед лицом общей угрозы все старались обычно объединиться. Особенно в связи с событиями в Степи.

КНЯЗЬ ПЕРЕСЛАВСКИЙ

В 1204 году 13-летний Ярослав уже участвовал в большом походе против половцев вместе с великим князем Рюриком, Романом Галицким и другими. А на следующий год отец женил его на половецкой принцессе, дочери хана Юрия Кончаковича. Кажется, что княжичу уже тогда предназначали роль участника южнорусских дел, но ситуация вскоре изменилась. Летом 1205 года погиб князь Роман Галицкий. Его малолетние дети Даниил и Василько были изгнаны. Запад Руси более чем на четыре десятилетия погрузился в гражданские войны. В какой-то момент в событиях попытались втянуть и представителя Суздаля. Пригласили на галицкий стол Ярослава, но потом передумали и променяли на Владимира Игоревича – из черниговских князей. Ярослав обиделся, просил других князей помочь. Но черниговцы перешли в наступление. Всеволод Чермный захватил Киев, а Ярославу предложил убраться на Север, что тот благоразумно и сделал. В 1207 году он вернулся к отцу во Владимир. Неприязнь к черниговцам Ярослав застал навсегда, она стала составной частью его политики, особенно в отношениях с сыном Всеволода Чермного – Михаилом. В 1209 году отец отправил Ярослава на княжение в Рязань. Но там тоже не заладилось. И года не прошло, как созрел заговор. Некоторых наместников Ярослава арестовали и бросили в поруб, а самого собрались выдать черниговцам. Князь запросил помощи отца. На этот раз Всеволод терпеть не стал. Он вторгся в рязанские земли и карательным вихрем прошел по ним, казнив зачинщиков и разорив всех причастных. У молодого страстного княжича пока была возможность скры-

вать свою резкость за могуществом родителя. Но уже вскоре придется полагаться на себя и братьев, и выяснится, что за позором зачастую следует искать не бегство или войну, но компромисс или отступление. В 1212 году великий князь Всеволод умер. И наследники тут же поссорились. Старший, Константин, не получил великокняжеского стола и укрылся в Ростове, младшие объединились вокруг Юрия. Ярослав был с ними. А потом случилась история с его новгородским княжением, которое закончилось кровавой Липицкой битвой 1216 года

дочь Мстислава Мстиславича Удатного, которую отец забрал обратно в 1216 году, а потом – другая, известная по Татищеву как Феодосия, которая родила князю всех восьмерых сыновей и двух дочерей. Рождаться дети начали с 1220 года, то есть последний брак должен быть датирован как минимум 1219-м. Существует также версия, что был только один брак и речь идет про дочь Мстислава от половецкой княжны, которая первые пятнадцать лет совместной жизни никого родить не смогла. Ничего более определенного про эту женщину сказать нельзя. Считается, что она умерла в Новгороде в 1244 году.

Микроскопический нынче Переславль по тем временам был далеко не малозначимым городком, это была столица вполне крупного по тогдашним меркам княжества, которое помимо собственно окрестностей Плещеева озера включало все верхневолжские города от Твери до Калязина и простиралось на юг до Дмитрова и Волоколамска. Оно почти полностью перекрывало пути к Волге из Новгорода и Смоленска, служило важной перевалочной базой торговли Восток – Запад, и наоборот. Это было очень доходное вла-

дение, чьи достоинства и недостатки обеспечивала зажатость между богатыми суздальскими землями (Владимир, Ростов и собственно Суздаль) и более близким к морю, а потому торговым Северо-Западом – Смоленском, Полоцком, Новгородом, Псковом. Позиция достойная, позволяющая правителю почивать в довольно комфортных условиях и не уделять много времени воинским предприятиям. Несмотря на то, что Ярослав, как мы видели, вовсе не был миролюбивым, в эти годы, кажется, он лично мало участвовал в боевых предприятиях.

КОЛПАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

(см.: «Русский мир.ru» №8, статья «Чудо братоубийства». – **Прим. ред.**). Разгромленный и униженный Ярослав 1216–1223 годы провел в своем Переславле-Залесском (ранее Переяславль-Залесский. – **Прим. ред.**). О его занятиях в эти годы известно мало. Он правил и предавался радостям семейной жизни. В эти годы родились старшие его сыновья – Федор и Александр. Кстати, про количество браков Ярослава полемика не утихает. Максимально их предполагают три: первой была половецкая принцесса, затем –

ЭСТОНСКАЯ ИНТРИГА

В 1219 году старший на тот момент из сыновей Всеволода, владимирский князь Юрий, послал брата Святослава на болгар, добавив к его дружине и свои полки. Ярослав также отправил воеводу с отрядом в помощь братьям. Чуть позже он поучаствовал войсками в походе смолян на Полоцк. Всё не сам. К воинским делам Ярослав вернулся только в 1223 году. Семь лет прошло после Липицкого разгрома, и вот князь опять в Новгороде. Как на него смотрели ветераны, у Липицы голышом кидавшиеся в бой, чтоб его же и убить? Время

лечило, и выбирать особенно не приходилось. У Новгорода были сложности в Прибалтике, где завелись и окрепли немецкие колонисты. В то же время южнорусские князья впервые столкнулись с монгольским экспедиционным корпусом и неожиданно были разгромлены кочевниками на реке Калке. А Ярослав в эти дни прибыл в Новгород и проявил исключительную энергию. Возможно, многим казалось, что он учел ошибки молодости. Уже в том же, 1223 году Ярослав организовал большой поход в Эстонию, на Ревель (ныне Таллин): «Приде князь Ярослав от брата, и иде со всею областью к Кольваню, и повоева всю землю Чюдскую, а полона приведе бесчисла, но города не взяша, злата много взяша, и придоша вси здрави». Так коротко извещает о событиях Новгородская летопись, отмечая прежде всего объем награбленного (золото, полон) и отсутствие погибших. Но ливонский хронист Генрих выдает больше подробностей. Русские тогда выступили союзниками некоторых местных племен, поднявших восстание против западноевропейских христианизаторов. Шла большая война за власть в Прибалтике, достигнув пика интенсивности именно в эти годы. Летом 1222-го

датчане в союзе с рижанами попытались обосноваться на Эзеле (Сааремаа), но их замок был захвачен местными ополченцами, а сами интервенты перебиты. Это стало сигналом к объединению эстонских племен. В начале 1223 года везде в Эстонии началась резня немцев – перебили всех рыцарей, священников, судей и пр. Меченосцев выгнали из замка в Вильянди (Феллин), которым они владели с 1211 года, а также из Дерпта (Тарту; бывший русский Юрьев. – Прим. авт.), где они обосновались в 1212 году. Воевать с технологичными иноземцами было трудно, и местные

на их союз с русскими немцы ответили соответственно – они тоже объединились. Раньше в Эстонии было две силы: на севере – датчане, на юге – орден меченосцев. Рижский епископ здесь власти не имел. Но помощь Риги теперь была необходима. И меченосцы скрепя сердце пошли на договор, по которому за военное содействие передавали Риге часть своих владений – утраченных владений – в Эстонии. Большой армией они двинулись к Вильянди, но взять замок не смогли. Тогда перейти в наступление попытались эстонцы, к которым примкнул и русский отряд некоего Варемара. Они двинулись в Латгалию, где попали в засаду и были перебиты. Варемар погиб. Немцы тут же осадили Вильянди и через две недели, 15 августа 1223 года, взяли замок. Причем местные старейшины в обмен на жизнь выдали крестоносцам всех русских союзников, помогавших в обороне. Победители эстонцев помиловали, а русских повесили: «Русских же, бывших в замке, пришедших на помощь вероотступникам, после взятия замка всех повесили перед ним на устрашение другим русским», – зафиксировал Генрих Латвийский.

Вскоре после этих событий туда выступил с новгородцами князь Ярослав. Его пригласили, ряд племен принес ему присягу. В частности, ему сдали Дерпт. Князь принял эти земли в свою власть, став правителем области Уганди и претендующим на всю страну. Узнав о событиях в Вильянди, он пришел в бешенство: приказал сжечь дома и казнить всех причастных к предательству. Он двинул объединенные войска к «источнику зла» – Риге. Он знал: только там можно положить конец немецким интригам в Прибалтике. И думается, это была правильная цель. Но эстонцы испугались. Для них приоритетным было

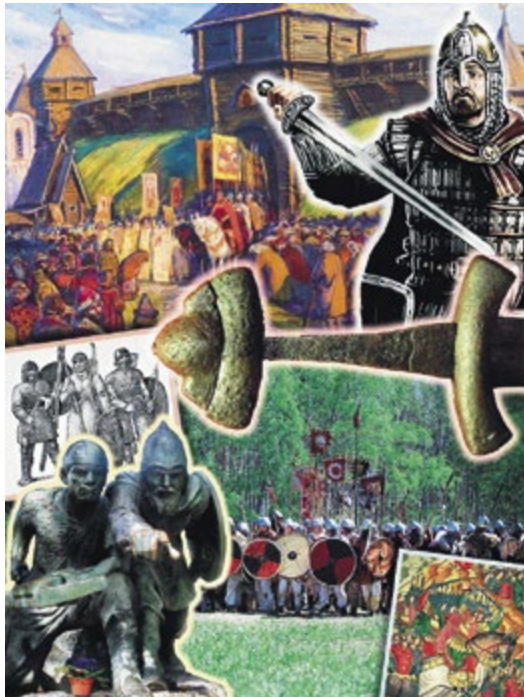
КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ ВУШЕВОЙ

старейшины запросили помощи русских: «По всей Эстонии и на Эзеле прошел тогда призыв сражаться с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех уголков этой страны. Русских же из Новгорода и из Пскова эсты призвали к себе на помощь, закрепив мир с ними и разместив некоторых в Дерпте, а некоторых – в Вильянди, других же – в других замках, чтобы сражаться против тевтонов и латинян и вообще христиан», – писал Генрих Латвийский. Эстонцы сначала сами попробовали захватить Ревель – не получилось. Они почти победили, но

уничтожение Ревеля, а не поселений на далекой Даугаве. Мы не знаем, кто склонил Ярослава к повороту на север – местные старейшины или новгородцы. Для Новгорода Ревель тоже был важнее. Как бы то ни было, но на южной границе Эстонии в августе 1223 года Ярослав свои войска повернул на север. Ретроспективно можно зафиксировать, что это решило судьбу Ливонии: реальных угроз немцам в Риге больше не возникало. Война ушла в Эстонию. А там русско-эстонскому воинству взять датский Ревель не удалось. После месячной осады они отступили, пограбив окрестности. Раздосадованный Ярослав, вернувшись в Новгород, оставаться там не захотел и опять хлопнул дверью. Летопись не сообщает нам о причинах его спешного ухода в Переславль, но ясно, что это должно было быть связано с событиями во время похода: то ли мягкотелостью новгородцев, то ли их внешнеполитической близорукостью. В целом поход был успешным, но хотелось большего. В Дерпте тогда было основано прорусское княжество во главе с князем Вячко, когда-то правившим на Даугаве в Кукенойсе, зависимом от Полоцка. Теперь он присягнул Ярославу. В августе 1224 года немцы осадили Дерпт. Осаждали долго. Вячко звал на помощь. Но Ярослав был далеко, а новгородцы не поторопились. Город был захвачен, Вячко погиб, его героическая оборона оказалась бесполезной. Новгородское войско едва дошло до Пскова и, узнав о случившемся, повернуло назад. С русской властью в Эстонии было покончено. Новгородцы согласились на мир. Такие соглашения тогда обычно заключали на три года. И наверное, думалось, что потом все изменится, но фактически западная граница русских земель в Прибалтике и сейчас находится почти ровно на линиях 1224 года.

КНЯЗЬ КАРЕЛИИ

У новгородцев тогда было неспокойно дома – внешний мир был важен. Они пригласили к себе княжить сына суздальского князя Юрия, но тот сбежал, обидевшись на что-то. Потом они позвали к себе Михаила Всеволодовича из черниговских, но и тот долго не выдержал. Только в конце 1225 года они опять обратились к Ярославу и смогли его уговорить. Князь – это прежде всего военный предводитель, в этом его значение, в этом его достоинство. Он должен защищать волю, общину, ему присягнув-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

шую, но жить с ней вовсе не обязан. Кажется, Ярослав предпочитал не бывать на Волхове. Зимой 1225/26 года он вместе с Владимиром Мстиславичем Псковским отогнал с новгородских земель литовцев. При чем сделал это без помощи самих новгородцев – только своей дружиной. Когда Ярослав приехал к ним, горожане, кажется, струхнули. В летописи зафиксировали как великую благодать, что князь «не положи того во гнев, что новгородцы не пошли по нём» на литву. Что-то заставило Ярослава быть сговорчивым. С ливонцами был мир, но вот в

Финляндии нужно было наводить порядок.

Зимой 1226/27 года Ярослав с новгородцами организовал большой поход на емь (тавастов; хяме) – одно из основных финских племен, населявшее области вокруг современного города Хямеэнлинна (Тавастехус). Это племя издавна было данником Руси, но данником строптивым, против которого регулярно организовывались карательные экспедиции – в 1043, 1123, 1143, 1186 годах. Обычно сподвижниками русских в этих нападениях были карелы – закоренелые противники тавастов. Послед-

ний такой поход новгородцев в союзе с карелами состоялся в 1191 году. Потом еще в 1198-м они вместе сожгли шведский Або (Турку) и, можно сказать, подтвердили свое владение Финляндией. Тогда погиб последний финский епископ. И долгое время никто не хотел его заместить.

Но успехи в Прибалтике датчан и немцев заставили активизироваться и шведов. Они пытались высаживаться и на Эзеле, и в Эстонии, но основное наступление развернули в Финляндии. В 1218 году туда был назначен новый епископ – англичанин Томас. Тогда же, вероятно, был восстановлен замок Або. Новго-

родцы, надо полагать, долго готовились: путь был не близкий. И сопротивление ожидалось, хотя трофеев должно было быть немало – нужен был вождь. Им стал Ярослав. И у них все получилось: «и повоевали всю землю, и полон привели без числа». В походе участвовали и суздальцы, о чем они гордо отметили в своей летописи: «ходили из Новгорода за море, на емь, где же не един от князей Русских не возможе бывать». Ярослав был первым. Успех был столь велик, что даже часть пленных перебили, а других отпустили – некуда было девать.

Вернувшись домой в Переславль, князь сразу реализовал акцию, на которую прежде никто не решался: он отправил попов крестить карел, «мало не все люди», то есть почти всех. Раньше русские правители крещением язычников толком не занимались – считалось, что тем самым «дойти» следовало. А Ярослав предпринял действия, напоминающие те, что совершали крестоносцы в Ливонии. Этим они привязывали к себе население. Надо полагать, план Ярослава был схожим: он заявлял о себе как о князе Карелии. В отличие от Эстонии здесь все пошло по плану. Карелы и позднее будут неизменными союзниками русских, в отличие от еми. Да и до сих пор так.

ПЕРВАЯ НЕВСКАЯ БИТВА

Емь взбунтовалась сразу после ухода Ярослава воинства. Летом 1228 года огромный отряд, 2 тысячи, тавастов вторгся в новгородские земли, прошел на лодках Неву и разграбил побережье Ладоги у Олонца. Новгородцы с Ярославом ринулись в погоню, но ладожане их ждать не стали и перехватили грабителей, заняв позицию на каком-то острове в Неве – можно предположить, что Петроградском, где река расходится на два русла. Тавасты проходить их позиции испугались и послали парламентаря, но ладожане мира не взяли. Тогда те перерезали пленников, побросали лодки и ночью пешими сбежали лесом. Там их потом всех перебили ижорцы и карелы. Новгородцы же, узнав, что все разрешилось без них, возмутились на своего посадника Судимира и хотели убить. Но его укрыл в своем шатре Ярослав. Причины ссоры, как обычно, не отмечены конкретно, и остается только гадать, но понятно, что это было как-то связано с неудачной по-

гоней – то ли из-за погибшего полона, то ли из-за медлительности при сборах.

Так первая Невская битва случилась без непосредственного участия Ярослава. Но он метил на большее: сначала подчинилась Карелия, а теперь надо вернуть Эстонию. Едва вернувшись в Новгород, он уже засобирався на Ригу. Точнее будет сказать, что поход Ярослав начал готовить еще весной 1228 года, когда случились странные дела, которые в итоге испортили все дело. Тогда князь с новгородскими администраторами, посадником и тысяцким, направился в

немцев. Прошло три года после мира 1224-го, и можно было все исправить, но новгородцы засомневались: «князь нас зовет на Ригу, а хочет идти на Псков».

Еще больше перепугались псковичи. Они срочно отправили посольство рижанам и предложили им не только мир, но и союз. И союз был заключен. Большой отряд ливонцев для поддержки против нападения новгородцев был отправлен в Псков. Грозилась большая война, в которой псковичи с немцами готовились противостоять новгородцам с переславцами. И на Волхове горожане опять дали

слабину, а взбешенный Ярослав опять не выдержал и хлопнул дверью. В поддержке ему отказали, и князь ушел с войсками обратно в Переславль. В Новгороде он оставил сыновей Федора и Александра. А зима случилась голодной, среди горожан начались волнения, в феврале 1229 года бурно сменили посадника, тысяцкого и даже епископа, а Ярославу отправили гневное письмо с требованием немедленно вернуться и спасти общину. Момент был настолько острый, что молодые княжичи, опасаясь за свою жизнь, предпочли бежать к отцу. Горожане поняли это превратно, посовещались и сменили

князя, вновь пригласив к себе представителя черниговцев – ненавистного Ярославу Михаила Всеволодовича. Это, конечно, была просто победа одной из боярских фракций. Возможно, она была связана торговыми интересами с южнорусскими областями более, чем с востоком Руси. Впоследствии все эти бояре бежали в Чернигов, а потом к немцам, что указывает на их главных союзников. Как бы то ни было, но Новгород Ярослав опять потерял, как и Эстонию и Карелию. ❶

Окончание следует.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

Псков, но только они добрались до пограничного села Дубровна, как пришла весть, что псковичи их не примут. У тех распространился слух, что Ярослав везет кандалы в сундуках и собирается кого-то казнить. Опозоренный правитель вынужден был повернуть обратно. В Новгороде он созвал вече и «положи на них [псковичей] жалобу велику». Кажется, община его понимала, но воевать с Псковом не хотела. В то время случилось описанное выше нападение еми, а потом к Новгороду подошли переславские полки, которые собирались с князем идти на

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ТАЙНА КОМАНДОРА УЛЬРИХА

АВТОР
ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

КЛЮЧЕВЫМ ЭПИЗОДОМ В ИСТОРИИ МАДАГАСКАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ СТАЛО ПРИБЫТИЕ 7 ЯНВАРЯ 1724 ГОДА В ПЕТЕРБУРГ КОМАНДОРА УЛЬРИХА. БОЛЕЕ ГОДА БЫВШИЙ КОМАНДУЮЩИЙ ШВЕДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ПРОВЕЛ В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ В ЗАМКЕ МАРСТРАНД НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА ВЕНЕРН. УСЛОВИЯ ЕГО СОДЕРЖАНИЯ БЫЛИ САМЫМИ СТРОГИМИ: К НЕМУ НЕ ДОПУСКАЛИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И, ПО ПРИЗНАНИЮ УЛЬРИХА, «О ДЕЛЕ МОЕМ НИ С КЕМ КОММУНИКАЦИИ НЕ ИМЕЛ».

ТЕПЕРЬ ЖЕ, ОКАЗАВ-
шись в столице Россий-
ской империи, Ульрих
рассчитывал получить
аудиенцию у Петра I. Однако

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №8, статья
«Тайная экспедиция Петра Великого».

попасть на прием ему не уда-
лось: 8 января император уехал
в Кронштадт, откуда вернулся
лишь 12 января. К этому момен-
ту Ульрих уже находился в Реве-
ле, где с помощью влиятельных
лифляндских родственников
искал возможности встретиться
с императором.

Карта острова
Мадагаскар
с описанием
и различными
особенностями
его жителей,
как белых,
так и негров.
Амстердам.
1710 год

Расчеты на семейную протекцию не подвели. 3 февраля в канцелярию генерал-адмирала Федора Апраксина поступило донесение от вице-губернатора Ревеля Фридриха фон Лёвена, сообщавшего, что «за несколько дней приехал в Ревель чрез Санктпитебурх из Швеции генерал-адъютант и командор Улрих, который был определен командором над 5 шведскими караблями, посланными года два тому назад в Мадагаскар в Азию с некоторой ирляндской земли человеком, именуемым Моргион, который назывался губернатором, да с капитаном Ситлером, от которой его имевшей экспедиции хотел я от него хотя мало уведомитца <...> токмо он приватной персоне о том известить не хочет, но сказывает, ежели б он мог был в Санктпитебурхе его императорскому величеству нижайшей свой поклон отдать, то б он его величеству о том донесть хотел и объявил бы писменно, в каком намерении оная экспедиция была отправлена и какой причины ради оная в действие не произведена...». Ответ из Петербурга не заставил себя ждать. Уже 4 февраля, то есть в тот самый день, когда была «удержана» экспедиция на Мадагаскар, Апраксин направил срочную депешу в Ревель, при-

Фридрих
фон Лёвен
(1654–1744)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

казав отыскать Ульриха и «как можно скорее» отправить его в столицу, «понеже Его императорское величество всемилостивейшее желает для некоторой конференции видеть его здесь». Время шло буквально на часы: император собирался ехать на Марциальные Воды. Через несколько дней Ульрих вновь прибыл в столицу и, получив аудиенцию 19 февраля у императора, поведал о неизвестных обстоятельствах шведского плавания на Мадагаскар. Передал он Петру I и секретные документы, среди которых оказались и королевские инструкции от 16 августа 1721 года, и материалы судебного процесса по его делу.

Экспедиция вступала в новую фазу, ни о какой отмене плавания в феврале 1724 года речи не шло. До официального завершения Мадагаскарской экспедиции оставалось еще почти полгода, так как распоряжение Апраксина Вильстеру о возвращении инструкций, подписанных императором, было датировано 30 июля 1724 года. В нем говорилось: «Оной экспедиции отправления в нынешней компании быть не надобно, а ежели впредь возобновление тому какое будет, о том вас без известия не оставим».

Зимой же и весной 1724 года в Ревеле кипела бурная деятельность по снаряжению кораблей: готовились припасы, составлялись сметы, набирались экипажи. К подготовке экспедиции подключили российских дипломатических агентов, сумевших «докупить» интересующие «копии» важных документов, касавшихся подготовки шведской экспедиции на Мадагаскар. Особый интерес в Петербурге проявили к участникам шведских тайных операций: Петр отдал распоряжение связаться с ними и точно установить, «сколко кораблей с ним, Ульрихом, в посылке было, и сколко с ним из Швеции отправилось», а также выяснить, «какие офицеры с ним отправлены были в назначенную ему экспедицию и зачем».

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Между тем в документах, привезенных Ульрихом, шведская экспедиция представляла совершенно в ином свете. Как выяснилось, ее командующему строго предписывалось «все сие предприятие зело тайно хранить и скрытно содержать, чтоб ни единая душа сего дознаться не могла, не токмо кому сие вскрыть, и дать малого о сем, что знать». Всю переписку Ульрих должен был вести с помощью «цыфирного шифра, дабы когда случитца в подданнейших своих писмах для уведомления приметы достойные писать, то писать оное цифрою». По пути в Кадис ему надлежало зайти на пустынный остров Ба во французской Бретани, где

Якобиты,
1745 год.
Картина
Джона Петти.
1874 год

Принц Джеймс
Фрэнсис Эдуард
Стюарт. Портрет
работы Антонио
Давида. 1716 год

«сыскивать» губернатора Моргана, скрывавшегося здесь под именами Уолтона и Мсье Лакри. В случае же, «паче чаяния губернатор Морган оттуда отъехал или куды отлучился, тогда ехать к тому месту и на высоту, куды подлинное известие». О новом убежище Моргана шведского командующего должен был известить связной «губернатора», некий господин Батлер.

Готовя подобные инструкции, шведские власти прекрасно понимали, что ни Морган, ни Батлер, ни Ситлер никакого отношения к пиратам Мадагаскара не имели. «Пираты» и «короли Мадагаскара» оказались удобными масками, под прикрытием которых действовали другие, очень опасные люди – якобиты, сторонники принца Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта, называемого «Старый Претендент». Сын низложенного во время «Славной революции» 1688 года короля Якова II Стюарта и Марии, принцессы Моденской, провозглашенный своими приверженцами королем Яковом III, «Старый Претендент» вел ожесточенную борьбу с королем Великобритании и курфюрстом Ганноверским Георгом I. Его многочисленные сторонники были рассеяны по европейским столицам и за долгие годы изгнания привыкли действовать тайно, сплетая заговорнические сети с помощью шифров, паролей и тайных знаков. Понимая, что за государственную измену им грозит виселица, они вели себя предельно осторожно, сохраняя жизнь и свободу благодаря способности менять личности, скрываться от любопытных глаз и интриговать. Действовать они привыкли тихо, нанося удары незаметно. В британском общественном мнении они прочно ассоциировались с «папистами», «иезуитами» и «иностранцами».

Тайная война якобитов вплелась в сложные дипломатические комбинации, в которых на стороне опальных Стюартов свои рискованные партии вели Париж, Мадрид и Стокгольм.

Из года в год готовились мятежи и заговоры против Георга I, которые, в соответствии с принципом домино, вспыхнув в одном месте, быстро распространялись по всей Великобритании. В 1721 году, когда корабли Ульриха выходили из Швеции на Мадагаскар, в Лондоне как раз разворачивался очередной якобитский заговор, известный как «заговор Аттербери». Его руководители, одним из которых был Фрэнсис Аттербери, епископ Рочестерский, планировали воспользоваться выборами в парламент и ранней осенью 1722 года совершить государственный переворот: поднять мятеж, организовать вооруженные выступления якобитов в нескольких графствах и при поддержке Испании и Швеции осуществить высадку десанта в Корнуолле и Шотландии. В Кадисе, куда направлялась эскадра Ульриха, в полной боевой готовности для «Мадагаскарского плаванья» стоял небольшой отряд судов якобитов под командованием тайно прибывшего из Британии Моргана. В его составе находились купленные у шведов «для торговли» 40-пушечный фрегат «Революшн» под начальством племянника Моргана, ирландского католика капитана Эндрю Гардинера (настоящее имя – Галлоуэй. – Прим. авт.), и 14-пушечный фрегат «Леди Мэри», командиром которого являлся капитан Патрик Кемпбелл. На фрегатах Моргана пребывало несколько сотен ирландских и шотландских якобитов, в том числе известные заговорщики Никлас Воган, младший брат Чарльза Вогана, скрывавшийся под именем Хилтон, и кавалер ордена Сантьяго сэр Фрэнсис Форбс, шотландец, служивший на испанском флоте. Еще один корабль, «Форчун», готовился к выходу в море в Генуе. Общее руководство экспедицией, которая должна была двинуться к британским берегам, принял на себя влиятельный якобит Джеймс Фитцджеральд Батлер, 2-й герцог Ормонд, представитель Якова III в Испании.

Фрэнсис Аттербери, епископ Рочестерский. Портрет работы Готфрида Кнеллера

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Петр Иванович Гордон (1635–1699), военный деятель, генерал и контр-адмирал

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Джон Эрскин, 6-й граф Мар. Портрет работы Готфрида Кнеллера

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ЯКОВИТСКАЯ ИНТРИГА»

Рассчитывали якобиты и на помощь Петра I. Контакты царя с заговорщиками, тщательно скрываемые от агентов Георга I, происходили еще во время пребывания Петра I летом 1717 года в Париже. Тогда царь посетил монастырь Святой Марии в Шайо и встретился с вдовой Якова II

принцессой Моденской. Беседовал Петр Алексеевич и с руководителем якобитского восстания 1715 года Джоном Эрскином, 6-м графом Маром, от которого получил в подарок миниатюрный портрет Якова III. 8 июля 1717 года, уже на целебных минеральных водах в Спа, Петр I (обозначаемый в тайной переписке якобитов под именами «Мэттью», «Дэвис», «Мистер Блант», «Бакли», «Колман») помимо лечения, ежедневных катаний в одноколке, посещения театральные постановок и устройства фейерверков нашел время для тайной аудиенции герцогу Ормонду. Посредником в тайных переговорах Петра I с якобитами тогда выступал царский лейб-медик, архиатр и президент Медицинской коллегии Роберт Чарльз Эрскин (Роберт Карлович Арескин. – Прим. авт.), родственник руководителя якобитского восстания 1715 года графа Мара. Сопровождаемый неким «шотландским капуцином» доктор Арескин, чье имя зашифровывалось в якобитской переписке как «Элдерли», «Мэрфи» или «Мистер Дуддл», встречался в Амстердаме с агентами якобитов, обсуждая с ними размеры финансовых субсидий для подготовки вторжения в Шотландию. После бесед с ним якобиты прониклись убеждением, что Петр I ненавидит короля Георга I и «с охотой отправит его к самому дьяволу», приложив все силы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Яков Вилимович Брюс (1670–1735), государственный деятель, военный и ученый, один из ближайших сподвижников Петра I

для восстановления на престоле Якова III (в переписке якобитов – «Трумэн», «Мистер Браун», «Мистер Пол», «Мистер Петерсон», «Питер», «Мистер Филис»). Разумеется, тайные русско-якобитские контакты были бы невозможны, если бы не опирались на сеть высокопоставленных «стюартистов», нашедших приют в России. Некоторые из них занимали важные посты: генерал и контр-адмирал Патрик Леопольд (Петр Иванович) Гордон, петербургский комендант

генерал-лейтенант Роман Вилимович Брюс и его брат, генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс, будущий фельдмаршал Пирс Эдмунд де Лэйси (Петр Петрович Ласси). Многие из якобитских изгнанников нашли пристанище на русском

7 мая 1717 года Петр I, приехав в Париж, встретился с королем Людовиком XV

флоте. Некоторые из них, подобно Томасу Гордону, Томасу Саундерсу и Кеннету Сазерленду, 3-му лорду Дуффусу, получили адмиральские чины, другие служили офицерами и кораблестроителями. Все они, осев в России, сохранили связи с родственниками в Британии, выполняли особые поручения, связанные с наймом на русскую службу различных специалистов, а также вели оживленную переписку с соотечественниками-изгнанниками во Франции, Италии и Германии. И в Лондоне прекрасно понимали, что в Петербурге с готовностью примут на службу «англичан, противных двору». В Петербурге же всячески отрицались от обвинений в поддержке якобитов и категорически отрицали участие в проектах реставрации Стюартов. Однако это были лишь слова. Когда корабли Моргана и Ульриха с закупленными в Гётеборге и Гамбурге 2 тысячами мушкетов, 2 тысячами штыков, тысячей карабинов и 400 бочонками пороха готовились в Кадисе к выходу в Сантандер, чтобы с войсками, собранными в Бильбао и Ла-Корунье, приступить к высадке десанта, странные события происходили в Париже. 23 апреля 1722 года к русскому послу князю Василию Лукичу Долгорукову явился представитель якоби-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Петр Петрович Ласси (1678–1735), русский генерал-фельдмаршал. Рисунок П. Иванова, литография Тюлева. XIX век

Кеннет Сазерленд, 3-й лорд Дуффус. Портрет работы Ричарда Уэйта. 1712 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

тов полковник Дэниэл О'Брайен («шевалье Абриен»), который ранее, в 1718-м, приезжал вместе с герцогом Ормондом для переговоров с российскими представителями в Митаву. О'Брайен рассказал о появлении в Лондоне некоего «англичанина именем Норкрос, которой», поступив на русскую службу, поехал «отседа прошлаго году». Вернувшись в Англию, Норкросс, «офицер доброй и отважной, также способной ежели коли случай позовет послать секретно для проведения вестей», ищет контактов с представителями якобитского подполья и «желает говорить <...> о некоем о важном деле и что ныне по прежнему проекту, о котором говорено, можно с мнейшим трудом учинить, нежели прежде». Связавшиеся с Норкроссом якобитские агенты не смогли узнать от него подробности и переслали всю информацию О'Брайену.

Как выяснилось, интерес к нему был вполне объясним. Капитан Джон Норкросс родился в Ливерпуле в 1688 году, служил на Королевском флоте и был тесно связан с якобитским подпольем: он принимал участие в восстании 1715 года и сражался в войсках графа Мара при Престоне. После подавления восстания бежал в Бретань и обосновался в Сен-Мало. Здесь он приобрел небольшое 4-пушечное судно и каперствовал в Северном море, пока не был захвачен дюнкеркскими корсарами, передавшими пленника в Англию. Вскоре, правда, Норкросс был освобожден, в 1716-м переехал в шведский Гётеборг, где в разгар подготовки шведской экспедиции на Мадагаскар свел знакомство с Морганом. Затем попал в Россию, но пробыл здесь недолго – через полгода вышел в отставку.

Спустя два месяца в рапорте от 20–29 июня 1722 года Василий Лукич доносил Петру о том, что 24 июня он встречался с находившимися в Париже представителями якобитов. Один из них – генерал-лейтенант французской службы Артур Диллон, представ-

Князь
Василий Лукич
Долгоруков
(1670–1739).
Портрет работы
неизвестного
художника

лявший интересы Якова III при версальском дворе. С ним к послу явился и полковник О'Брайен. Они передали послу для отправки Петру «грамоту твореную печатью от претендента». 27 июня О'Брайен вновь нанес визит князю Долгорукову и показал «письменное прошение за бывшею печатью короля свейскаго капитану Норкросу, которой в службе вашего императорского величества». По словам О'Брайена, на него вышли некие шведские представители, нуждавшиеся в его услугах как посредника, «чтоб он уговаривал Норкроса возвратиться в Швецию».

Таким образом, князь Долгоруков неожиданно для себя узнал о секретной миссии Норкросса, который, как выяснилось, был послан из Петербурга в Лондон для поисков контактов с пиратами Мадагаскара, «о чем Вашему Императорскому Величеству известно»: «Повелено ему, Норкросу, нашед тех пиратов, обещать им протекцию Вашего Императорского Величества и что позволено им будет жить в городе Архангелскаго или в ближних оттуда местах». Разумеется, российская протекция пресловутым «пиратам» предоставлялась при соблюдении тех же условий, что и шведская: они должны

были передать в казну миллион эку. По словам князя Долгорукова, шведы всерьез опасались успешного завершения миссии Норкросса и поэтому «хотят его, Норкроса, от того отвратить и для того прислали ему... то прошение и зовут его в службу, чтоб его к тому делу с теми пиратами употребить». Свое приглашение с обещанием Норкроссу всяческих «польз» шведы сопровождали прямыми угрозами в его адрес: если он, по словам О'Брайена, «не вступит в то дело, которое ему поверено и которого он учинить не возможет, ибо люди, обыкные быть в теплых краях, не возмуг ужиться в тех местах, где зима не перестает».

На следующий день Долгоруков встретился с самим Норкроссом. Тот показал ему паспорт, «которой дан ему от адмиралтейства <...> которой он почитает за абшит, ибо в оном написано, что жить ему, где он пожелает». Капитан, впрочем, не вызвал доверия у Долгорукова. По словам посла, Норкросс собирался выехать во Фландрию, а оттуда в Швецию «для употребления его дела, понеже прошение получил, а по его разговорам и сам мог видеть, ежели он о вышедонесенном деле о тех пиратах указу Вашего Императорского Величества не имеет, то он, Норкрос, пропустил как я чаю нарочно, тот голос, чтоб тем ему поправить дела его в Швеции и упомянутое б прошение получить».

Заговор Аттербери между тем вступал в решающую фазу. «Моя благодарность за его (Петра I. – **Прим. авт.**) благодеяния не будет иметь других границ, кроме пределов моей власти, которая, признаюсь, ныне слаба, но которая при его соучастии возвысится и тогда будет употреблена в его пользу», – писал «Старый Претендент» князю Долгорукову. Послание было передано императору. Оно, правда, осталось без ответа, но это вовсе не означало конца «яковитской интриги». Слишком высокими были ставки в сложной политической игре – ведь Яков III обе-

щал Петру I сохранять секретность всего, что тот для него сделает, а также гарантировал, что заключит с императором союз в случае своего вступления на престол. «Ныне удобное время возвести претендента на престол английский, – сообщал о настроениях якобитов князь Долгоруков, – ежели только Вашему Императорскому Величеству тому помощи изволит». Якобитские заговорщики рассчитывали, что Петр I направит из Архангельска для десантирования якобитов в Шотландию транспортный конвой и экспедиционный корпус в составе «4 тысячи инфантерии и 2 тысячи кавалерии без лошадей, только со всем оружием и принадлежащим к лошадям». Также они «просят 1000 фузей». «Сие вспоможение довольно будет к первому зачину, – писали якобиты Петру, – и сохранению сей революции, которая под именем Вашим генерально будет, и в малое время государство освободить, с радостью за все сие иждевение заплатить готовы». В секретных переговорах с ними всплывали и конкретные детали, ярко показывавшие, насколько далеко продвинулись в своих планах их организаторы. Так, представители Якова III интересовались, «в которой вышине нам прислать фрегат», который мог бы встретить русский флот; в случае же, если фрегат не придет к флоту, то его командующий «без всякой опасности может пристать к северным сторонам берегов Шкоции». Якобиты высказывали уверенность, что Петр I «больше к сему намерению будет склонны, понеже не в пример способнее сие делать Вашему Императорскому Величеству как покойному блаженной памяти королю шведскому, который сие намерение имел, когда б ему не помешала смерть», и рассчитывали на военную диверсию, которую русские войска произведут против ганноверских владений Георга I. По сей день остается не ясным, насколько далеко рассчитывал зайти Петр I в «якобитской интриге», но можно полагать,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

что события могли развернуться по самому радикальному сценарию. Неслучайно же весной 1722-го император, всецело, казалось бы, занятый организацией Персидского похода, «желая... поддерживать дисциплину моряков Балтийского флота», отдал приказ о выходе в море эскадры под командой вице-адмирала Гордона. Предпочтение, оказанное императором Гордону, удивило тогда многих: почему шотландец, какими

Джеймс Батлер,
2-й герцог
ОрмондАдмирал
Томас Гордон

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

бы заслугами он ни обладал, получил возможность командовать флотом? Не повлияла ли на решение Петра приверженность Гордона делу Стюартов? И какие инструкции он получил от императора?

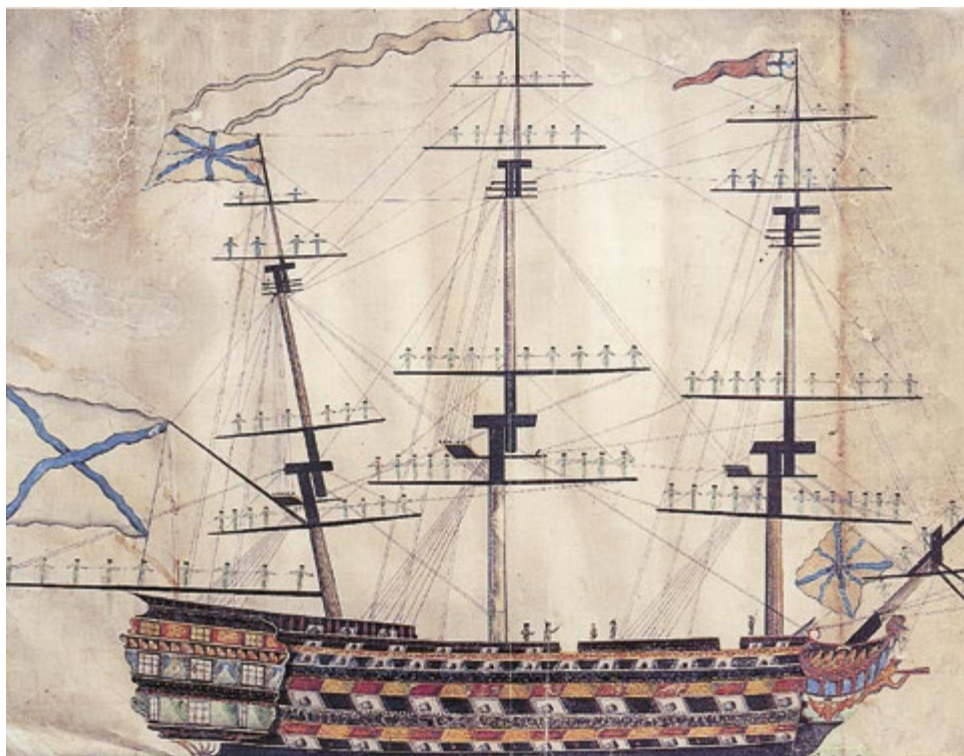
Однако планы заговорщиков потерпели крах. В мае 1722 года лондонские власти вышли на след якобитского подполья: епископ Аттербери и другие участники переворота были арестованы, следствие получило важные документы, в которых излагались планы организаторов переворота. Новости о провале заговора достигли Швеции, корабли Ульриха отозвали назад, а самого командующего отправили в тюрьму. Петербург также занял выжидательную позицию и откrestился от всякого участия в поддержке Якова III. Это было тем проще сделать, что отправленные к «пиратам» и на поиски Моргана тайные эмиссары, Норкросс и тот же Вильстер, в 1722 году выехавший из России в неизвестном направлении, официально были уволены со службы.

Моргана найти так и не удалось. По словам Ульриха, «губернатор Мадагаскара» обещал в апреле 1722 года «ехать в Швецию», но затем куда-то пропал. Повидимому, после разоблачения заговора Аттербери он перебрался в Бретань, в поместье герцога Ормонда в Морле. Вопросы были и в отношении помощников губернатора: капитана Галвея («какой земли и в чьей службе обретался») и капитана Батлера («которой нации и в чьей службе обретается»). Из поля зрения русских властей исчез и Норкросс. Его следы обнаружили только через пять лет, в 1727 году: незадачливый «агент» пиратов оказался узником датского правительства. Норкросс провел в камере Копенгагенского замка пятнадцать лет. В 1742 году ему смягчили режим, но до самой смерти в 1758-м из замка так и не выпустили. А вот Вильстер вернулся в Россию и в 1723 году возглавил Мадагаскарскую экспедицию.

«ВРАГИ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО»

Весной 1724 года Вильстера откомандировали в Москву. Здесь, подальше от посторонних глаз, можно было досконально проанализировать информацию, полученную от Ульриха, и понять, что делать дальше. Правда, адмирал столкнулся с новыми проблемами: режим секретности осложнялся лингвистическими трудностями. Вильстер не владел русским языком, потребовалось привлечь к делу нового человека – доверенного переводчика из Адмиралтейств-коллегии, некоего Гамолтина, или, иначе говоря, шотландца Гамильтона. В одном из писем Вильстер жаловался Апраксину: «Оные переводы посланы не переписывая набело, в том не изволь возыметь гневу, понеже писца при себе не имею, а постороннего взять не прилично». К лету 1724 года он внес в свой первоначальный проект серьезные коррективы, ибо, проанализировав бумаги и письма, полученные от Ульриха, пришел к выводу, «что многого не знал» и пересмотрел свои взгляды о «короле мадагаскарском», так как параллельно якобитским делам в Петербурге не собирались отказываться и от дел мадагаскарских.

Реального правителя или некоего монарха, каким его представляли в кабинетах Петербурга, на Мадагаскаре не существовало. У пиратов действовал режим прямой демократии, и при выборах главаря, что крайне озадачило петербургских вельмож, всем заправляла «чернь», избравшая «старшин знатных». Главари разбойничьих шаяк враждовали между собой, и при переговорах с ними российские представители неминуемо столкнулись бы с серьезными трудностями: «Некоторые оного клеветства (социетета), – писал Вильстер, – возжелали в Швецию иттить, а другие на тех островах остатца швецкими населенными... Ежели ныне жители тамошние

Неизвестный художник.
Корабль петровского времени.
Начало XVIII века

еще в том мнении, а его императорское величество изволит тамо поселение (колонию) завести, то надлежит удобного человека губернатором избрать, кому б было тамо надлежащее управить». Однако, предупреждал адмирал, «обыватели на тех островах» – люди коварные. Из прочитанных им шведских инструкций отчетливо видно, что их составители «опасались их» и предупреждали Ульриха «быть <...> со своим фрегатом и протчими судами во осторожности, ежели противное паче чаяния что позовется, чтоб тогда суды свои можно оборонить и возвратиться назад». Описывая подобное положение дел на острове, Вильстер был недалек от истины. Правда «республик», как их назвал Вильстер, на Мадагаскаре было столько же, сколько самих пиратских банд, а их лидеры вовсе не походили на «небольших князьков, имевших веру идолопоклонническую». Информация Вильстера вполне согласовывалась со сведениями, которыми располагали в европейских столицах. В каждой из таких «республик» руководствовались своими собственными

законами, а делами заправлял бандитский сход – «совет подлых». Все решалось в соответствии с правилами прямой демократии, никакие монаршие повеления силы не имели. Известия о «республике подлых» шли вразрез с представлениями императора о возможных путях колонизации Мадагаскара. Это в итоге и заставило его отменить экспедицию в Индийский океан. К причинам отмены Мадагаскарской экспедиции с небольшой оговоркой можно добавить также и проблемы технического свойства: за полгода корабли для плавания так и не были подготовлены. Просьбы Вильстера о замене фрегатов «Декронделивде» и «Амстердам-Галей» остались без ответа, а при осмотре в июле 1724 года фрегата «Декронделивде» обнаружилось, «что фок-машта ево худа». Компанию он еще мог продержаться, однако «ежели ийти в дальний путь, то оная машта снести моря не может». И все же подобные технические вопросы вряд ли могли остановить императора, и, как нам представляется, не они стали определяющим фактором отмены плавания.

Несмотря на все принятые секретные меры, сведения о тайных операциях императора на путях в Ост-Индию просочились в Лондон, Копенгаген, Амстердам и Париж. В разгар подготовки Мадагаскарской экспедиции в Петербурге, например, находился британец Джон Ден, в недавнем прошлом офицер российского флота, сообщивший, что «вице-адмирал Вильстер с капитанами Лоренсом и Мясным на «Кронделинде» и «Амстердам-Галее», вооруженных 36 орудиями каждый и имеющих по 180 человек экипажа, с запасом продовольствия на 8 месяцев были отряжены в тайную посылку, как полагают, к Мадагаскару, для того чтобы возглавить там неких пиратов, которые некоторое время назад сделали выгодные предложения в случае, если они получают покровительство его царского величества. Дважды они пытались идти в путь, но, столкнувшись со встречными ветрами и непогодой, были принуждаемы возвращаться к Ревелю».

25 мая 1724 года капитан второго ранга Денис Калмыков, обучавшийся штурманскому делу в Англии, направил рапорт адмиралу Апраксину. В нем он сообщил о знакомстве в Петербурге с неким ирландцем Джеймсом Вейтом, представителем «претендентской партии», который прибыл в 1723 году пассажиром на французском флейте и изъявил желание поступить на службу в Российский флот. Ранее он служил капитаном в «Компании Индий» Джона Ло, в доказательство чего представил соответствующие патенты. «По всему видно, что человек неглуп, и морской человек, но паче ведущ в купеческих обхождениях», – писал Калмыков. Вейт доверил Калмыкову подготовленные им проекты, касающиеся колонизации Россией Мадагаскара и побережья Мозамбика, прося передать их Апраксину. Представляя их адмиралу, Калмыков подчерки-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вал, что Вейт уже собирался было вернуться во Францию и даже сел на корабль, «но услышал, что его императорское величество скоро ожидаем сюда... нарочно сошел для ожидания» и рассчитывает теперь на встречу с императором. Неизвестно, согласился ли император дать аудиенцию Вейту, но сообщенные им новости оказались крайне важными. Оказывается, Вейту было хорошо известно не только о стратегических планах Петра в отношении Мадагаскара, но и о его контактах с пиратами. «Его императорское величество, – писал Вейт, – подал свою амнистию всем таковым пиратам, которые попадутся или в Мадагаскаре или ище где, пронаписуя им впредь жить честно и под позволение в своем государстве жить смирно, которым образом многия приклонятся, которые чрез меры и количества и богатства бес сумнения распространять публичную благодать и прибыль какия-либо нации». Вейт особо подчеркивал, что «приумножение, богатство и крепость» французских владений на островах Бурбон и Маврикий были обе-

Л. Каравак.
Портрет Петра I.
1716 год

спечены «чрез многое число пиратов, которых они приняли, и паки принимают и укрывают своею протекциею». Осведомлен был Вейт и о шведских планах в отношении пиратов, однако считал, что «пираты приятнее примут протекцию его императорского величества, нежели шведского короля и французской Индийской компании, свободы ради бытия в своих разных религиях, которые все оныя власти отрешают всех, которые не их религии».

В этих условиях союз с пиратами, объявленными «врагами всего рода человеческого», представлял бы собой слишком рискованную политическую авантюру. Стремление Петра приобрести колонию в Индийском океане и создать на Мадагаскаре подобие Ямайки и Тортуги могло обернуться непредвиденными дипломатическими осложнениями. Хотя в замыслах императора был заложен тот же сценарий колониальной политики, которым руководствовались идеологи британской, французской и нидерландской экспансии, видевшие в пиратах потенциального «союзника» в борьбе за заморские территории. А русский историк XVIII века Иван Иванович Голиков, автор «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России» и вовсе посчитал, что император желал «из грабителей сделать хороших граждан». Приведя в качестве аналогии историю знаменитого корсара сэра Генри Моргана, однофамильца нашего яковитского героя, Голиков расставил неожиданные акценты, подведя такой итог несостоявшимся проектам императора: по его мнению, «славный флибустьер был тоже разбойником наисвирепейшим», а затем, «бывшее чудовище сие укротилось, поведение его переменилось, разбойничья суровость исчезла, <...> поступки его приобрели ему почтение и дружбу всех главных жителей Ямайки». ■

РОД ЛИСИЦЫНЫХ

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ГОРОДОК НАШ ДРЕВНИЙ, ВПЕРВЫЕ УПОМИНАЕТСЯ В ЛЕТОПИСЯХ В 1565 ГОДУ: ТОГДА ИВАН ГРОЗНЫЙ ПРИЧИСЛИЛ ЛИХВИН К ОПРИЧНЫМ ГОРОДАМ. ОБДЕЛЕН ГОРОДОК ИЗВЕСТНЫМИ ИМЕНАМИ. А Я ВСЕ-ТАКИ РИСКНУ И РАССКАЖУ ОБ ОДНОЙ ЗНАМЕНИТОЙ У НАС СЕМЬЕ.

ЕСЛИ КО МНЕ ПРИЕЗЖают гости, то я обязательно показываю им нашу больницу. Она необычна по архитектуре: незатейливая, но привлекательная, прослеживается стиль модерн. А еще на ней есть интригующая мемориальная доска: «Здесь с 1905 по 1937 год работал уездный врач Лисицын Федор Иванович. По его проекту построено это здание». Судьба Федора Ивановича долго оставалась для меня загадкой. Расспрашивал местных – мало что могут добавить к тому, что написано на доске. В Интернете – минимум сведений. Настоятельно хочется узнать дату смерти – 1937-й. Мрачная слава у этого года в на-

шей истории – неужели и земский врач попал под каток истории? Но наконец удалось узнать о судьбе уездного врача Лисицына. Рассказала мне о нем внучка Федора Ивановича – Наталья Лисицына. Отыскалась она в Кёльне. Оказалось, у нее хранятся документы по истории семьи. Из рассказов и бумаг выяснилась не только судьба уездного врача, но и история семьи Лисицыных.

ПИСАРЬ ВЫВЕЛ ДЕТЕЙ В ЛЮДИ

Происходили Лисицыны из деревни Телятинки – это километров 10 от Лихвина. Глава семьи, Иван Федорович, как внук героя Бородинского сражения, учился на казенный счет. Выучился на писаря, служил в управе Лихвинского уезда Калужской губернии. Мать, Наталья Васильевна, была, как сегодня говорят, домохозяйкой. В семье родились 13 детей. В 1862 году Иван Федорович в рассрочку купил у разорившегося купца имение в Телятинках. Оно и стало родовым гнездом огромной семьи: просторный дом, 5 тысяч десятин земли, два леса.

Иван Федорович пользовался авторитетом у крестьян – на выборах в Лихвинское земство они из года в год выбирали его гласным. Участвовал в первой, 1897 года, Всероссийской переписи населения, за что получил награду от министра внутренних дел.

Все молодые Лисицыны учились в гимназии в Калуге. То есть зарплаты писаря хватило на то, чтобы вырастить детей, вывести их в люди. Но, правда, помогал Сиротский фонд. Иван Федорович строго следил за тем, как учатся дети. Сохранилось его письмо сыну Николаю: «Я просто ошалел, когда

Больница, на которую Федор Иванович Лисицын собрал деньги. Здание построено по его проекту

Наталья
Лисицына –
внучка Федора
Ивановича.
Она бережно
хранит память
не только о нем,
но и обо всем
роде Лисицыных

спектакле; 3) репетиции будут в Кулешове и Телятинках, где я не имею возможности наблюдать». Лисицыны даже рукописные журналы издавали. В «Ключах» публиковались литературные опыты и краеведческие сведения о родном крае. В «Искренности» размещались публицистика и научные статьи, рецензии на книги и размышления о политике. Самым любопытным журналом были «Семейные вести»: судьба занесла Лисицыных в разные города и веси России, а хотелось же знать о том, что нового у родителей, у братьев и сестер. И журнал аккуратно сообщал, у кого и как складываются дела. Это издание печаталось на машинке и рассылалось всем Лисицыным. Сохранился один выпуск «Семейных вестей» – номер 23 за июнь 1913 года. Приведу выдержки из него. «Телятинки. Люба – от 15 апреля... Первое поле засеяли овсом 26 дес., 1 дес. горохом и 1 дес. за Ваниным домом картофелем для расхода... Посеяли овес и вику, остальное после Пасхи. Насеяли мы много, и теперь наша судьба в руках неба... Сейчас у нас Леонтий, Вася и Мария Яковлевна с детьми. Лида поступила на лето практиканткой по агрономии в Серпуховском уезде. Надя уехала в Ярцево на лето играть». Кстати, небо в то лето оказалось неблагоприятным: два месяца длилась засуха, овес вырос густой, но всего в 6 вершков, а клевер скукожился, потому, как пишет Люба, «приходится задумываться, чем кормить скотину зимой».

Тут перенесемся в наши дни. Мы съездили с Натальей Лисицыной в Телятинки. Места чудесные! Но в деревне едва держится дух. Живут пять семей, да и те приезжают только на лето. Дома еще дореволюционные – кирпичные, но явно уставшие от жизни, начинают сдавать. Родовой дом Лисицыных не сохранился – разобрали его еще в советские времена. Почему разобрали, никто в Телятинках рассказать не смог. А вот память о Федоре Ивановиче жива. Помнят, в клубе висел большой его портрет, под

получил известие, что Ленка получил пять двоек... Целую ночь не спал... Пусть бы он не мог учиться, а то виною одна проклятая лень... Не вижу, чем можно извинить такое полнейшее нежелание учиться». Написано, чувствуется, в сердцах. А Леонтий все-таки взялся за ум: окончил гимназию с отличием. Восемь Лисицыных еще при царе получили высшее образование. Старший сын, Иван, выбрал лесотехническое дело. Федор окончил медицинский факультет Московского университета. Яков стал юристом и работал помощником знаменитого адвоката Плевако. Василий выбрал химию, работал в лаборатории академика Зелинского. Леонтий отдал предпочтение физике, работал у академика Столетова. Константин увлекся гидрогеологией, стал профессором. Николай – бактериологом. Надежда служила в Московском Художественном театре. Петр стал известным селекционером и академиком. Татьяна пошла по медицинской части. Михаил увлекался механикой, электричеством – тогда это был передний край прогресса. Любовь осталась при родителях в Телятинках. Лидия занималась агрономией, ставила опыты в Петровской академии.

ЖИЛИ КАК ХОЧЕТСЯ

Семья Лисицыных была талантливейшей и жизнелюбивейшей. Летом гимназисты и студенты съезжались в Телятинки. Устраивали концерты: Костя играл на виолончели, Петя на скрипке, Лида на фортепьяно. Ставили домашние спектакли, в которых участвовали учителя местной школы. На представления собиралась вся деревня. Как-то Лихвинский исправник запретил Лисицыным представлять пьесу Островского «Не так живи, как хочется». Объяснил так: «Спектакль не разрешается по следующим причинам: 1) неизвестная цель, с которой он будет поставлен; 2) учителя не имеют разрешения от управы на участие в

Вот так
выглядел
паспорт
Федора
Ивановича

ним – краткая биография. От клуба остались развалины. Но вернемся к «Семейным вестям». Вот сообщение Василия от 2 июля: «Возвратился из Телятинки. Прекрасная, восхитительная природа! Контраст этому Москва – камень, камень и камень и лишь изредка серая хилая зелень, на которую и смотреть не хочется...» Как же им не хватало лихвинских пейзажей! Петр в 1912 году был в научной командировке в Англии, пишет в письме: «Весна... Просыпается в душе голос подзолистой супеси лихвинского человека, начинает злить английское общество. Оно уже так далеко ушло по пути прогресса, что перестало чувствовать красоту природы... Говоришь о природе – лицо собеседника становится похожим на морду кошки, которая от голода готова съесть на огороде огурец...»

А Василий сообщает в «Вестях»: «В Телят. находятся семьи Ив.Ив. и Фед.Ив. Таня и Настя окончили гимназии и собираются на курсы в Москву. Первая не надеется сразу попасть на медицинский, вторая думает естественным отделением ограничиться...» «Феде удалось найти в числе продуктов окисления волос новое неизвестное соединение, которое может бросить свет на строение кератина». И дальше – интересное продолжение: «В августе он берет 3-месячный отпуск для окончания этой работы, думает недели на две приехать в Москву, а оттуда за границу – вероятно, в Страсбург».

Лидия пишет из Петровской сельскохозяйственной академии: «Поставила опыт с минеральн. удобрением под капусту и томат, так что теперь придется все время посещать опытное поле... Думаю, начать работать на пчельнике, чтобы получить впоследствии право занимать должность конструктора пчеловодства». Звучит – конструктор пчеловодства! Впервые о такой профессии слышу – интересно, чем конструктор занимался? Понятно, что пчельником, но чем конкретно?

Николай, студент Петербургского университета, сышет вопро-

Многочисленная семья Ивана Федоровича и Натальи Васильевны. Все их дети состоялись как личности

сами с берегов Невы: «Как поживают ребята? С кем спорит Костя? Что задумал сотворить Миша? Леня? Вероятно, всю русскую грамматику знает наизусть...» Еще в журнале сообщается, что Надя играет на сцене Народного дома в Ярцеве Смоленской губернии. Ей удалось устроиться на зиму в Петербургский театр музыкальной драмы, вознаграждение по контракту 75 рублей.

Вот еще сообщение Любы: «Вся все еще работает в почвенной лаборатории, хотя уже принят на медицинский факультет. Яков по одному лесному делу обратился к Ивану, получил от него ценные указания и выиграл дело, казавшееся безнадежным. Ваня по дороге в С.-Петербург заезжал на съезд лесоводов в Москву. Выглядел очень хорошо, здоров, свеж и бодр. Николай был на съезде бактериологов. Петя на съезде селекционеров в Харькове, очень доволен результатами. К осени, вероятно, получит возможность поехать в Вену».

Какие разносторонние интересы! И как-то у них было запросто – поехать в Страсбург, поехать в Вену. Кстати, о Вене. Там в университете Петр изучал биологию. Средств на жизнь не хватало, он обратился к братьям – они помогли.

«ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» ВЕДЕТ В РЕВОЛЮЦИЮ

Нам жизнь Лисицыных представляется разнообразной и гармоничной. Но чем-то она их все-таки не устраивала – они жаждали изменений. Мечтали, что очистительный вихрь революции пронесется над Россией и она станет свободной. Студент Московского университета Петр Лисицын участвовал в революционных сходах, за что в 1901 году был выслан из столицы. Через месяц ему разрешили продолжить занятия. В 1905 году он не остался в стороне от революционных выступлений в Москве, за что его сослали на три года на север Екатеринбургской губернии.

Чекалин, как и век назад, покоен, живописен, приветлив

Екатерина
Петровна
и Федор
Иванович
Лисицыны

Возможно, увлечение Лисицыных революцией объяснялось модой. Тогда было популярно проклинать «кровавого царя». Федор Иванович вспоминает о годах учебы в гимназии: «Среди учеников были тогда распространены кружки, тайные общества и всякие революционные организации...» Возможно, на формирование их повлиял студент из Саратова Василий Удемов, сосланный в Телятинки. «Идеальный человек, скромный, образованный, он на всех нас производил неизгладимое впечатление», – писал о нем Федор Иванович. Можно не сомневаться, какие идеи прививал «идеальный человек» – революционные.

В 1912 году все Лисицыны съехались в Телятинки. У отца, Ивана Федоровича, юбилей – 80 лет. И юбилей у матери, Натальи Васильевны – 70 лет. И юбилей их свадьбы, золотой – 50 лет. Собрались все – сыновья, дочери, внуки, внучки. К сожалению, не осталось воспоминаний о том грандиозном событии. Но сохранилась фотография. Правда, на ней можно определить только Ивана Федоровича и Наталью Васильевну – они в центре снимка. Понять, кто есть кто из остальных на фото, даже Наталья Лисицына не может. И еще один снимок того года – братья Лисицыны на охоте. На велосипедах. Что не очень понятно: как по лесу на них пробираться? Но фото свидетельствует: велосипеды, ружья, борзые.

«САМЫМ УСЕРДНЫМ ОБРАЗОМ ИЗУЧАЛ МЕДИЦИНУ»

Рассказать о каждом из Лисицыных нет возможности: нет сведений. Да и род обширный. «Многих не знаю, – говорит Наталья Лисицына. – Даже о тех, кто на нашей ветке из Телятино, и то не могу рассказать». Сегодня насчитывается около 200 потомков Ивана Федоровича и Натальи Васильевны. Так что расскажу о тех Лисицыных, о ком достаточно материалов.

Начну с Федора Ивановича. Родился он в 1869 году. Деревенское детство обычное для тех времен: много труда, но и для забав оставалось время. Начальную школу окончил в деревне Кулешово, это верстах в пяти от Телятинок – на уроки ходил пешком. Потом гимназия в Калуге, среди учителей – Циолковский. В гимназии заин-

Екатерина
Петровна
с сыном
Алешей

тересовался биологией – читал Дарвина, Бокля. С шестого класса Федор и Леонтий зарабатывали репетиторством.

В 1887 году Федор поступил в Московский университет на медицинский факультет. Увлёкся медицинской химией. Наука эта тогда только появилась, исследовала механизм воздействия биологически активных соединений на молекулярном уровне. Этой наукой Лисицын увлекся в университете, занимался ею, когда стал уездным врачом.

Существование студента нищенское. Федор экономил на еде, чтобы купить микроскоп, лабораторное оборудование и книги. Микроскопом этим он, кстати, пользовался потом всю жизнь. «Самым усердным образом изучал медицину и был бы совсем счастлив, если бы не мучил временами голод», – писал он позже. С четвертого курса стал получать стипендию, и голод отступил. Пятикурсником поехал на эпидемию холеры в Козельск – это километрах в шестидесяти от Лихвина. Пробыл там четыре месяца.

Была у студента Федора Лисицына мысль: посвятить себя научной работе. Но все же после окончания университета он вернулся в родные края. С 1893 года Федор Иванович – уездный врач в Лихвинском уезде, принимал больных в кулешовском медпункте. Как пишет в воспоминаниях, «получал обычное жалованье земского врача». Была у него мечта – построить больницу. В Телятинках нужды в ней не было, а вот в уездном Лихвине ей самое место. Спроектировал здание так, чтобы было удобно и врачам, и больным. И сегодня здание выглядит роскошно – высокие потолки, широкие окна. Федор Иванович вложил свои средства в его строительство, да еще помогло местное купеческое сообщество.

Сорок лет проработал Федор Иванович в лихвинской больнице. Его жена, Екатерина Петровна, работала у него ассистентом. Лисицын продолжал заниматься наукой. И видимо, исследования его были на серьезном уровне, если его статьи принимали к

публикации немецкие научные издания.

В больнице Федор Иванович развил все виды специальной медицинской помощи, поставил на высокий уровень хирургию, ортопедию, родовспоможение. Как пишет в воспоминаниях, «я хотел, чтобы здесь образовалось прочное хирургическое ядро». И это ему удалось.

Ни разу Федор Иванович не использовал отпуск для отдыха – отправлялся в Москву посмотреть, что появилось нового в медицине.

ВРАЧ И АКАДЕМИК

Политикой Федор Лисицын не увлекался. Пользовался авторитетом у лихвинцев – они избирали его представителем на губернские выборы депутатов в Третью Государственную думу. Посылал корреспонденции о событиях в Лихвине в свободолубивые калужские газеты «Ока» и «Калужанин», которые издавал его брат Яков.

Октябрьский переворот 1917 года Федор Иванович приветствовал, как и остальные Лисицыны: им казалось, что в России наступила новая эра. Его назначили руководить уездным здравоохранением. Но поработал полгода и отказался – административная суета не для него.

Существует интересный документ, свидетельствующий, что он занимался наукой и в тяжелые послереволюционные годы: написанное от руки удостоверение Наркомпроса РСФСР.

«Удостоверение.

Дано сие заведующему Лихвинской больницей, бывшему преподавателю Государственного Университета, врачу Федору Ивановичу Лисицыну в том, что он, Лисицын, ведет научно-исследовательскую работу в области биологической химии, частью в вышеуказанной больнице, частью (во время командировок с научной целью) в заведываемой мною медицинской химической лаборатории 1.МГУ.

Лисицын имеет 3 печатные работы (1 – в американском, 2 – в немецком журналах) и 4-ая работа

В этом деревянном здании располагалась поликлиника. В ней принимал больных Федор Иванович

им послана для помещения в немецком журнале.

Профессор Вл. Гулевич». Дата – 18 ноября 1929 года.

Владимир Сергеевич Гулевич – известный биохимик, академик, проректор Московского университета. И нашлось у него общее с уездным врачом. Сохранилась обширная переписка, которую они вели много лет – в письмах обсуждали научные темы. Первое письмо датировано 1908 годом, последнее – 1933-м, годом смерти Гулевича. На конвертах написано: «Его Высокоблагородию Федору Ивановичу Лисицыну». То есть, скорее всего, уездный врач был в чине коллежского асессора, а это приравнивалось к званию полковника в армии.

Зачем выдано удостоверение, не очень понятно. Но факты интересные: оказывается, провинциальный врач преподавал в мос-

ковском вузе, вел там научную работу, публиковался в зарубежных изданиях. В одном из писем Гулевича, от ноября 1915 года, такие строки: «Многоуважаемый Федор Иванович! Всегда буду рад видеть Вас у себя в лаборатории, и место для Ваших работ всегда найдется». А в других письмах тексты, например, такого типа: «Мне думается, что Вам при приезде в Москву надо окончательно выяснить, образуется или нет азелаиновая кислота при окислении кератина...»

Его сын Алексей вспоминает: «Первые детские впечатления относятся, когда мне было 3–4 года. Это были сказки, которые отец рассказывал после вечернего обхода больных. Сказки он легко сочинял, можно сказать, на ходу. Было их великое множество, все интересные и захватывающие». Когда Алексей подрос, то отец и сын увлекались разговорами о мире, о политике, об истории. Как отмечает Алексей Федорович, главным для отца был труд: «Он постоянно занимался хозяйством, огородом, сам работал не покладая рук и приучал к труду детей, прежде всего меня, так как я был старшим в семье». А хозяйство у Лисицыных было большое – корова, лошадь, овцы, свиньи. Пахали, сеяли, собирали урожай. Время было бедное, одежды и обуви в продаже нет. И Федор Иванович тачал обувь для всей семьи.

А вообще, чувствуется, что был Федор Иванович одинок в Лихвине.

Таким молодцеватым выглядел Петр Иванович Лисицын на фронте. В перерыве между боевыми действиями он занимался селекцией

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Не хватало ему, что называется, своего круга. «Мне нужны средства на расширение лаборатории и на создание около себя научного кружка, – пишет он в воспоминаниях. – Считаю нужным указать, что я совершенно одинок в своих начинаниях, работаю всегда один. Нет поддержки для научной работы, ни материальной, ни моральной не получаю». И добавляет: «Сколько бы я ни прожил, буду честно служить народу».

Умер Федор Иванович в 1937 году от рака крови. После его смерти порядки и традиции в доме остались прежними – за этим строго следила Екатерина Петровна.

ИСТОРИЯ АЛЕНУШКИ

На лето в наш город приехала из Кёльна Наталья Лисицына. Часто бываю у нее. Расспрашиваю. Живет в том самом доме, что построил дед. Заложил его Федор Иванович в 1920 году и закончил строительство в 1925-м. Участок 40 соток. Виден краешек излучины Оки. И калитка – через нее Алексей выходил и спускался с удочками к реке, он был страстный рыбак. Часто пропадал на Оке. И однажды видит: быстрое течение несет ребенка. Алексей бросился в реку, спас мальчишку – ему было года три. Мальчик оказался сыном начальника районного НКВД. Как же чекист благодарил Алексея! А потом он же арестовал сестру Алексея – Елену. В семье ее звали Аленушкой. Аленушка училась в Литературном институте, вышла замуж за Евгения Белоусова. Они дружили с Даниилом Андреевым и его женой Аллой. Ночи напролет обсуждали литературу, стихи, пели, пили, веселились. На лето уезжали в Коктебель, жили в доме Волошина. Андреева и Аллу арестовали в 1947 году, и под каток репрессий попали все, с кем они дружили. В том числе и Аленушка. Она в то время находилась в Лихвине – там ее и взяли. Начальник районного отдела НКВД, сына которого спас Алексей Лисицын, во время обыска встал у печки, уперся взглядом в стену, ни на что не реагировал. Арестовали и мужа

Аленушки – Евгения Белоусова. И тоже дали десять лет в северных лагерях. Аленушка отбывала срок в Магадане.

В 1956 году их выпустили, но не реабилитировали. Местом жительства им определили Воркуту. За них хлопотала Алла Андреева. Поселиться в Москве разрешили только Белоусову, который бросил Аленушку в Воркуте. И лишь в 1962 году ей удалось вернуться. В Москве – ни жилья, ни знакомых, муж стал чужим. Она поселилась в Чекалине (в 1944 году Лихвин был переименован в Чекалин. – Прим. ред.). Прожила здесь до конца своих дней. Наталья Лисицына помнит ее рассказы – о семье, о тяжелых годах заключения, о ссылке.

СЕЛЕКЦИЯ – ЭТО ТЕРПЕНИЕ

О Петре Ивановиче известно больше, чем о других Лисицыных. Сохранились его дневники, письма, работы, публикации. Федор Иванович оставил память в пределах нашего городка, а его младший брат известен в российских масштабах: он был одним из ведущих селекционеров в стране. Выводил сорта клевера, ржи. Один сорт ржи так и назывался – «лисицынская». Его именем на-

С высокого берега Оки открываются захватывающие виды

звана улица в Москве, а это много значит.

Сохранилось семейное воспоминание о том, как маленький Петя постоянно задавал отцу вопросы: почему у ржи в поле одни колосья высокие, а другие маленькие? Ответ на этот вопрос он будет искать всю жизнь. Однако не сразу земледелие стало делом его жизни. После окончания гимназии он выбрал юридический факультет Московского университета. Через год понял: не его. И перевелся на физмат. Но тяга к земле оказалась сильнее – он поступил на третий курс знаменитой Петровской академии.

Каждое лето он в Телятинках. Приезжал работать, заниматься наукой. На опытных полях возделывает рожь, пшеницу, овес. Устроился землемером в Калужскую почвенную лабораторию – деньги на учебу зарабатывал. В итоге выкристаллизовалось главное дело жизни Петра Ивановича – селекция.

В 1908 году после возвращения из ссылки его взяли селекционером на Шатиловскую семеноводческую станцию. Пригласил его Александр Никандрович Лебедянцеv – они вместе учились в калужской гимназии, потом в Московском университете и в Петровской академии. Лебедянцеv и Лисицын были не только товарищами по учебе, но и энтузиастами научного подхода к земледелию.

Селекция – это прежде всего терпение. Вот пример. Нужно ставить метки тушью на 150–200 растениях каждого опытного варианта. После дождя метки подновлять. Ежедневно вести подсчет метелок. Еще масса других наблюдений, подсчетов. А результат исследований увидишь через годы. Лисицын обследует окрестные поля, выискивая перспективные растения – проходит десятки километров пешком. В 1911 году он отобрал 127 метелок овса – с них начал выращивать свой сорт. Посеял – собрал урожай. Отобрал лучшие зерна. Снова посеял – собрал урожай. Отобрал лучшие. И снова посеял... Десятилетия уходят, чтобы получить новый сорт.

**«СЛЫШИТСЯ ЧАВКАНЬЕ
И ШОРОХ БУМАГИ»**

В 1912 году Департамент земледелия посылает Лисицына на два года в научную командировку за рубеж. Он побывал в Австро-Венгрии, Германии, Англии, Швеции. Посещает сельскохозяйственные учебные заведения, встречается со специалистами, знакомится с работами ученых. Сам ведет опыты в лаборатории Ганса Молиша – директора Института физиологии растений в Вене. На машинных станциях зарисовывает машины и механизмы. Не чужд он был и культурной жизни – посещал оперные и драматические театры. Писал в Телятинки о посещении театра в Берлине: «Оркестр поразительный, но балетная труппа слаба, женщины во вкусе Рубенса. В зале немцы едят бутерброды, хочется дать им по шее. Разговаривая, держат в одной руке бутерброд, а в другой – либретто. Слышится чавканье и шорох бумаги». О драматическом спектакле: «Ходил смотреть «Живой труп». Не понравилось. Артисты ездили в Россию, чтобы что-то перенять. В результате переняли – привезли для игры калоши и связку баранок».

Вернулся из поездки по Западу вполне сложившимся ученым. Развернул бурную деятельность на Шатиловской станции. Открыл селекционный отдел. Занимался практически всеми сельскохозяйственными культурами, но любимые для него – рожь, овес, клевер. Как он написал, «самое важное в жизни – найти самого себя. Я принадлежу к тем немногим удачникам, которые посвящают все свои силы любимому делу. Я занялся селекцией и не отрывался от нее».

Первая мировая война прервала научные занятия Петра Лисицына. 14 августа 1914 года он получил призывной лист. Его направили в Рославль, в 186-й запасной батальон. Пишет в письме: «Прибыл по назначению. Сейчас яркое боевое настроение: в гостинице за два номера от меня какой-то милейший человек жарит на рояле вот уже полчаса «Баркаролу» Чайковского, проиграет две-три фразы, сбивается, опять начинает

Дом, который Федор Иванович начал строить для своей семьи в 1920 году. Юбилей – 100 лет!

с упорством осла. Хочется пойти и здорово поколотить его».

Как ни удивительно, но на посевную и на уборочную поручика отпускали на Шатиловскую станцию. Он вел отбор растений, составлял планы экспериментов по селекции, а с фронта следил, как они ведутся.

Воевали еще три брата Лисицыных – Яков, Леонтий, Константин. В 1916 году Петра Ивановича командировали в Петроград в бактериологическую лабораторию профессора Худякова, поставили задачу: найти расу дрожжей, которые хорошо бы бродили при низких температурах. После многочисленных опытов ученый выявил необходимый продукт.

Революцию Петр Иванович встретил восторженно. Ему казалось, что наконец-то народ будет трудиться только на себя. Идеалом был.

Жизнь Лисицына как ученого при новой власти складывалась благополучно. Возникла у него идея создать государственный

комитет Госсемкультура, который занимался бы разведением новых сортов растений, поддерживал старые сорта. Добрался до Ленина! Вождь дал поручение «Правде»: «Прошу ознакомиться с работами по получению совершенных культур овса и дать фельетон в «Правде» о значении этих работ вообще и о работах Шатиловского треста и русского селекционера Лисицына в частности. Ваш Ленин». Столько всего в селекционной работе! Не буду влезать в подробности. Скажу только, что Лисицын вывел сорт ржи, о которой говорится и в Большой советской энциклопедии. Лисицыну за этот сорт было выдано первое при советской власти свидетельство на изобретение, оно занесено в Государственный реестр под номером один. А свидетельство на изобретение номер два Лисицын получил за овес «шатиловский-56». Рожь «лисицынская» занимала до войны более полутора миллионов гектаров.

А сколько он занимался селекцией клевера! Я и не подозревал, что эта культура таила, да и сегодня таит, множество загадок для ученых. Клевер капризная культура. Петр Иванович в поисках дикого клевера в 1920-х годах предпринял десятки экспедиций – в Архангельскую, Иркутскую, Калининскую, Орловскую, Пензенскую, Воронежскую области, в Коми. Но этого оказалось мало. Он заказывает семена клевера в Америке и других странах.

Екатерина Петровна и Елена Лисицына – та самая Аленушка

ПРОФЕССОР ТИМИРЯЗЕВКИ

В 1928 году Николай Иванович Вавилов приглашает Лисицына возглавить кафедру селекции в Тимирязевской академии. Не просто было Петру Ивановичу расставаться с Шатиловской станцией – двадцать лет ей отдано. Но академия – это, несомненно, рост. Новые горизонты в науке. Министерство просвещения утверждает Лисицына в звании профессора.

Все в академии ему было знакомо. Но изменился состав студентов. Они, мягко говоря, были малообразованными. Учить их надо было с нуля.

Трудно тогда жилось в Москве, голодно. Лисицыны перевезли из Шатиловки запасы картошки, капусту, кур, корову. Поселились на Ивановской улице, недалеко от Тимирязевки. До наших дней сохранился домик, в котором они жили.

Вавилов поручает Лисицыну организовать научно-исследовательский институт зерна. А чтобы он познакомился с последними достижениями науки и практики, командировать его за океан. В США Лисицын интересуется всем, что относится к растениеводству. Изучает, как поставлено хлебное дело. Записывает, расспрашивает, фотографирует. Копирует чертежи машин и оборудования.

Институт зерна Лисицын сделал научным центром. Поставил цель: знать о зерне все. Институт стал крупным, авторитетным во всем мире научно-исследовательским учреждением. У Лисицына множество публикаций в научных журналах и газетах «Правда» и «Известия». Он писал учебники по селекции.

Непросто пережил Петр Иванович 1937 год. В газете «Тимирязевец» появилась статейка, подписанная «Иванов». Автор выкатил суровые обвинения профессору Лисицыну: и что он так и не создал сорта клевера, и что очковтиратель, путаник, и что вредитель, и что не подготовил научные кадры, и что игнорирует учение Дарвина, и что рекомендует студентам

читать книги по буржуазной генетике... Такого обвинительного списка хватило бы, чтобы выписать билет в Магадан. Обошлось. Петр Иванович написал в газету ответ, назвал его «Против трусливой клеветы». Камня на камне не оставил от обвинений, а аргументировать ему было чем – и результаты практической деятельности мог предъявить, и научные труды. Но травля продолжалась – новая статья в «Тимирязевце». И опять обвинения в преклонении перед буржуазной генетикой. И новый ответ Лисицына... Но затем, видимо, наверху реши-

В Чекалине остался в живых лишь один храм – Свято-Введенская церковь. А было четыре

ли оставить Лисицына в покое – «Тимирязевец» замолк...

Война. Три сына Лисицына – Анатолий, Александр, Юрий – ушли на фронт. Остались живы. Петр Иванович продолжал научную работу в Александрове – там он создал научную лабораторию. Он был предельно честным ученым. В письме от 1943 года пишет: «Наша общественность выдвинула меня кандидатом на Сталинскую премию. Поддержал нарком Бенедиктов. Едва после долгих споров и неприятностей добился согласия отложить мою кандидатуру на 2 года. Сейчас я не готов, а идти на такую премию на шермака не позволяет совесть. Через 2 года я уже вступлю с неполегающей рожью и двумя сортами клевера. Это будет солидно и заслуженно». Ну кто бы отказался от премии, тем более что он заслужил ее? Но нет: «Сейчас я не готов». Честность превыше всего. Получит он Сталинскую премию уже посмертно – за книгу «Вопросы биологии красного клевера». Умер Петр Иванович 20 февраля 1948 года.

История рода. История народа. История страны.

Рассказал лишь о трех представителях рода Лисицыных. А сколько можно рассказать о других! Что ни судьба, то открытие. И раскрывается судьба не только семьи, не только нашего городка, но и всей страны. Вчитываешься в документы, всматриваешься в фотографии, сопоставляешь факты и события и думаешь: а почему именно в Телятинках родилось столько талантов? Что такого в этой не приметной деревне, что выросли такие личности? И были ли какие-то неведомые нам педагогические принципы у Ивана Федоровича и Натальи Васильевны, если их дети были столь талантливы? Как-то сумели они развить в детях интерес к окружающему миру. Передали трудолюбие, уважение к труду. Может, с этого все начинается? ■

Федор Иванович с сыном Алешей – он тоже выбрал медицину

СОМОВ БЕЗМУНДИРНЫЙ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ЕГО ПОРТРЕТА НЕ НАЙДЕШЬ, БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О НЕМ НЕМНОГО.
ОРЕСТ СОМОВ – ПИСАТЕЛЬ ИЗ ТЕХ, КОТОРЫЕ ВСЕГДА ГДЕ-ТО РЯДОМ
С ВЕЛИКИМИ. ИЛИ ДАЖЕ РЯДОМ С ТЕМИ, КТО БЫЛ РЯДОМ С ВЕЛИКИМИ.
ОН ЖИЛ ВМЕСТЕ С РЫЛЕЕВЫМ, ИЗДАВАЛ ЖУРНАЛ ВМЕСТЕ С ДЕЛЬВИГОМ,
СОТРУДНИЧАЛ С ПУШКИНЫМ. ОН – ИЗ ТЕХ, КТО СОЗДАЕТ СРЕДУ.
И ИЗ ТЕХ, КОГО ЭТА СРЕДА ПОГЛОЩАЕТ.

УКРАИНСКИЙ ДВОРЯнин, наследник древнего рода, основателем которого считается выходец из Золотой Орды мурза Ослан, Орест Сомов родился 21 декабря 1793 года в городе Волчанске Харьковского наместничества. Это и сейчас маленький городок на границе Украины и России. Родителями его были капитан Михаил Лукич Сомов и Аграфена Андреевна, в девичестве Стойкина. Судя по воспоминаниям Сомова, возглавляемым «Картины детства», семья была любящей, а детство счастливым. К началу XIX века род Сомовых уже не был ни богатым, ни влиятельным. Все, что родители могли дать сыну, – это хорошее образование. Он учился в пансионе у какого-то иностранца, затем в недавно открытом Харьковском университете. Орест окончил философский факультет и отлично знал как минимум два языка – французский и итальянский. В студенчестве, в 1816–1817 годах, он много печатался в журналах, которые издавал университет: в сатирическом «Харьковском Демокрите» и «Украинском вестнике», и это в основном были поэтические переводы.

Окончив университет, в 1817 году Орест уехал в Петербург, где почти сразу вступил в Вольное общество любителей сло-

весности, наук и художеств. Как пишет биограф Сомова Юлия Матвеева, ему составили протекцию земляки-харьковчане. Позже он вступил и в Вольное общество любителей российской словесности. Возглавлял его Федор Глинка, помощником при нем был Александр Измайлов, издатель журнала «Благонамеренный». Круг членов общества во многом совпадал с кругом авторов «Благонамеренного». Сомов стал печататься в «Благонамеренном» и в журнале, который издавало общество – «Соревнователь просвещения и благотворения». Скорее всего, именно в Вольном обществе Сомов познакомился с будущим декабристом Кондратием Рылеевым.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТОР

В 1819 году Орест Сомов уехал в восьмимесячное заграничное путешествие в качестве секретаря князя Павла Петровича Щербатова, чье расстроенное здоровье заставило его взять отпуск, а после него просить отставки. Щербатов и Сомов уехали в августе 1819 года. Они побывали в Польше, во Франции, где прожили почти полгода, в Австрии, в Германии – и вернулись в мае 1820 года. Из путешествия Сомов много писал своим петербург-

ским друзьям, и эти письма затем легли в основу его публикаций. Из Европы он привез огромный багаж литературных и театральных впечатлений, которыми рад был поделиться с «Соревнователем» и «Благонамеренным». А также просто человеческих впечатлений и наблюдений, которые впоследствии пригодились в работе над циклом повестей «Рассказы путешественника». После возвращения в Россию он начал печататься и в «Невском зрителе», но не как путешественник, делящийся впечатлениями, а как литературный критик.

В 1821 году он привлек к себе внимание читающей публики, раскритиковав Жуковского: Сомов признавался, что долго «восхищался многими прекрасными его произведениями... до тех пор, пока западные, чужеземные туманы и мраки не обложили его и не заслонили свет его». Советские критики один за другим повторяли мысль о том, что Сомов возмущается романтизмом Жуковского, хотя основной мишенью его были именно «западные, чужеземные туманы и мраки» – против отечественных он ничего особенно не имел. И это видно, если посмотреть на его собственную прозу, где ведь-

мы летают на шабаш, оборотни шастают по селу, кикимора проказничает в доме. Сомов не был мистиком по убеждениям, а просто любил народные предания, легенды и страшные сказки, но романтиком он все-таки был, и странно ему было восставать против романтизма. А вот против «чужеземного» он восставал: «Истинный талант должен принадлежать своему отечеству; человек, одаренный таковым талантом, если избирает поприщем своим словесность, должен возвысить славу природного языка своего, раскрыть его сокровища и обогатить оборотами и выражениями, ему свойственными».

Впрочем, тогда, в 1821 году, Сомова сочли противником русского романтизма вообще и Жуковского как романтика в частности: выступление против основоположника едва только утверждающегося в литературе русского романтизма расценивалось как выступление против всего направления в целом. Довольно скоро Сомов стал печататься едва ли не во всех выходящих в Петербурге журналах. Он стал одним из первых профессиональных литераторов. Тогда это еще было ново: писательство было благородным дворянским увлечением; превращать его в повседневный труд еще казалось делом почти предосудительным, почти низким. Боратынский в 1823 году в своей сатире «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» проехался по «безмундирному» Сомову:

*Признаться, в день сто раз
бываю я готов*

<...>

Сказать Измайлову:

*«Болтун еженедельный,
Ты сделал свой журнал
Парнасской богадельней,
И в нем ты каждого
убогого умам*

*С любовью жалуешь
услужливым листком.
И Цертелев блажной,
и Яковлев трактирный.
И пошлый Федоров,
и Сомов безмундирный,
С тобою заключа
торжественный союз,
Несут к тебе плоды
своих лакейских муз.*

Это чрезвычайно возмутило Пушкина, который прочел послание в списке и написал из Одессы Дельвигу: «Сомов безмундирный непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостию писателя? Это шутка, достойная коллежского советника Измайлова».

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

С.Д.П.

В Петербурге Сомов вслед за другими сотрудниками «Благонамеренного» стал вхож в литературный салон Софьи Дмитриевны Пономаревой – хорошенькой, легкомысленной, одаренной женщины. Муж смотрел сквозь пальцы на проделки своей жены, а иногда даже участвовал в ее проказах. Софья Дмитриевна царил в своем салоне, кокетничала, то приближала своих вассалов, то ввергала в немилость. Едва ли не каждый член ее кружка пережил острую и пылкую влюбленность в нее – и каждый верил, что в какой-то момент она была взаимной.

Сомов не на шутку влюбился в Софью Дмитриевну. Он писал ей письма, писал дневники; они сохранились, донося до нас его отчаянный голос из весны 1821 года: «Сейчас же я вижу, что вы, сударыня, хотели только поддуть над моей любовью и сделать смешными порывы бедного сердца, – какая награда! Напрасные старания, я любил вас, люблю и буду любить всегда; ни ваша суровость, ни ваши насмешки не угасят страсти, возрастающей с каждым днем, которая составляет мое мучение, мое наслаждение и которая иссякнет разве с моим последним дыханием»...

Софья Дмитриевна то дает ему надежду, то охлаждает равнодушием; то позволяет горячие поцелуи (правда, при открытых дверях) – то отстраняет прочь. В конце концов Сомов понял, что его чувство безнадежно. Уже к июню она к нему охладела, явно предпочитая другого – поэта Владимира Панаева. В июне 1821 года в салоне Софьи Дмитриевны сложился литературный кружок «Общество любителей Словесности и Премудрости». «С.П.» – инициалы хозяйки. Сама она стала председателем и взяла себе прозвище Мотыльков, остальные члены общества тоже обзавелись прозвищами, похожими на фамилии героев в классицистской комедии: Измайлов был Басниным, Панаев, который писал идилии, – Аркадиным. Сомову сначала дали прозвище Стрункин, но тут же переименовали в Арфина – так поэтичнее. В «Обществе» играли в буриме, писали стихи на заданные темы. Лучшие творения членов кружка должны были пополнять редакционный портфель «Благонамеренного».

В августе назрели перемены: Софья Дмитриевна, кажется, заинтересована была в том, чтобы члены кружка писали меньше альбомных мадригалов и боль-

ше серьезных литературных произведений – ее взбалмошной и творческой душе было мало салонных игр. Сомов тоже требовал серьезной литературы и отказа от тех кружковских правил, которые стесняли авторскую свободу, – в первую очередь от требования писать на заданные темы. Кружок переставал быть кружком и становился литературным обществом. Его переименовали в «Сословие Друзей Просвещения» (сокращенно С.Д.П. – опять-таки инициалы Софьи Дмитриевны). В его ряды влились новые члены: Павел Яковлев, брат лицеиста Михаила Яковлева, привел лицеистов Дельвига и Кюхельбекера – и дружного с ними обоими Боратынского.

И вот тут между старыми и новыми «друзьями просвещения», «измайловцами» с одной стороны и «лицеистами» – с другой, началась борьба – и литературная, и человеческая. Все трое новоприбывших очень скоро оказались влюблены в хозяйку. Все трое раздражали старых кружковцев – и свободомыслием, и посланиями друг к другу, где они воспевали любовь и вино, – все это казалось слишком вольным, неблагоразумным. «Благонамеренный» начал обстрел молодых поэтов эпиграммами – и если Дельвигу в них ставили на вид его сонливость, то Боратынскому, разжалованному в солдаты за подростковый еще проступок, – его унтерский мундир, а это были очень чувствительные для его самолюбия удары. Возможно, он считал автором анонимной эпиграммы Сомова – и отсюда его выпад против «безмундирного» оппонента. А закончилась эта история грустно: Софья Дмитриевна умерла в 1824 году, «Сословие Друзей Просвещения» распалось. Но человеческие связи остались: Сомов стал постепенно сближаться с Дельвигом.

ДЕКАБРИСТЫ

Еще в 1822 году Кондратий Рылеев и Александр Бестужев, собираясь издавать новый альманах, попросили у лучших современных литераторов, и Сомова в их числе, что-нибудь для журнала. Альманах «Полярная звезда», собравший лучшие литературные силы, вышел в 1823 году и имел колоссальный успех. А Сомов почувствовал, что нашел не только единомышленников, но и хороших друзей. В 1824 году он стал помощником Кондратия Рылеева, руководителя канцелярии в правлении Российско-американской компании. Квартиру Бестужева, Рылеева и Сомов снимали вместе.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

даются «от нравов, понятий и образа мыслей наших единомышленников», что «тоскливые немцеобразные рапсодии» их не могут остаться в народной памяти. Он утверждает, что русскому народу «необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых». А для этого надо обратиться к народной поэзии, к фольклору, к русской истории, надо воспеть национальных героев: «Русские утвердили славу отчизны на полях брани, мужи твердого духа ознаменовали ее летописи доблестями гражданскими, пусть же певцы русские станут на чреде великих

певцов древности... Пусть в их песнях высоких отсвечиваются, как в чистом потоке, дух народа и свойства языка богатого и великолепного, способного в самых звуках передавать и громы победных стихий, и пылкие порывы страстей необузданных, и молчаливое томление любви безнадежной, и клики радости, и унылые отзвуки скорби».

Так же близок к будущим декабристам он оказался и в своем отношении к «Горю от ума», которое широко разошлось в рукописях в 1824 году и так же широко обсуждалось. Как и декабристы, он в первую очередь заметил в Чацком идейно близкого человека. Чацкий, писал он, человек «чувствами благородными» и «душою возвышенной» «негодует на грубую закоснелость, жалкие предрассудки и смешную страсть к подражанию чужеземцам – не вообще всех русских, а людей некоторой касты».

Трудно сказать, знал ли он что-то о готовящемся восстании. Пожалуй, из всех русских писателей он ближе всех оказался

Литературная позиция Сомова оказалась довольно близкой позиции будущих декабристов – романтиков, ратовавших за национальное искусство. Свои эстетические взгляды он изложил в трактате «О романтической поэзии», который прочитал на заседании Вольного общества любителей российской словесности, а потом опубликовал в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Трактат оказался настолько популярным, что в том же, 1823 году вышел отдельным изданием.

Сомов в трактате упрекает романтиков – последователей Жуковского в том, что они от-

к пятерке заговорщиков. Сразу после неудачной попытки восстания, после ареста Рылеева и Бестужева дома были обыски. Когда забрали бумаги Рылеева, у Сомова пытался укрыться Кюхельбекер. Сомов сказал, что придут еще за бумагами Бестужева, и не ошибся. Ночью 14 декабря 1825 года пришли за ним самим. В числе других арестованных его представили императору. Где вы служите, спросил тот. «В Российско-американской компании», – ответил Сомов. «Хороша собралась у вас там компания», – заметил император.

В официальном сообщении о событиях на Сенатской площади Сомов назван среди зачинщиков восстания. Некоторые декабристы (Трубецкой, Глебов, Оржицкий, Бригген) в своих показаниях сообщили, что он был членом тайного общества и присутствовал на Сенатской площади. Александр Воейков, давний литературный противник Сомова, в одном письме сообщал, что его «взяли с пистолетом в руке». Н.К. Островская, исследователь творчества Сомова, пишет: «Сохранилось интересное письмо секретаря Сената А. Оленина, в котором вторым зачинщиком «бунта» после Рылеева назван Сомов». Более трех недель Сомов просидел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. На допросах он давал противоречивые показания: на первом сообщил, что знал о планах восстания, и назвал тех, кто был дома у Рылеева на последнем заседании. На втором допросе, через две недели, уже сказал, что о заговоре узнал только накануне событий. И добавил: «Связь моя с Бестужевым и Рылеевым была с самого начала и до конца совершенно литературная, и советов и сотрудничества от меня они требовали только по изданию «Полярной звезды»; иногда же читали мне литературные свои произведения». Бестужев в своих показаниях сообщил, что Сомов отношения к обществу не имел.

ИЛОТ

7 января 1826 года Ореста Сомова освободили из крепости по приказу императора, выдав ему «очистительный аттестат». Пока он был под арестом, его квартиру разграбили, работы у него не было. Дельвиг вспоминал, что Сомов, лишившись места в Российско-американской компании и всего имущества, не мог устроиться на государственную службу, поскольку даже не имел чина. Вряд ли он мог рассчитывать на хорошее место после заключения в крепости. При этом он считал своей обязанностью поддерживать любовницу Александра Бестужева, на которой через пять лет женился. Он решил зарабатывать на жизнь тем, что умел, – литературой.

В это время перестали выходить и «Соревнователь», и «Благонамеренный». Альманах «Звездочка», который должен был выйти вместо последнего выпуска «Полярной звезды», был остановлен в печати сразу после восстания. А в «Звездочке» должна была выйти повесть Сомова «Гайдамак» – одна из первых в русской литературе повестей на украинском материале, история о предводителе не то разбойничьей шайки, не то повстанческого отряда – благородном разбойнике Гаркуше, который грабит богатых панов и мстит господам за страдания тех, кого они обижают.

По сути, найти место можно было только у Булгарина и Греча, издателей «Северной пчелы» и «Сына отечества». Булгарина Сомов пока что числил союзником: еще до восстания он опубликовал у него в газете среди прочего критическую статью о «Полярной звезде», где говорил о патриотичности этого альманаха.

Викентий Вересаев в книге «Пушкин в жизни» пишет, что после 14 декабря Булгарин «сильно перетрусил»: «...он водил знакомство со многими из декабристов – Рылеевым, братьями Бестужевыми, Кюхельбекером. Все меры стал принимать, чтобы доказать свою

непричастность. <...> Явился к нему журналист Орест Сомов, заявил, что бежал из Петропавловской крепости, и просил спасти. Булгарин запер его на ключ у себя в кабинете, помчался в полицию и сообщил о своем госте. Оказалось, однако, что Сомов просто подшутил над Булгариным. Он действительно был арестован и сидел в крепости, но выпущен «без последствий». За такую шутку Сомов отсидел три дня в крепости».

Булгарин знал, что Сомов сильно нуждается, и, может быть, потому не церемонился с ним, иногда даже обсчитывал его. Николай Греч, многолетний сотрудник Булгарина, рассказывал, что «Булгарин... трактовал их [своих сотрудников], как польский магнат служащих ему шляхтичей: то пирует, кутит, кохается с ними, то обижает их словесно и письменно, как наемников, питающихся от крох его трапезы. В числе этих несчастных илотов был Сомов. Нрава был он доброго и кроткого, человек честный и благородный, но совершенно недостаточный. По сотрудничеству в «Пчеле» получал он по четыре тысячи рублей ассигнациями в год за составление фельетонов, смеси и т.д. Вдруг Булгарин за что-то прогневался на него и завопил: «Вон Сомыча! Вон его!» И действительно, объявил ему отставку. Лишенный средств к существованию, Сомов предложил свои услуги Дельвигу».

Это было время альманахов. Сомов хотел издавать свой альманах, Дельвиг издавал «Северные цветы». Они решили объединить усилия. Двоюродный брат Дельвига, Андрей Иванович Дельвиг, вспоминал: «Появление Сомова было очень неприятно встречено в обществе Дельвига. Наружность Сомова также была не в его пользу. Вообще постоянно чего-то опасавшийся, с красными, точно заплаканными, глазами, он не внушал доверия. Пушкин выговаривал Дельвигу, что тот приблизил к себе такого неблагонадежного и мало способного

человека. Плетнев и все молодые литераторы были того же мнения. Между тем все ошибались насчет Сомова. Он был самый добродушный человек, всею душою предавшийся Дельвигу и всему его кружку и весьма для него полезный в издании альманаха «Северные цветы» и впоследствии «Литературной газеты».

С 1828 года Сомов начал публиковать в альманахах свои ежегодные «Обозрения российской словесности», переводы и повести. Названия его повестей, которые он публиковал под псевдонимом Порфирий Байский, говорят сами за себя: «Русалка», «Оборотень», «Киевские ведьмы». Эти истории полны народной бытовой магии. Но если другие романтики обычно старались дать своим историям о сверхъестественном материалистическое объяснение, то Сомов лишь иногда о нем заботился. Для него не важен «сеанс магии с разоблачением», для него важен, как пишет Н.Н. Петрунина, «дух народа, выражающийся в его поверьях и мифологических представлениях». Сомов, конечно же, не мистик, а просто старательный фольклорист и этнограф, который с удовольствием рассказывает небылицы серьезно. Впрочем, в «Оборотне» или «Сказках о кладах» появляется обаятельный юмор и авторский иронический взгляд на эти самые небылицы.

Гоголь продолжил и развил традицию, начатую Сомовым. И вот у него-то уже появился рассказчик, пасичник Рудый Панько, и возникла только намеченная у Сомова ироническая дистанция, появился неподражаемый гоголевский юмор. Повести Сомова совсем недурны сами по себе, но рядом с гоголевскими это «разыгранный Фрейшиц перстами робких учениц»: слишком резко, пестро, этнографично. Чаще всего это мрачные трагические истории с плохим концом: таковы и «Русалка», и «Киевские ведьмы», и «Бродящий огонь», и «Недобрый глаз», и «Купалов

вечер»... Интересно, кстати, что Пушкин взял «Киевских ведьм» за основу своего «Гусара», но там, где у Сомова романтический ужас, у Пушкина – освобождающий смех.

У Сомова – в решающую минуту, когда муж готов ринуться за женой в печку, нагромождение кошмаров: ревущая буря, «пламенное, неистовое лицо и сверкающие глаза» молодой ведьмы, «человеческие кости и волосы, сушеные нетопыри и жабы, скидки змеиной кожи, волчьи зубы, чертовы пальцы, осиновые уголья, кости черной кошки»... Тут и поднятые дыбом волосы, и хрупающие в суставах кости, и иступление ума... А у Пушкина вместо этого – веселая и лихая строфа:

*Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку вытил; верь не верь –
Но кверху вдруг взвился я пухом.*

Отношения между произведениями Сомова и Пушкина, Сомова и Гоголя – сложнее, чем идея, что один написал первым, а второй пошел по следам и заимствовал. Все они заинтересованно читают друг друга, подхватывают интересное – будто пасуют друг другу мячи, загораются друг от друга идеями. Гоголь в 1829 году писал матери: «Здесь так занимает всех все малороссийское»; кажется, он и взялся за «Вечера на хуторе близ Диканьки» не только потому, что скучал по родным краям – но и потому, что читал Сомова и подхватил его идею на лету. А потом уже Сомов подхватывал идеи у Гоголя, вдохновляясь его прозой. А в «Романе в двух письмах» у Сомова есть прямая отсылка к «Евгению Онегину». Его персонаж указывает в письме другу: «...прочти в пятой главе «Онегина» от 25 до 44-й станцы – и поверь мне на слово, что храмовой праздник в доме будущей моей тетушки Стефаниды Васильевны немногим отстал от именинного пира в доме Ларинных». А вместе с тем сомовский роман очень близок к пушкинскому «Роману в письмах», который был опубликован толь-

ко в 1857 году, когда и Сомов, и Пушкин уже умерли. И, конечно, «Роман в двух письмах» очень похож на «Барышню-крестьянку» – и своим усадебным уютом, и счастливым концом. В прозе Сомов бывает похож и на Пушкина, и на Гоголя – но так, как похожи «Жигули» на гоночную машину: и то, и другое, несомненно, автомобиль, но это очень разные автомобили. Пересечений в творчестве Сомова и Пушкина специалисты находят очень много, и это свидетельство не столько заимствований, сколько одновременной работы в одном направлении, сходства мысли, эстетических критериев, творческого метода. А молодого Гоголя Сомов, скорее всего, встретил в украинском землячестве в Петербурге. И даже откликнулся доброжелательной рецензией на незрелую и неудачную юношескую поэму Гоголя «Ганц Кюхельгартен», в которой разглядел отпечаток таланта.

ПЛОХОЙ СЧЕТЧИК

В 1830–1831 годах Дельвиг и Сомов вместе издавали «Литературную газету». Когда ее закрыли из-за публикации стихотворения Делавиня, а Дельвигу запретили занимать редакторский пост, открыть ее оказалось возможно только при условии, что редактором станет Сомов. Он и здесь оказался третьим. Не третьим лишним, а третьим неравным: Рылеев, Бестужев – и Сомов; Пушкин, Дельвиг – и Сомов. Впрочем, в «Литературной газете» Пушкин и Сомов были ближайшими сотрудниками – в начале издания их было всего двое; некоторые редакционные статьи, написанные Сомовым, приписывали Пушкину, настолько сходны их позиции.

В 1831 году умер Дельвиг. Сомов был ошарашен этой смертью. Пушкин писал Плетневу: «Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами» – но мне жаль, если это будет ущерб Сомову – он был искренно к нему привязан – и смерть

нашего друга едва ли не ему всего тяжелее». Новый выпуск «Северных цветов» действительно был задуман как «тризна по Дельвигу» – и в помощь его семье. Однако недавно женившийся Пушкин был занят семейными хлопотами, а Сомов заболел. Альманах долго не выходил, к декабрю 1831 года отпечатали 1200 экземпляров, из них 500 никак не поступали в продажу. Альманах не принес ожидаемой прибыли, Сомов запутался в денежных расчетах и оказался должен 3 тысячи рублей, которые никак не мог возместить, – а кроме этого, с ним рассорился и Пушкин, и пушкинское окружение.

Рассчитаться за «Северные цветы» Сомов пытался до самой смерти – об этом и его последнее письмо Пушкину, написанное в январе 1833 года: за расчетами следует признание: «Я всегда был плохим счетчиком, особливо в своем деле. <...> Покойный Дельвиг знал мою арифметическую бестолковость, и потому все счета принимал на себя. Одни faux-frais [мелкие расходы] всегда очищали у меня карман до копейки». Сомов принимал на себя не только всю вину, но и все финансовые обязательства, весь «дефицит», «ибо конечно в нем никто кроме меня не виноват». Осложняло его положение то, что он постоянно болел, и ему надо было кормить семью. Женился он примерно в 1830 году. О жене его мало что известно: она была украинкой, ее звали Марией Леонтьевной. 30 июля 1831 года родился сын Николай, о котором Сомов иногда пишет друзьям: «Малый добрый, только шумлив не в меру, ибо мера его очень коротка: мальчик с пальчик, о котором говорится в Русских сказках», «знает и любит меня столько, сколько дивный инстинкт род-

ственный допускает сие в крошке, коей исполнилось едва три месяца на днях; пробудясь ночью и увидев меня сонного он вдруг потянулся ко мне с каким-то душевно радостным: ах! а!»

Больной, рассорившийся со своими друзьями, вновь оставшийся в литературном одиночестве, Сомов вынужден был искать работы у Булгарина, с которым не так давно расстался, казалось бы, навсегда, и Воейкова – издателя «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду», его давнего недруга. И тот, и другой нещадно бранили его печатно, но знали, что он отличный работник и что он очень нуждается. Ему приходилось

цветы» и еще оставался должен две. «У меня все больны, – писал он Пушкину в последнем письме, – о себе уже и не говорю, это письмо пишу я целую неделю; поминутные вертижи [головокружения] в голове и блестящие в глазах не дают мне заняться и четверти часа сряду. Беда человеку семейному, обязанному кормить себя и семью свою из трудовых денег занемочь и быть несколько времени неспособным к работе. Сверх моей хронической, вновь измучившей меня болезни, рифмующей с древнею ге[роид]ой, с прошедшей недели на меня напал грипп со всеми своими любезностями».

В мае 1833 года он умер, не дожив до 40 лет. Жена забрала ребенка и уехала к его родителям на Украину, не оставив никаких распоряжений по поводу его литературного наследия.

Он так и остался – на полях великой русской литературы, в выходных данных журналов, в примечаниях к биографиям. А его собственные биографии в Интернете иллюстрируют чужим портретом – может быть, потому, что ни-

кому в свое время не пришло в голову заказать художнику его портрет.

Но читатели с удовольствием добираются до его киевских ведьм и русалок, а литературоведы пишут о том, что он стоял у истоков и романтической, и реалистической русской прозы, и обсуждают его вклад в развитие критики и журналистики. Ведь никакая большая литература непредставима без тех «литературных илотов», о которых не слагают легенд, не рассказывают анекдотов, которым не ставят памятников. Однако именно они делают среду и создают тот воздух, в котором только и можно дышать и творить. ■

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

заниматься мелким литературным трудом, писать редакционные статьи, не выражавшие его взглядов и публиковавшиеся без подписи – все это не приносило ни славы, ни денег, ни удовлетворения. Николай Греч, второй издатель «Северной пчелы», заметил: «Беспрерывные письменные работы, не по вкусу и не по выбору, а по необходимости и по требованию других, отвлекли его от самостоятельных произведений, потемнили его воображение, иссушили телесные силы, расстроили здоровье и в цвете лет низвели в могилу».

К началу 1833 года Сомов выпла- тил первую тысячу за «Северные

ПОДАРОК НЕБА

К. Сен-Санс.
«Лебедь».
Исполняет
Майя
Плисецкая.
1993 год

АЛЕКСАНДР КОНЬКОВ И АЛЕКСАНДР КОСИНЕЦ / ИТАР-ТАСС

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

СО СТОРОНЫ КАЗАЛОСЬ, ЧТО И СЦЕНИЧЕСКАЯ, И РЕАЛЬНАЯ ЕЕ ЖИЗНЬ СЛОЖИЛАСЬ ИДЕАЛЬНО. К ТОМУ ЖЕ МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ БЕЗУКОРИЗНЕННО СООТВЕТСТВОВАЛА ЭТОЙ ИЛЛЮЗИИ, РАЗРУШИТЬ КОТОРУЮ СМОГЛИ ЛИШЬ ПОЗДНИЕ ИНТЕРВЬЮ И МЕМУАРЫ ЗВЕЗДЫ.

БАЛЕРИНА НЕ РАЗ ГОВОРИЛА, ЧТО НЕ ПРИВЫКЛА СЕБЯ ЖАЛЕТЬ И ДАЖЕ НЕ ПОНИМАЕТ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ: «БОРЬБА С ЛЮДЬМИ ВСЕ РАВНО БУДЕТ. НО ДОКАЗАТЬ ЧТО-ТО МОЖЕШЬ, ТОЛЬКО ПРЕОДОЛЕВ СЕБЯ. НЕ ДЛЯ ТОГО Я РОДИЛАСЬ, ЧТОБЫ СДАТЬСЯ!»

ПЛИСЕЦКАЯ СЛОВНО воплощала известную притчу: тонкий бамбук, гнущийся от бури в любую сторону, каждый раз выпрямляется, – и попробуй его сломать! Под маской хрупкой и красивой женщины таилась волевая, целеустремленная личность. Выдающийся мастер, танцовщик и педагог, родной дядя балерины Асаф Мессерер заметил: «...тема Майи в искусстве – это тема несогбенности. Полагать, что ее имя досталось ей без борьбы, – прекраснодушие. Она всегда боролась с обстоятельствами и со своими слабостями. <...>

«Лебединое озеро» Плисецкая танцевала тридцать лет – с сорока седьмого года по семьдесят седьмой. Это артистический подвиг. В мире нет другой балерины, которая сохраняла бы в своем репертуаре этот самый трудный классический балет столько лет!»

Плисецкая прожила долгую жизнь, оставаясь в профессии до 85 лет – это феномен в мировом балете. Она – одна из шести женщин – полных кавалеров ордена «За заслуги перед Отечеством» наряду с Ириной Антоновой, Галиной Вишневской, Людмилой Вербицкой, Галиной Волчек

и Валентиной Матвиенко. Ее долгожительство в балете – преодоление условностей, канонов, самой себя. Она добила всего: ролей – каких хотела, наград – какие возможны, признания ревнивых коллег, восхищения всего мира. Но постоянная неудовлетворенность, упрямый поиск нового для достижения очередной вершины заставляли ее каждый раз делать новый шаг: «Мне важно угодить себе – это самое трудное». Ее «несносный характер» помогал ей отстаивать свои права и решения, не изменяя себе, она часто повторяла слова: «Характер – это судьба».

ДОЧЬ ДОНКИХОТА

О ней сочинили массу небылиц, так что неслучайно в 1994 году вышла книга «Я, Майя Плисецкая...»: «Первым желанием моим было восстановить правду. Правду моей собственной жизни».

Она родилась в Москве 20 ноября 1925 года в семье Михаила Плисецкого и Рахиль Мессерер, которую дома звали Ра. Нельзя не заметить ее сходства с мамой, но Майя считала, что похожа на папу: «Рыжая, как морковка, вся в веснушках, с голубым бантом в волосах, зелеными глазами и белесыми ресницами». «Мы жили на Сретенке, двадцать три, квартира три, на третьем, последнем этаже. Одни тройки. Это была квартира моего деда Михаила Борисовича Мессерера, зубного врача. В ней было восемь комнат. Они следовали одна за другой и все смотрели немытыми окнами на Рождественский бульвар», – вспоминала Майя Михайловна. Родня была одаренной: кто пел, кто сочинял, тетя и дядя – знаменитые танцовщики. Отец «семнадцатилетним подростком записался в коммунисты. Как и все донкихоты той лихой години, он иступленно верил в – ясную сегодня и младенцу – абсурдность трагической затеи сделать все человечество счастливым, дружелюбным и бесребренным». Его карьера хозяйственника складывалась прекрасно, но дочь замечала, что «веселая искорка пролетала в его глазах все реже и реже – время грянуло страшное. А старые друзья по привычке все еще величали его студенческим прозвищем «Веселовский». Они-то помнили его весельчаком, заводилой всех розыгрышей, картежником, бильярдистом».

Ра окончила ВГИК, была киноактрисой, на ближайшем кино театре висел огромный ее портрет – афиша немого фильма «Прокаженная». На сеансе девочка «взхлеб рыдала, когда маму топтали лошади. Она была рядом, утешала: «Я здесь, я цела, я около тебя». Я зло вырывала руку и нешуточно сердилась, что мама мешает мне плакать».

АЛЕКСАНДР БАТАНОВ/ТАСС

Как-то солистка Большого театра Суламифь Мессерер, которую в семье звали Мита, отвела 5-летнюю племянницу на «Красную Шапочку», и дома озорная непоседа показала всех персонажей, после чего дедушка предрек ей большое актерское будущее.

В 1932-м ее отец был назначен начальником рудников «Арктикуголь» и генконсулом СССР на Шпицбергене – на четыре года. Семья с 8-месячным братом Александром отправилась поездом через Польшу, Германию и Данию в Норвегию: «Гигантский паром проглотил наш состав как ни в чем не бывало. Это было похоже на ершовскую сказку, где Чудюдо Рыба-кит заглатывает пароходы с пассажирами». В Осло их

Майя Плисецкая.
29 августа
1953 года

АЛЕКСАНДР СТАНОВИЧ/ТАСС

Майя Плисецкая
с братьями –
танцором балета
Большого театра
Александром
Плисецким
(слева)
и школьником
Азарием
(в центре)
во время игры
в шахматы.
24 марта
1950 года

изумил «несметными богатствами» первый же магазин. Там продавались красивые теплые вязаные вещи, но денег хватило лишь на костюмчик для Майи. «Хозяйка, растроганная нашей бедностью, сделала мне подарок – крошечный фарфоровый чайный сервизик, предназначенный маленьким девочкам для кукол. Бог весть, какими судьбами, но он у меня сохранился. И до сих пор стоит в столовой», – вспоминала балерина через шестьдесят лет... Ледокол «Красин», дважды в год совершавший полярный переход, две недели вез их в неутрахающей качке в Баренцбург. Капитан дал им в каюту патефон с единственной на судне пластинкой, на которой были записаны арии из оперы «Кармен» Жоржа Бизе. Играла она постоянно, чтобы заглушить звуки морской стихии, пугавшей детей: «Десятками лет позже, на репетициях «Кармен-сюиты», память моя добавляла к нотам завывание штормового ветра и удары свирепых волн о корпус корабля...»

На Шпицбергене – полярная ночь, ветра сбивают с ног, заносит упавшего снегом, люди ходят цепочкой по 20 человек, держась за руки. А 8-летняя Майя, полюбив лыжные прогулки, решила добраться до Груманта – поселка на острове. Повалил снег, уставшая девочка села на лыжи, начала засыпать... Работавшая телефонисткой Ра вовремя подняла тревогу, опытные лыжники с собакой пошли по следам. Овчарка Як раскопала сугроб, выволокла ребенка за шиворот: «Так я родилась во второй раз...» Майя каждый день изводила родителей шумными танцами. А в самодеятельности шахтерского клуба сыграла свою первую роль на публике, выступив в опере Даргомыжского «Русалка» в одной из главных ролей: «А что такое деньги – я не знаю...»

Счастливое детство закончилось трагедией. Арест отца и обыск в их доме прошел у нее на глазах. Плисецкий дружил с бывшим секретарем Зиновьева, опальным Ричардом Пикелем, взял его, безработного, своим заместителем в

Арктику. Отца увезли в тюрьму, мать с новорожденным сыном Азарием сослали в Казахстан, в Акмолинский лагерь «жен измеченников Родины» на восемь лет, двух старших детей сначала определили в детдом. Затем Мита взяла Майю, Асаф — Александра. Они выхлопотали для своей старшей сестры сокращение срока до двух с половиной лет и перевод на «вольное поселение» в Чимкент. Летом 1939-го Майе разрешили свидание с мамой на 20 дней каникул: «Я сразу углядела ее большие смятенные глаза, просчитывавшие череду тормозящих вагонов. Она осунулась, постарела, волос подернулся сединой, пережитое отразилось на ее облике. Мы не виделись без малого полтора года... Спрыгнув с подножки еще на ходу, я бросилась к ней на шею. И повисла всем телом. Обе мы плакали»...

В апреле 1941-го Ра уже была в Москве: «Вся родня встречала ее на перроне Казанского вокзала. Пролити море слез. Тискали друг друга до одури. Радости не было конца». Она прожила до 1993 года и не хотела верить, что мужа ее убили. «Ждала всю жизнь. Как Сольвейг, — вспоминала Майя Михайловна. — Вздрагивала на каждый неожиданный звонок в дверь, трель телефона, незнакомый голос в передней. Не дождалась...»

В 1989 году из «дела» матери Плисецкая узнала, что та «ничего не признала, не подписала, ни в чем не созналась», наотрез отказавшись доносить на других — «можете расстрелять меня и моих детей, но я этого делать не буду». Она также изучила «дело» отца, увидела бумагу «расстрелян по ложному доносу» и подписи доносчиков, с детьми которых дружила в Баренцбурге: «За свое легковесие и прожектерство отец заплатил сполна. В 1938 году чекисты расстреляли его, тридцатисемилетнего, а в хрущевскую «оттепель» посмертно реабилитировали «за отсутствием состава преступления». Какая банальная заурядная история!..» И за всю свою жизнь Майя Плисецкая никого не предала, презирая тех, кто оказался на это способен.

Хореограф
Асаф Мессерер
проводит
занятия
в Большом
театре.
В центре —
Майя Плисецкая.
1970 год

СВОИ КРЫЛЬЯ

С 1934 года Майя училась в Московском хореографическом училище. Тогда еще не было балетного бума, мало кто рвался учиться «на Анну Павлову», но все равно в училище принимали только одаренных детей: «Мы дансantly ходили под музыку, темпы которой намеренно часто ломали, чтобы определить — слышит ли тело эти перемены. В особой цене была природная артистичность. Мою судьбу решил незатейливый реверанс, отпущенный мною приемной комиссией».

Первый успех к ней пришел 21 июня 1941 года на выпускном вечере старшего класса. Она станет выпускницей только через два года, но уже танцует нимфу с двумя одноклассниками в роли сатиров — это был «Экспромт» Чайковского в постановке Леонида Якобсона. Ра наконец увидела дочку на сцене — «мы все кланялись и кланялись, выходили за занавес на рампу. Она была счастлива. Асаф, поздравляя, язвительно покривился: «Ты кланялась как любимица публики, надо быть поскромнее». Но поздно быть поскромнее, когда зал тебя принял <...> Может быть, с того вечера я и поняла высокую цену поклонам. Как важен этот ритуал. <...> В тот день я шагнула из робкого балетного детства в самостоятельную взрослую, рисковую,

но прекрасную профессиональную балетную жизнь. На рассвете следующего дня началась война. С сентября Плисецкие жили в Свердловске, полагая, что туда эвакуируют театр и училище. Лишь через год из местной газеты она узнала, что Большой театр закрыт, основная часть труппы — в Куйбышеве, в Москве на сцене филиала (ныне — Театр оперетты) продолжают выступать немногие оставшиеся. Школа разделена между волжским Васильевским и Москвой, где идут занятия. В столицу без пропуска не попасть, но Майя решила ехать — пять суток в пути, и исхудавшая девочка, помогающая старому инвалиду, не привлекла внимания патруля, проверявшего документы на московском вокзале. Она вернулась в балет!

В 1943-м ее зачислили в Большой театр и сразу как из рога изобилия посыпались роли! Стремительный взлет имел свои причины: труппа в эвакуации, танцевать в Москве некому, в спектакли вводилась молодежь. А Плисецкая настолько хорошо исполняла небольшие партии, что получала все более сложные. «То, что другие актрисы достигают большим трудом, Майя одолевала с легкостью, как бы шутя. <...> разбросанность и беспешанность — это от стихийности натуры, от огромного дара, который — при-

Майя Плисецкая
на сцене
Большого театра

ИТАР-ТАСС/МИХАИЛ ГРУШИН

дет время! – себя осознает», – писал Асаф Мессерер. С 1944 года список ее ролей множится: фея Сирени и фея Виолант в «Спящей красавице», Мирта в «Жизели» и первая главная партия – Маша в «Щелкунчике». 1945-й – Фея осени в «Золушке» и Раймонда. 1947-й – Одетта-Одиллия в «Лебедином озере», 1948-й – Зарема в «Бахчисарайском фонтане», 1949-й – Царь-девица в «Коньке-Горбунке». В 1950-х – Вакханка в «Вальпургиевой ночи», Аврора в «Спящей красавице», Хозяйка Медной горы в «Сказе о каменном цветке», Лауренсия в одноименном балете, Эгина в «Спартаке»! Поток разных ролей явил новую звезду, обладав-

шую редким диапазоном – и лирика, и острохарактерные партии, и невесомые поэтические, и дерзкие, кокетливые, страстные образы. Асаф Мессерер заметил о племяннице: «...нет ничего труднее, чем придавать новую силу старым ролям <...> Она насыщала старые балеты новизной своей личности и своей темой. Она опережала развитие танца». Все балерины мечтают о «Лебедином озере» – это вершина, признак того, что ты состоялась в профессии. Но быть особенной, отличаться от многочисленных предшественниц, делая те же самые движения, – мало у кого получается. Плисецкая считала:

«В искусстве не важно «что». Самое важное – «как». Из томной элегической Одетты она превращалась в стремительную коварную Одиллию – зрители ее не улавливали. «Вы спрашиваете меня о руках... – говорит она в документальном фильме 1964 года «Майя Плисецкая». – Вообще-то я думаю, что надо танцевать всем телом. Все участвует в танце – ноги, корпус, голова, ну и, конечно, руки. Когда-то в балете руки были очень традиционны, сусальны. В «Лебедином» они складывались сладеньким, сахарным венчиком. А могут они быть и крыльями, трепетными, тревожными... Каждая балерина ищет эти крылья по своему. Ваганова говорила: «Пусть хуже, но свои». Их нельзя взять напрокат. Да-да, у каждой балерины они должны быть свои!» Она станцевала «Лебединое озеро» 800 раз! И «плисецкий стиль» стал не только ее: «Со сцены, с экрана телевизора нет-нет да и увижу свое преломленное отражение – поникшие кисти, лебединые локти, вскинутая голова, брошенный назад корпус, оптимальность фиксированных поз. Я радуюсь этому. Я грущу...» Она вполне осознавала свой вклад в искусство балета – с ней он стал другим. До сих пор каждый год в балетные училища приходят тысячи девочек – учиться «на Плисецкую»...

АЛЕКСАНДР КОНЬКОВ / ФОТОХРОНИКА ТАСС

Майя Плисецкая
и главный
балетмейстер
Большого
театра Юрий
Григоревич.
1986 год

ЖЕЛЕЗНАЯ БАЛЕРИНА

В балете положено в 40 лет уходить в преподавание или на пенсию – организм изнашивается, вместе с годами учебы это тридцать лет безостановочного труда с риском для здоровья: «Всю сценическую жизнь травмы не обходили меня стороной. Каждая была трагедией». То в «Шопениане», прямо на сцене, прима Марина Семёнова «со всего маху наскочила <...> Удар был неожиданный, и я упала. Резкая пронзительная боль. Не могу встать. Все продолжают танцевать, обходя меня стороной. <...> Правый голеностоп неправдоподобно пухнет на глазах. <...> до закрытия занавеса какая-то минута с секундами. Но тянется она целую вечность. Как относительно ощущение времени. Занавес закрывается. Меня уносят». То на репетиции «Спартак» Григоровича – «хореография отторгалась телом. Что-то было искусственным, нелогичным. Я форсировала себя. Отступать не хотелось. Еще скажут – кончилась, не может. В адажио с Крассом... надо было взять носок ноги в руку и оттянуться от держащего в противовес партнера. Мышцы спины при этом перекручивались, словно прачечный жгут. Повторяла неловкое движение по десятку раз. <...> Боль была такая пронзительная, что бесконтрольно начали стучать зубы, была лихорадка. <...> Я впала в забытие». То «премьера «Чайки» со сломанным вторым пальцем левой ноги <...> Перед каждой репетицией, каждый спектаклем я замораживала палец хлорэтилом, битый час кропотливо «улаживала» ступню в балетный туфель, вырезая ножницами атлас немислимимым рисунком». То на репетиции нового «Лебединого» разорвала икроножную мышцу, и массажист театра обжег ногу хлорэтилом до самой кости: «Струпья кожи, открытая сочащаяся пунцовая рана. Не подступиться. Гипс накладывают, лишь когда кожа начи-

ВАЛЕНТИН МАСТЮКОВ/ТАСС

Сцена из фильма А. Зархи «Анна Каренина». Майя Плисецкая в роли Бетси Тверской (справа на втором плане). 1967 год

нает подживать. Упущено время. <...> Ковыляю на костылях <...> Пять месяцев вычеркнуто из жизни»...

У Асафа Мессерера занимались все ведущие солисты Большого балета, в том числе и племянница. По ее словам, его класс лечил ноги. В своей книге Мессерер писал: «Когда после всех триумфов видишь в классе ее лицо в поту работы, лицо, к которому приливалось столько сияния из залов, сдававшихся ее таланту <...> невольно думаешь, как же ей после всего, – ей, которой удавалось все, не удалось то твердое наставительное спокойствие и то выражение

улыбающегося довольства, которое так избранно выделяет «сбывшихся» людей».

Коллеги называли ее «железной балериной», она же считала, что карьеру ей продлила «лень-матушка», поскольку не любила «долбить одно и то же», делала то, что получалось. Интересный диалог состоялся у балерины с хореографом Роланом Пети. «Вы со мной такая ленивая – или всегда?» – «Мне главное – запомнить текст, потом прибавлю...» – «Странная русская школа...» – «Что ж тут странного? Я хочу танцевать до ста лет!» – «А если не ленишься?» – «Больше сорока не протянешь!»

В 1967-м, в ее 42 года, родилась авангардная «Кармен-сюита», в 47 она станцевала «Анну Каренину», в 50 – динамичное «Болеро» Равеля, в 55 – «Чайку», в 60 – «Даму с собачкой». Как заметил Асаф Мессерер, «в искусстве Майя идет по восходящей. Если с годами она становится значительнее, прекраснее, утонченнее, то объяснение этому – она живет не личными, а сверхличными интересами. Чутко отзывчивая ко всему происходящему в мире, она танцует красоту, которая спасет мир. Это ее убеждение художника». Она не считала себя балетмейстером, но

Г. СОЛОВЬЕВ / ФОТОХРОНИКА ТАСС

Майя Плисецкая в роли Эгины в балете А. Хачатуряна «Спартак». 1972 год

ВАЛЕНТИН КУЗЬМИН И НИКОЛАЙ МАЛЫШЕВ / ФОТОХРОНИКА ТАСС

НЕ МЕЧТАТЕЛЬНИЦА

...Познакомились они в октябре 1955 года в богемном доме Лили Брик и Василия Катаняна, куда пришли гости из Франции – Жорж Садуль, Жерар Филип с женой. На фортепиано играл в тот вечер Щедрин. «Какая-то искра обоюдного интереса пробежала между нами, но тут же затухла», – вспоминала Майя Михайловна. Потом – мимолетные встречи, и лишь в 1958-м, после премьеры «Спартак» Игоря Моисеева, где Плисецкая танцевала Эгину, их захватил «явившийся с неба головокружительный роман». В том же году в октябрьский дождливый день Майя Плисецкая вышла замуж за Родиона Щедрина: «Когда рядом есть человек, делящий твою горе и радость пополам, жизнь становится улыбчивее, светлее, брезжит надежда. Найдем выход из катакомб, вдвоем – обязательно найдем! <...> Мы были с ним совсем одной масти – рыжей». На следующий год сбылась ее давняя мечта – состоялись первые гастроли на Западе. В странах, в Индии, в Китае Плисецкая бывала, но только признание западной публики давало статус мировой звезды. Ей – 33 года, пора думать о месте в истории. Овации, восторги в прессе, «все хорошо. И все-таки я считала дни. <...> Родион в Москве тоже дни считает». Он зачеркивал каждый прожитый без Майи день: «Вот наша таблица Менделеева! Для нас она ценнее всех минералов мира. <...> в знойном июне, в душном тесном Внуковском аэропорту, во взбудораженной, разгоряченной толпе встречающих нетерпеливо, жадно ищу родное лицо Щедрина. Мы не виделись ровно семьдесят три дня. Целую вечность... Вон он стоит. С гигантским букетом светло-розовых пионов. <...> С того дня терпкий, пьянящий пионовый запах возвращает меня в 1959 год». Они восхищаются друг другом и вдохновляют друг друга. Он зовет ее инопланетянкой, принимая множество ее противо-

собственный стиль, совмещающий изящество и резкость, основанный на четком понимании контрастов, феноменальный артистизм, интеллектуальное постижение каждой партии позволяли Плисецкой быть вне рамок.

Когда балерина начала открывать закулисный мир, твердя в интервью о своей борьбе, зрителям проще было представить, что речь идет о трудной профессии и море завистников. Им казалось, что все равно жизнь у Плисецкой счастливая – грех жаловаться! Однако «сор из избы» она упрямо выносила: «Не хочу, чтобы неведомые мне люди судьбу мою решали. Ошейника не хочу на шее»; «Я сорок лет провела в войне»; «Конечно, жизнь трудная и сложная. Но я меньше всего сил потратила на балет. На борьбу ушли, собственно, все силы»...

Положение дел в Большом ее творчески угнетало – постоянно перелицовывались старые балеты, выводились из репертуара шедевры, «мы десятилетиями сидели на диете», талантливые хореографы не допускались, ставились заведомо слабые вещи, не угрожающие лидерству главного балетмейстера ГАБТ Юрия Григоровича. Он запрещал арти-

стам танцевать в чужих балетах и «консервировал» репертуар только своими. Интриги плелись всегда, не зря же Большой метко называли «террариум единомышленников», народная артистка СССР (это звание Плисецкая получила в 1959 году. – Прим. авт.) конфликтовала с «мини-сталиным», противостояние крепло, и за каждым были высокопоставленные саванники. Плисецкая понимала: «Театр – не церковь. Да и в церкви, наверное, есть свои Яго», но сдаваться не хотела. Григорович сравнил ее с клинком, который со временем становится все крепче...

Он уволил ее в 1990-м. Она продолжала танцевать по всему миру, давала мастер-классы, взялась за мемуары: «Дам вам совет, будущие поколения. Меня послушайте. Не смиряйтесь. Не самого края не смиряйтесь. Не смиряйтесь. Даже тогда – воюйте, отстреливайтесь, в трубы трубите, в барабаны бейте <...> до последнего мига боритесь». В 2008 году после премьеры пьесы «Ave, Maya!», поставленной для нее Морисом Бежаром, испанские газеты писали: «В свои 83 года Майя Михайловна Плисецкая выходит на сцену и озаряет ее своей энергией», «одна из тех, кому удалось победить время».

Композитор
Родион Щедрин
и балерина
Майя Плисецкая.
1984 год

речий, неприспособленность к бытовым заботам, решение не иметь детей, жить для искусства. Муж ездит с ней на гастроли, в кармане его пиджака – губная помада, ведь Майя может потерять. «Щедрин всегда был в тени прожекторов моего шумного успеха. Но, на радость мою, никогда не страдал от этого. Иначе не прожили бы мы безоблачно столь долгие годы вместе». Композитор посвятил супруге четыре балета: «Конька-Горбунка», «Анну Каренину», «Чайку», «Даму с собачкой». А его произведение «Автопортрет» стало в 1992 году балетом «Безумная из Шайо», поставленным для Майи во Франции: «Любовь и искусство – две вещи, ради которых стоит жить».

Каждое время рождает своих художников и героев. Советский балет не скинул с «корабля истории» волшебные сказки и романтизм XIX века с не устаревающими принципами добра и зла. Но если в классических спектаклях артист должен воплощать высокий стиль и традицию, то в современных постановках он зачастую становится первым исполнителем партии, задавая тон на будущее. Плисецкая приветствовала эксперимент, ломала стереотипы, бросая вызов консерватизму в искусстве – все балеты, созданные ею, стали культурным событием. «Я не мечтательна. Я очень большой, стопроцентный реалист, ничем не обольщаюсь», – говорила она.

...Давняя ее мечта о Кармен сбылась. Все сложилось: встреча с кубинским хореографом Альберто Алонсо, решившим показать историю «гибельного противостояния своевольного человека – рожденного природой свободным – тоталитарной системе всеобщего рабства», благословение министра культуры Екатерины Фурцевой, экспрессивная сценография ее двоюродного брата Бориса Мессерера. Она уговаривала написать музыку Шостаковича и Хачатуряна. Но согласился на эксперимент только

Надежда
Ходасевич-Леже,
Екатерина
Фурцева
и Майя
Плисецкая

Щедрин, сделав транскрипцию фрагментов из оперы Бизе – музыка целует музыку, как сказала Белла Ахмадулина. С «Кармен-сюиты» начался театр Плисецкой и Щедрина. Но зал ждал действия в стиле «Дон Кихота», «а тут все серьезно <...> аплодировали больше из вежливости», министр покинула ложу во время одноактного спектакля. Начались баталии в министерстве: «Это большая неудача, товарищи. Сплошная эротика. Это чуждый нам путь. Юбку наденьте. Прикройте, Майя, голые ляжки. Это сцена Большого театра, товарищи. Вы – предательница классического балета! Вы сделали из героини испанского народа женщину легкого поведения!» Плисецкая согласилась на купюры, но услышала приговор министра: «Спектакль жить все равно не будет. Ваша «Кармен-сюита» умрет». «Кармен» умрет тогда, когда умру я!» – ответила балерина.

Майя надолго заболела – стресс привел к потере голоса. Но балет в репертуаре остался, публика его приняла. На гастролях в Лондоне его танцевали без купюр, после чего все вернулось и на советскую сцену. В одном из интервью балерина сказала: «Кармен-сюита» – это арена, бой: люди собирались на корриду, чтобы подчинить Кармен. Моя

жизнь – тоже борьба, коррида Кармен похожа на мою корриду». Она станцевала ее в Большом 132 раза, а по всему миру – около 350 спектаклей! Последний был в 1990-м: «Я до головокружения любила этот балет!..»

Но одновременно с Кармен в ее жизнь вошла другая непокорная и обреченная героиня – Анна Каренина. В 1967 году Александр Зархи снял фильм с музыкой Щедрина, в котором Плисецкая очень хотела сыграть главную роль. Но в итоге предстала в образе великосветской интриганки Бетси Тверской, виртуозно исполнив сложнейшие сцены с великими Татьяной Самойловой и Николаем Гриценко.

Она была убеждена, что загадку толстовских романов может воплотить только искусство танца. Щедрин, по примеру оперы Чайковского «Евгений Онегин», сделал трехактный балет в формате лирических сцен. И в 1972-м, вновь преодолев массу преград, Плисецкая дебютировала в качестве балетмейстера и вышла на сцену в роли Анны, Николай Фадеев – Каренина, Марис Лиела – Вронского. Но Лиела танцевал лишь несколько спектаклей. По мнению балерины, лучшим Вронским годы спустя стал Александр Годунов. Их дуэт получился болезнен-

Г. СОЛОВЬЕВ / ФОТОХРОНИКА ТАСС

обыкновенная, но Чехов – необыкновенный! Этот горестный рассказ об очень большой любви, которая не смогла бы состояться благополучно»...

На нашей балетной сцене, кроме нескольких произведений Пушкина и «Подпоручика Киже» Тынянова, русская классика не ставилась. Плисецкая первой хореографически осмыслила и раскрыла Толстого и Чехова. В день своего 60-летия, 20 ноября 1985 года, она вышла на родную сцену с премьерой «Дамы с собачкой» – в первом отделении. Во втором танцевала «Кармен». Но почему ее привлекали именно такие героини? Снова о том, что жизнь в любви невозможна: «Влюбленные всегда живут в ином измерении. Эта подсказка пришла ко мне от Шагала. Его влюбленные парят в небесах над селениями, городами. У них словно отрастают крылья. А танец сродни полету...» Балерина позировала Шагалу и знала историю его любви. И читала рассказ Чехова как стихи: «...мне мечталось, бредилося танцем передать безграничность чеховских оттенков, <...> подтекст, грусть, таинство и простоту чеховской музыки». Пятирусный двухтысячный зал Большого ликовал, публика забросала юбиляршу цветами. Ее спросили: «Все ли удалось, что вам было отпущено судьбой?» – «Да нет, не все. Но зачем говорить о том, что уже невозможно!»

20 ноября 2015 года в Большом театре вместо празднования 90-летия Плисецкой состоялся вечер ее памяти – 2 мая она ушла. Родион Константинович в царской ложе не сдерживал слез... В книге «Я, Майя Плисецкая...» она написала: «Что вынесла я за прожитую жизнь, какую философию? Самую простую. Простую – как кружка воды, как глоток воздуха. Люди не делятся на классы, расы, государственные системы. Люди делятся на плохих и хороших. На очень хороших и очень плохих. Только так. <...> Плохих во все века было больше, много больше. Хорошие всегда исключение, подарок Неба»... ❧

ным: раненая, загнанная в тупик любовь, а в финале – «все обман, все зло. <...> Крестное знамение. Я валюсь на колени. Протуберанец прожектора паровоза. Уходящие вдаль огни раздавившего меня поезда» – «истаивает в небытии перестук железных колес»...

На премьере «Чайки» в 1980 году побывал Анатолий Эфрос. «Схвачен подлинный стиль чеховской пьесы, ее музыка, ее настроение, та самая «мерихлюндия», какой редко достигает драма. Все купается в меланхолии! – восхищался он. – <...> А в антракте в фойе ходили балетные люди и возмущались: поче-

му Плисецкая не крутит фуэте? А какая-то дама ходила и спрашивала: «Правда, это очень плохо?» И с этим подошла ко мне. А я ей ответил: «Ну почему же плохо? Это очень хорошо!» И сколько таких людей, которые ждут устоявшегося мнения! Но для Плисецкой самым важным признанием стали слова родственников Чехова, живущих в эмиграции и увидевших ее спектакль на гастролях Большого: «Мы как будто побывали в тех временах. В России...» В интервью балерина призналась: «Только сейчас могу этот балет танцевать, лет в 20 я не смогла бы его понять. Женщина –

Сцена из балета «Кармен-сюита», поставленного на музыку Бизе – Щедрина

Майя Плисецкая перед открытием очередного Московского Пасхального фестиваля в Большом зале Консерватории

ЗЕМЛЯ ЗВЕРЕЙ

АВТОР

ВИКТОР ГАВРИКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МОСКОВСКИЙ ЗООПАРК – ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ В ЕВРОПЕ – ОТКРЫЛСЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА. ПЕРЕЖИЛ ВОЙНЫ И НЕПРОСТЫЕ 1980–1990-Е ГОДЫ, КОГДА БЫЛИ ПРОБЛЕМЫ С ПИТАНИЕМ ЖИВОТНЫХ И РАЗВАЛИВАЛИСЬ ТЕХНИЧЕСКИЕ ПОМЕЩЕНИЯ И ВОЛЬЕРЫ. «ЛЯГУШКИ СО ВТОРОГО ЭТАЖА ПАДАЛИ НА ГОЛОВЫ ТИГРОВ НА ПЕРВОМ», – РАССКАЗЫВАЮТ В ЗООПАРКЕ. НО ЗВЕРИ ЭТО МЕСТО КАК БУДТО ЛЮБЯТ: К ПРИМЕРУ, УЖЕ БОЛЕЕ 130 ДЕТЕНЫШЕЙ ПРИНЕСЛИ ЗДЕСЬ КАПРИЗНЫЕ В РАЗВЕДЕНИИ МАНУЛЫ. И ДАЖЕ РОГАТЫЙ КАФРСКИЙ ВОРОН, ПОТОМСТВО ОТ КОТОРОГО ЖДАЛИ В ЕВРОПЕ, ДАЛ ЕГО ЗДЕСЬ – В МОСКОВСКОМ ЗООПАРКЕ.

«Ш

ЕСТЬ ЧАСОВ

утра. Над городом поднимается солнце. Звенит первый трамвай. Улицы еще пустынные и прохладны. Под деревьями лежат длинные тени.

В это время вы еще спите и не видите удивительной жизни в районе Красной Пресни. Здесь уже давно все бодрствует. Зоосад прибирается, чистится, моется. В широкие ворота одна за другой въезжают подводы, нагруженные мешками и металлическими ящиками.

Чего тут только нет! Зерно, мясо, рыба, яйца, фрукты – все, что требуется для хорошего ресторана» – так описал утро Московского зоопарка его сотрудник, заведующий секцией обезьян Михаил Алексеевич Величковский. До революции – московский жандарм, зоолог-любитель и страстный аквариумист.

Работать в зоопарке Величковского пригласил архитектор Карл Гиппиус, строитель дома купцов Бахрушиных и чайного магазина Перловых на Мясницкой. По его проекту около 1902 года был выстроен главный вход в Московский зоопарк. С зоопарком же он связал судьбу после революции, став в 1919 году заведующим его ремонтно-строительной частью. Именно Гиппиус в 1925–1927 годах рас-

планировал присоединенную к зоопарку территорию Морозовского сада, выстроив там «Остров зверей», обезьянник, «Турью горку» и «Полярный мир».

Величковский проработал в зоопарке до пенсии. А после был оклеветан директором зоопарка Леонидом Островским и расстрелян в 1937 году в Бутове. Карл Гиппиус репрессий избежал и умер на второй день Великой Отечественной войны – 23 июня 1941 года. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Во время Великой Отечественной войны, когда на зоопарк падали зажигательные бомбы, сотрудники круглосуточно находились рядом с животными. Кормили, закрывали разбитые окна вольеров принесенными из дома одеялами, а главное, успокаивали своих питомцев, говорили с ними, как с близкими, многие из которых были на фронте или копали окопы на подступах к Москве.

История зоопарка помнит киперов (рабочие по уходу за животными. – Прим. ред.) – супругов Закусилло, которые остались со своими животными, хотя и видели, что в их дом на территории зоопарка попала «зажигалка» и он сгорел.

А животные, несмотря на войну, давали потомство. Например, во время боев за Москву родился бегемот Август.

САД АМОНА

Более 4 тысяч лет назад правители Египта и Месопотамии придумали себе новое развлечение – собирать экзотических животных и разбивать сады. В одном из них, саду Амона, среди декоративных растений в бассейнах содержали рыб и водоплавающих птиц. Примерно в это же время в Китае император Вен Ван основал зоологический парк, который назывался «Линь-Ю» – «Сад разума».

К XVI веку увлечение зверинцами охватило Европу: десятки тысяч животных привозили из экзотических стран. Это было хобби для богатых: наличие диковинных зверей и птиц стало мерилом могущества и процветания. Зверей содержали в тесных, узких клетках, показывали в передвижных зверинцах. К XVIII веку многие виды животных были истреблены.

Только после образования в 1794 году во Франции зверинца *Gardin des Plantes* были запрещены бродячие зверинцы, а мода на «стационарные» перекинулась на другие страны. Они стали возникать как грибы после дождя. 12 февраля 1864 года Императорским русским обществом акклиматизации животных и растений был открыт Московский зоопарк, тогда он назывался зоосадам. Автором проекта и первым директором зоосада был профессор Московского университета Сергей Алексеевич Усов.

Место для строительства зоосада на Пресненских прудах было выбрано неслучайно: зеленая холмистая местность и цветущие сады – любимое место гуляний москвичей. Да и добираться сюда удобнее, чем в район Петровской академии, который был отвергнут только потому, что зоосад – место демократичное. А большинству потенциальных небогатых посетителей доехать сюда было не по карману.

По задумке создателей зоосада должен был стать общедоступным научно-просветительским учреждением, которое бы вело

У бассейна с морскими котиками всегда людно: они так грациозны!

работу по акклиматизации зарубежных породистых животных для улучшения отечественных пород. Для этого в зоосаде проводили выставки, на них российские сельхозпроизводители могли приобрести породистых животных из-за рубежа.

Тогда в вольерах зоосада можно было увидеть 134 экземпляра домашних животных, 153 экземпляра диких зверей и птиц и 7 экземпляров пресмыкающихся. Больше всего было зверей, представляющих российскую фауну: волков, медведей, лисиц, барсуков. Были и хорьки, куницы, зайцы, белки, ежи,

олени, соколы, ястребы, филины, совы, дрофы, журавли, цапли и утки. Но имелись и экзотические животные: две пары львов и тигров, ягуар, леопард, носорог и даже аллигатор.

Первые животные, появившиеся в зоосаде, были переданы в дар. Император Александр II пожаловал индийского слона, великий князь Константин Николаевич – носорога, египетский вице-король Измаил-паша – зебру, Иван Бутаков, командир фрегата «Светлана», совершившего кругосветное плавание, – целую коллекцию животных из Австралии.

Сивуч – большой ушастый тюлень. Занесен в Красную книгу России. В природе его остается все меньше

«ЗООПАРК ОТКРЫТЬ»

В октябре 1941 года хлопотное хозяйство из нескольких тысяч зверей принял Трофим Ермолаевич Бурделёв. Одним из его первых распоряжений после вступления в должность был очень короткий приказ: «Зоопарк открыть. Работа продолжается в обычном порядке». А ведь немцы стояли в нескольких километрах от города.

Трофим Бурделёв – ученый-ветеринар, опыта работы в зоопарках не имел. Но он оказался, как бы сейчас сказали, непревзойденным антикризисным менеджером. Война, нехватка продуктов и топлива, холодные зимы, перебои с электроэнергией, авианалеты. Треть персонала покинула зоопарк, остальные несколько сотен сотрудников работали, что называется, за троих. В условиях военного времени директор должен был посылать людей не только в вольеры, но и на посты ПВО, рытье окопов и курсы выживания при бомбардировке или химической атаке.

Дважды во время авианалетов «зажигалки» и фугасы падали на зоопарк, но дисциплинированный персонал выводил животных из горящих зданий, ко-

торые сразу же после тушения пожаров восстанавливались. Осколки вражеских бомб сотрудники собирали и сдавали на металлолом.

Всю войну зоопарк работал: за пять лет военного лихолетья его посетило около 6 миллионов человек!

Трофим Ермолаевич Бурделёв руководил Московским зоопарком десять лет, а затем вернулся к научной работе. Он – автор учебников по ветеринарному делу, многие из которых пережили несколько изданий и актуальны для будущих Айбольтов и сейчас.

Специалисты занимаются с андским кондором Милкой и надеются, что она принесет потомство

Красотка Сью – одинокая самка тапира, которая положила глаз на жирафа Самсона

МЕСТО СИЛЫ

Зоопарк – это такое абсолютное место силы в самом центре Москвы. Приходишь сюда, покупаешь мороженое и глазеешь по сторонам, улыбаясь от того, что вот там зебра пробежала, а через озеро с утками перебежала по канату и скрылась в березняке большая обезьяна. Приходить сюда нужно рано утром, чтобы услышать, как кричит горилла, увидеть, как выходит на свежий воздух белый медведь, садятся на озеро утки. Зоопарк открывается в семь тридцать.

Со старшим научным сотрудником зоопарка Еленой Мигуновой мы не спеша идем по дорожке. Еще утро, но уже так жарко, что белый медведь Врангель, не реагируя на зрителей, сидит на бетонном полу вольера, низко опустив голову и обхватив ее лапами. Чуть поодаль самка Симона лежит, распластавшись, как огромный пушистый ковер. «Вообще-то у белых медведей есть специальная снеговая пушка. Но именно сегодня, когда снег нужнее всего, она сломалась», – говорит Елена. В зоопарке живет еще одна белая медведица – Мурма. Но она содержится отдельно, и подсают ее к Врангелю только в период размножения. Не ладят они в

быту. А вот с Симоной – образцовый медвежий брак и 15 медвежат. У Мурмы пока только 10. Она, как и Врангель, с берегов Баренцева моря. А Симона родилась в Ленинградском зоопарке. В прошлом году у Врангеля и Симоны появились два медвежонка, которые уже изрядно выросли, но до сих пор требуют, чтобы мама кормила их молоком.

«Зоопарк в моей жизни с детства. Я каждую дорожку помню. Меня водили сюда раза два-три в год обязательно. Потом мы стали жить минутах в пятнадцать отсюда, и встречи с ним стали происходить чаще, – рассказывает Елена. – Всю жизнь дома были животные, но о карьере биолога не думала, разрываясь между увлечениями иностранными языками и театром. Выбирала между ГИТИСом и филологическим факультетом МГУ. В итоге решила, как и мама, стать врачом и поехала подавать документы во 2-й медицинский институт (ныне Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова. – **Прим. авт.**). Пришла – и мне там сразу не понравилось. Рядом – главный корпус пединститута. Посмотрела, а там есть специ-

У Врангеля и Симоны появились два медвежонка, которые уже изрядно выросли, но до сих пор требуют, чтобы мама кормила их молоком

альность «Преподавание биологии на иностранном языке», и я, не раздумывая, подала документы. А после защиты кандидатской диссертации вышла на работу сюда».

Московский зоопарк, как и все крупные зоопарки мира, меняется вместе со временем. Сначала это был музей диких животных из живой природы, которые изучали ученые. С середины XX века – образовательный центр. «Потому изучать биологию в зоопарке – правильно», – говорит Елена Мигунова. Но прошло совсем немного времени, и зоопарк стал природо-

охранным и просветительским центром. «Сейчас недостаточно сказать о том, что у жирафа и людей одинаковое количество позвонков и что сова может крутить головой на 270 градусов. Если при этом мы не говорим о том, что будущее природы висит на волоске и что можно сделать, чтобы затормозить негативные процессы, то зоопарк – не зоопарк. Мы стараемся, чтобы те, кто в наши руки «попал», вышли с немного измененным сознанием: «Я тоже часть природы, звери чем-то похожи на меня. Мы все живем на одной планете».

В дневное время львы преимущественно отдыхают в тени вольера, а вечером выходят на «охоту»

Большой пруд – гордость зоопарка. Он не изменился с 1864 года. Здесь живет более тысячи птиц. Не считая залетных

РЫЖЕЕ ОЗЕРО

Можно не застать в вольере бодрствующую лису или леопарда, разминуться с бурой медведицей Розочкой, но птицы на Большом Пресненском пруду будут всегда. Эти пруды, Большой и Малый, с немного изменившимися берегами сохранились с 1864 года – с тех пор, когда был открыт Московский зоопарк. Пруды – одно из мемориальных мест зоопарка.

Когда-то их было четыре, и плотинкой они соединялись с речкой Пресней. В 1908 году Нижний и Средний были спущены, речка заключена в коллектор, а на ее месте был построен стадион «Красная Пресня». От прудов остался только знаменитый Горбатый мост, который пруды соединял.

Сколько здесь собирается в точности птиц, сосчитать никто не берется. Официально – около тысячи, а сколько на самом деле – никто не знает. Гомон такой, что кажется, будто находишься не в центре Москвы, а в Волжской пойме в районе Астраханского заповедника. Живут здесь несколько видов дальневосточных гусей, есть канадские казарки и лебеди-шипуну, розовые и красные фламинго. Но особую славу прудам снискали гоголи и обык-

новенные огари, которые в Москве никогда не водились.

Гоголям не стали подрезать крылья, потому что гнезда они выют в дуплах деревьев. Вот и получилось, что в зоопарке они выводят потомство, а потом улетаю зимовать в Китай. Ну а весной возвращаются назад.

Самсон – единственный в мире жираф, у которого есть страничка в «Википедии»

Огарей привезли из экспедиции в 1920-х годах. Они прижились и стали хорошо размножаться. Сначала им подрезали крылья, а потом, когда птицы прижились, делать это перестали. «Птицы разлетелись по всей Москве и очень успешно размножились», – объясняет Елена Мигунова. К счастью, они отлично вписались в экосистему Москвы, не вытеснив из нее других водоплавающих. «Так что все огари, которых видят люди на других прудах Москвы, потомки наших, зоопарковских», – с гордостью говорит она.

Зимой же, когда все московские водоемы покрываются льдом, а в зоопарке есть и корм, и большая прорубь, сюда слетаются утки со всей столицы. Особенно много огарей. И озеро, особенно в солнечный день, от их оперения становится рыжим.

Есть в зоопарке и пеликаны. Но они живут в отдельном пруду, потому что не соблюдают границ чужих гнездовий.

ФИЛОСОФ САМСОН

Жара сморила гривастого волка, прикорнувшего под деревом. Енотовидные собаки спали, повернувшись к посетителям пушистыми задками, дальневосточный снежный барс порывался из тени. Лиса так и не вышла, рыси тоже. И только живой символ зоопарка – 20-летний Самсон Гамлетович Ленинградов – вышел на фотосессию к нашему фотографу. Он, наверное, единственный в мире жираф, у которого есть не только имя, отчество и фамилия, но и страничка в «Википедии». Он родился в Ленинграде в 1993 году, отсюда Ленинградов. Его отец – сетчатый жираф Гамлет из Дании. Вот и отчество. Уже пятнадцать лет он живет в самом старом зоопарковском вольере, построенном в 1892 году. Его рост – 5 метров, вес – 700 килограммов. Работает с ним все эти годы один и тот же кипер – Сергей Григорьевич Гроздов, бывший инженер-электронщик.

Елена Мигунова рассказала, что Самсон любит людей и может ходить за понравившимся чело-

веком вдоль клетки. За фотографом Александром Бурым он ходил как заговоренный. Самсон – меланхоличный одинокий философ. Как и его соседка напротив – бальзаковского возраста тапир по кличке Красотка Сью. И похоже, она имеет на Самсона виды, потому что метит пространство прямо перед сеткой его клетки, привлекая внимание жирафа. Ее герой, тапир Мистер Пэн, недавно умер, и она тоже осталась одна. Говорят, Мистера Пэна сильно ударил подвыпивший гражданин, каким-то образом умудрившийся оказаться в вольере.

Самсон сейчас – живой символ Московского зоопарка. Это звание ему передал миссисипский аллигатор Сатурн, который приехал в Москву из Германии в 1946 году уже взрослой особью. И вот только недавно переехал в Дарвиновский музей работать чучелом. По подсчетам специалистов, он прожил от 80 до 100 лет.

ОДНОГЛАЗАЯ МИЛДРЕД И КУЗЯ ТРЕТИЙ

Напротив Самсона сквозь клетку протягивает огромный крючковатый клюв андский кондор Милдред, которую киперы ласково зовут Милкой. У нее нет одного глаза, но она действительно мила, и кажется, что все время улыбается и подмигивает. Андский кондор – самая большая птица: размах крыльев до 280 сантиметров, вес до 15 килограммов. Она занесена в Международную Красную книгу со статусом исчезающего вида. У Милки есть проблема: она считает себя человеком, а должна стать женой старожилки зоопарка – андского кондора Кузи Третьего. Пока при попытках Кузи познакомиться она сильно гоняет его по вольеру.

Дело в том, что в неволе эти грандиозные птицы не воспитывают своих птенцов. Их забирает человек. От этого все рожденные таким образом андские кондоры страдают нарушенным половым поведением и не воспринимают особей своего вида

Зебра Грави из Африки освоилась в московском климате и гуляет даже при минус 30 градусах

как половых партнеров. Пока специалисты не сдаются: они занимаются с Милкой и надеются, что она принесет потомство от Кузи.

Кузя в самом расцвете сил: ему около 40 лет и он прибыл из Аргентины 26 июля 1985 года. «По традиции все кондоры в

зоопарке – Кузи. Первого привезли в зоопарк в 1893 году, он прожил около 70 лет. Судьба второго неизвестна. Но то, что нынешний Кузя – третий, совершенно точно», – говорит Елена Мигунова, пока мы наблюдаем за тем, как Милку сначала загоняют в тесную клетку, потом клетку трясут, имитируя перевозку по дороге, а затем угощают перепелами.

Кузя приехал из Аргентины со своей подружкой, которая отложила яйцо. Родился птенец, назвали Тamarкой. Но самка Кузи погибла, и он остался один. Дело в том, что кондоры создают устойчивые пары. Случится ли чудо и совет ли Кузя гнездо с Милкой – покажет время.

Красные, кубинские, фламинго в Московском зоопарке содержатся вместе с розовыми, азиатскими, на Большом пруду

ФРИНА, АМА И ЗАХАР

Самыми смешными мы почему-то считаем обезьян. «Мама, а где обезьянки? Пошли скорее посмотрим, что они делают!» – тянет маму за руку карапуз лет трех-четырех. Наблюдаю за шимпанзе: ну всё как в офисе! Кто-то чешет затылок, кто-то смотрит в окно, кто-то прихорашивается. А вот и «помощник начальника» выискивает кристаллики соли на спине этого самого «начальника». Тот от удовольствия прикрывает глаза.

Посетители улюлюкают и делают селфи, обезьяны грустно смотрят в камеру: жарко им, да и мы, люди, наверное, сильно надоели.

С обезьянами связано несколько историй, случившихся в разное время в зоопарке.

14 июля 1927 года с Суматры прибыл ценный груз – семья орангутанов: папа, мама и детеныш. Причем грузили на паром самца и беременную самку. Малыш появился во время долгого перехода из Индонезии в Советский Союз. Через две недели самка умерла. Отец заботиться о малыше отказался. В зоо-

парке тогда случилась легкая паника: это были первые орангутаны, появившиеся в Москве. Об их привычках и поведении никто из сотрудников не знал. Да и пол малыша определить не могли. В итоге решили, что это самец, и назвали Фрицем. И только через несколько лет стало понятно, что это Фрина. Выхаживать 4-месячного детеныша пришлось Михаилу Величковскому. «В первый раз брал Фрица на руки. Дался со страхом, попискивал, сидел не совсем спокойно и удирал», – писал он в своем дневнике. И далее: «Взвешивал Фрица –

Звезды зоопарка – обезьяны: они всегда готовы стать героями пары отличных фотографий

8 фунтов. Иногда мне приходится просиживать у клетки часами, чтобы добиться того, чтобы он проглотил хотя бы минимальное количество пищи... То же с яйцом: то ему нравится сырое, то слегка подваренное... Надо ему предлагать 10–20 раз на день, и каждый раз он либо не ел совсем, либо брал в рот кусочек».

Обезьяну он не только выходил, но и дал ей воспитание: она научилась есть с платком на шее и после еды вытирать им рот. Это сделало ее популярным зверем и даже звездой советского экрана. Роль для Фрины в сценарии фильма «Ребята и зверята» написала детский писатель-анималист Вера Чаплина. Сыграла Фрина блестяще. В 1937 году Величковский был арестован. Без него Фрина прожила не более года – умерла в 1938 году.

История гориллы Амы – сказка со счастливым концом. Она родилась в сентябре 2013 года. А уже через два месяца мама, 14-летняя Шинда, от нее отказалась: бросила ее на пол и не подходила, несмотря на громкие крики детеныша. В природе брошенные гориллы не выживают. Весь первый год сотрудники носили Аму на себе, играли с ней, кормили и при-

Винторогие козлы из Красной книги. Живут в горах Индии, Пакистана и Афганистана. В Московском зоопарке с 1990 года

учали к гигиене. Ввели себя почти как горилла: без сюсюканья и излишней человеческой заботливости. Постепенно Ама окрепла, и ее отправили в общую группу. Там случилось несчастье: старший самец Визури травмировал ей руку так сильно, что ее пришлось удалить. Но к удивлению киперов и ветеринаров, Ама быстро приспособилась и не испытывала видимых неудобств в играх и передвижении по канатам. Сейчас Аме почти 8 лет. Она отвоевала свое место в группе. У нее появился друг Бен, с которым она любит играть.

Красавцем и доминантным самцом стал тоже брошенный детеныш гориллы Захар. Сотрудники выхаживали его почти год, а нерадивая мамаша лишь безучастно наблюдала за процессом через сетку. Но наступил такой момент, когда она захотела снова воспитывать подростка. Теперь Захар – звезда одного из европейских зоопарков.

ПРИМАТ СРЕДИ ПАУКОВ

Московский зоопарк – один из немногих в мире, где есть отдел энтомологии и инсектарий, в котором содержится около 180 видов наземных и пресноводных беспозвоночных.

Сброшенная кожа пауков-птицеедов стала почти новогодним украшением инсектария

Пеликанов в зоопарке много, и живут они в отдельном водоеме

Первый инсектарий в Московском зоопарке появился еще в 1878 году по инициативе лаборанта зоопарка, ассистента Зоологического музея МГУ Н.В. Насонова. С 1925 по 1936 год здесь существовал второй – «Педагогический инсектарий». И с 1999 года – третий.

Посмотреть на особенно ярких представителей паукообразных нам удалось на выставке «Инсектопия», которая с 2000 года работает в зоопарке. Место не для слабаков: кругом скорпионы и огромные пауки-птицееды. Но, как оказалось, они – лишь красивая витрина всего

паучьего царства. А вот ум – за небольшими и невзрачными пауками-скакунчиками. Всего-то 2 сантиметра ростом, но прыгают не просто так. Как рассказывает Михаил Березин, заведующий отделом энтомологии, именно эти крохи – настоящие гении. Они обладают если не интеллектом, то ясным умом и хорошей памятью.

Михаил поясняет, что посетителям больше всего нравятся большие и мохнатые птицееды и киношные скорпионы, а сам он отдает предпочтение тем самым скакунчикам. «Их поведение сильно отличается от пове-

дения большинства пауков. Они очень активны и имеют массу способов охоты, отлично ориентируются в пространстве. И считаются чуть ли не приматами в мире пауков», – увлеченно рассказывает он. Считается, что по уровню развития они занимают самую верхнюю ступень среди паукообразных. «Еще бы! Они способны анализировать обстановку, определять цвета, помнить то, что они видели какое-то время назад, и даже охотиться разными способами», – утверждает он.

Михаил работает в зоопарке уже два десятка лет. Пришел после

окончания аспирантуры биофака МГУ и Тимирязевской академии. «Прихожу на работу как к себе домой», – говорит он. В работе его привлекает возможность показать людям большое разнообразие беспозвоночных, которых никто толком не видит. Михаил надеется отучить людей от арахнофобии, то есть от боязни пауков. «Кроме тараканов на кухне или паука, который попал в поле зрения, ничего про них неизвестно. В прошлом году были статьи, что каракурты завелись в московских квартирах. Ну какие каракурты? Так, немного похожи», – горячится

Посетителям больше всего нравятся большие и мохнатые птицеведы и киношные скорпионы

Потешные сурикаты всегда в центре внимания посетителей. Эти обаятельные существа неизменно вызывают улыбку

он. Говорит, с нами по соседству живут десятки видов пауков, но мы их не видим, потому что живут они тихо. «Убивать их нельзя. Говорят, увидел паука – к деньгам», – напоминает Михаил.

Среди африканских скорпионов и телифонов чувствуешь себя как герой блокбастера «Мумия», которого вот-вот сожрут полчища этих тварей. «Пауков бояться не следует, только соблюдать осторожность. Паук – хищник и всегда им остается. Они сами не нападают, но умеют защищаться: телифоны, например, выплевывают струю концентрированной уксусной кислоты, что опасно для глаз. Скорпионы жалят. Их яд опасен, но не смертелен. Живут они несколько лет», – рассказывает Михаил.

В зале с птицеведами – полумрак и террариумы разной величины. Почти что в каждом – паучья шкура. Это либо самка кожу сменила, либо съела самца. «Самка живет от 15 до 30 лет. Жизнь самцов значительно короче. Самки и по размерам крупнее, и в некоторых случаях поедают самцов. Получается, эти паукообразные живут в эпоху матриархата», – объясняет Михаил.

«По-своему они, конечно, красивые. Но вот таракана ни за что бы в руки не взял», – говорю я. И в ответ слышу сразу несколько голосов в защиту тараканов: да лучше мадагаскарских ничего нет! Или: они же добрые, как котят! Представил таракана с глазами рыжего кота из мультфильма про Шрека. Ужаснулся...

В 1965 году в Венесуэле нашли паука *Theraphosa blondi* с размахом лап в 28 сантиметров и весом 180 граммов. Этот рекорд зафиксирован в Книге рекордов Гиннеса. Казалось бы, паук самое спокойное и неэмоциональное существо. Ан нет, оказалось, что эти небольшие и грозные на вид животные подвержены стрессу, могут даже от него погибнуть. Поэтому в инсектарии говорят вполголоса и не делают резких движений.

ЗВЕРИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Два огромных вольера площадью 800 квадратных метров с кондиционером и очистителем воздуха заняли большие панды – Жуи и Диндин. Интрига в том, что они практически одновременно прибыли из Китая и были переданы на содержание в зоопарк лично лидерами России и КНР. После месячного карантина выпущены в вольеры. Но до момента знакомства они друг друга не увидят, а только чувствуют присутствие: несколько раз в месяц их меняют клетками и дают играть одними и теми же игрушками.

Жуи 5 лет. Он весит 120 килограммов и похож на большую игрушку. Веселый. Он даже из процесса поедания бамбука устраивает грандиозное шоу с кувычками через голову и уморительными ужимками. Диндин на год моложе. Она меланхолична и сдержанна. Немуद्रено, что публика в основном толпится у половины весельчака Жуи.

Когда смотришь на этих плюшевых животных, трудно поверить, что они – хищники, которые также питаются бамбуком, съедая его по 30 килограммов. В день. Такая вот диета. Бамбук, который привозят из Китая, пища грубая. Но пищевод и желудок надежно защищены от щепок. А для того, чтобы стебли бамбука было удобнее держать в лапах, есть шестой, фальшивый палец. Им удобно захватывать тонкие побеги.

Панды есть в 18 зоопарках мира, в том числе в США, Японии, Голландии, Германии. Но ни одна из панд не принадлежит зоопарку, в котором содержится. Все они, около 2 тысяч особей, являются собственностью Китая. Это эндемик страны, часть ее неповторимой и древней культуры. Все они передаются на содержание в иностранные зоопарки в рамках программы по сохранению, защите и исследованию большой панды. Есть даже такое выражение: «панда-дипломатия».

И «наши» панды вернутся в Китай через пятнадцать лет. Зоологи надеются, что они дадут

Дальневосточный леопард Мизер – один из нескольких в Московском зоопарке.

Остальные живут в зоопитомнике по разведению редких видов и успешно там размножаются

Семейка кошачьих лемуров: Фунтик, Мира, Бэлла и два малыша, родившиеся в зоопарке в прошлом году

потомство, которое, по межгосударственному договору, по достижении 4 лет тоже отправится домой – в КНР. Это уже не первые панды в столице. В 1957 году в дар Москве был передан Пинь-Пинь, а затем еще четыре животных.

Сейчас с Жуи и Диндин занимаются зоопсихологи: готовят их к встрече друг с другом и обучают системе знаков, каждый из которых связан с тем или иным действием. Это нужно для того, чтобы лишний раз не давать им снотворное перед какой-либо медицинской процедурой или избежать излишнего волнения во время перевозки. Елена Мигунова говорит, что панды умны и сообразительны, идут на контакт и хорошо обучаются. И сколько же радости они дарят посетителям!

МИР СПАСЕННЫХ ЗВЕРЕЙ

Сейчас в Московском зоопарке более 8 тысяч животных, принадлежащих к 1000 видов и подвидов. Почти все они рождены в неволе либо найдены в дикой природе с травмами, несовместимыми с возвращением в нее. Есть звери, которых нужно не только подготовить к возвращению в дикий мир, но и проследить за адаптацией в нем.

Так, сотрудники зоопарка помогают проекту по заселению в предгорья Кавказа переднеазиатского леопарда – коренного жителя этих мест, уничтоженного охотниками почти полностью. В природу были выпущены четыре леопарда: один погиб, два других пока видны со спутников, а вот еще один потерялся. Зоологи верят, что он перешел через горы и оказался вне доступа спутниковых систем.

Московский и Казанский зоопарки, как и еще 340 зоопарков из 41 страны, объединены в Европейскую ассоциацию зоопарков и аквариумов (EAZA), цель которой – сохранение исчезающих видов и просветительская деятельность. За состоянием здоровья животного и кучей других параметров круглосуточно следит электронная система ZIMS.

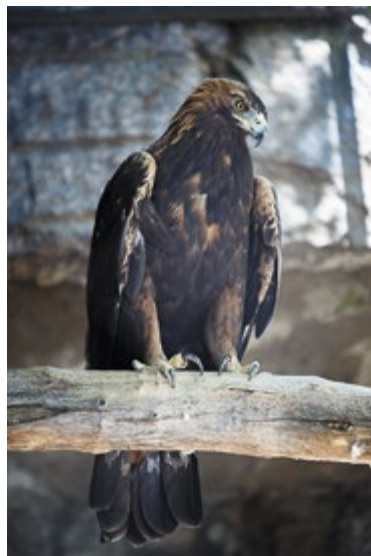
«Система знает все о более чем 10 миллионах животных из 1100 зоопарков и аквариумов из 96 стран. С помощью этой системы находят пары животным для продолжения рода. Смотрите сами», – демонстрирует систему Любовь Курилович, ведущий методист Московского зоопарка и локальный администратор ZIMS.

В этом году, например, пополнение у гривастых волков и кустарниковых собачек. Но особенно гордятся в зоопарке тем, что уже третий год подряд приносит потомство африканский рогатый кабрский ворон. На самом деле он не ворон, а родственник птицы-носорога. У птиц шикарные длинные ресницы. А крик способен поднять на ноги и мертвого. Они контактные и даже предлагают посетителям пищу из своего рациона. Только к 7 годам они становятся способными к размножению. В дикой природе у них мало перспектив, а в Московском зоопарке они третий год подряд приносят потомство.

Любовь Курилович рассказала, что главным направлением развития зоопарков последних лет стала работа по улучшению благополучия животных. «Научные

сотрудники вместе с зоотехниками и киперами придумывают много прикладных вещей, которые помогают нашим питомцам. Например, придумали новый способ обогащения кормового поведения: тиграм дают не просто мясо, а заворачивают его в холщовый мешок и прячут. Чтобы утолить голод, нужно приложить массу усилий», – рассказывает она.

Красным пандам сделали специальные тренажеры, приматам еду тоже не просто выкладывают, а несут в картонном ящике или разбрасывают зерна по соломенной подстилке,

Панды Жуи и Диндин приехали из Китая. И были переданы в зоопарк лично лидерами России и КНР на пятнадцать лет. Потом уедут домой

чтобы искали. Любимицу посетителей, бурую медведицу Розочку, отучили кланчить еду у посетителей, сделав длительным квестом поиск еды, которую сотрудники прячут в разные места вольера.

В основном тренинги проводят с крупными животными – слонами, пандами, медведями, ведь для них каждое приближение человека стресс. «В процессе тренингов они учатся спокойно переносить манипуляции: взвешивание, например. Птиц приходится запереть в клетки. А панды, например, сами забираются на весы», – смеется Любовь Курилович.

Мир изменился, животных в нем осталось слишком мало для того, чтобы забирать их из природы. «Мы забираем только два попавших в беду: у нас это два дальневосточных леопарда, два тигра и белые медведи. Все они уже не смогут вернуться в природу, – с сожалением отмечает Любовь Курилович. – Животным предстоит пройти долгий путь адаптации к помещению, людям, кормам. Сотрудники с большим усердием и вниманием «ведут» таких зверей». Мы, посетители, тоже можем помочь. Как? Просто приходить в зоопарк. **6**

Беркуты живут в отдельном вольере. Сотрудники надеются на то, что они смогут произвести потомство. Остальные хищные птицы содержатся на скале хищных птиц

Хищный тираннозавровый динозавр
тарбозавр (*Tarbosaurus bataar*)
из местонахождения Нэмэгт
в Южной Монголии.
Возраст: поздний мел, 70 миллионов лет

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ С МАЛЕНЬКОЙ КОСТОЧКОЙ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПРИВЫКНУВ ИМЕТЬ ДЕЛО С ПРОМЕЖУТКАМИ ВРЕМЕНИ В СОТНИ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ, ПАЛЕОНТОЛОГИ ПРИХОДЯТ К ВЫВОДАМ, ДОСТОЙНЫМ ФИЛОСОФОВ. НАПРИМЕР, НИЧТО НЕ ВЕЧНО, НО ВСЕ ПОВТОРЯЕТСЯ. КАЖУЩЕЕСЯ НЕЗЫБЛЕМЫМ ИМЕЕТ ИЗЪЯНЫ, А ВЧЕРАШНЯЯ СЛАБОСТЬ СПОСОБНА ОБЕРНУТЬСЯ ПРЕИМУЩЕСТВОМ. ПОДОБНЫЙ ВЗГЛЯД СТАНОВИТСЯ ПОНЯТЕН ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ СКЕЛЕТ ПСИТТАКОЗАВРА ВЫЗЫВАЕТ У ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ НЕ МЕНЬШЕ ВОПРОСОВ, ЧЕМ ПОЛОТНА МАЛЕВИЧА – У ГОСТЕЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИМ МУЗЕЕМ Александр Карху ведет меня по залу с гостеприимством хозяина, предвкусывающего открытия, которые сделает гость. Главные сокровища этого похожего на крепость здания из красного кирпича впереди. Пока же мы разбираемся, зачем нужна наука о далеком прошлом. «Палеонтология может подсказать современному человеку, что нас ждет» – так Александр Карху отвечает на вопрос, который, похоже, задает каждый попавший в пространство, населенное призраками существ, вымерших миллионы лет назад.

«Оруэлл говорил, – вступает в разговор мой второй спутник, старший научный сотрудник Палеонтологического института Кирилл Еськов, – кто контролирует прошлое, контролирует будущее».

Палеонтология дает представление о том, как развивалась жизнь на Земле. На протяжении последней пары веков эти взгляды сильно менялись. Палеонтологические находки – детали гигантского пазла, которые заполняют пустоты, зияющие в нашем знании о прошлом планеты. Точки отсчета, которые позволяют корректировать эволюционную траекторию отдельных групп и биосферы в целом.

Строго говоря, палеонтологи занимаются не столько поиском ископаемых животных и растений. Восстановить форму органики, отделенной от нас такой пеленой времени, немислимо, если бы живое тело не замещалось мертвой породой – не окаменевало. И не оставляло следы. Вот эти окаменелости и «следы жизнедеятельности организмов», как и хранимые средой «ископаемые объекты», являются предметом исследований палеонтологов. Ученые предполагают, что найденные ими окаменелости позволят восстановить формы, строение и образ жизни организмов, когда-то населявших Землю.

Здание Палеонтологического института
им. А.А. Борисяка Российской академии наук
и Палеонтологического музея им. Ю.А. Орлова

СТРОКА В ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Следы жизнедеятельности обитателей нашей планеты, биохимические изменения в слоях складываются в строки палеонтологической летописи. Палеонтологическая летопись – не метафора, а вполне научный термин, объясняет Кирилл Еськов: «Как и все летописи, она не полна. Летописей мало, большинство из них погибло, их авторы видят не всё, лгут в угоду тем или иным соображениям. Но из этого не следует, что летописями нельзя пользоваться как источниками». Так же обстоят дела и с палеонтологическими летописями. В истории есть специальный раздел – «критика источников», который соотносит разные источники и, сравнивая их, получает более или менее согласованную картину современности. Нечто подобное есть и в палеонтологии – тафономия. Она изучает закономерности процессов захоронения и образования местонахождений ископаемых остатков.

Основоположником тафономии, много сделавшим для ее превращения в стройную дисциплину, является советский палеонтолог Иван Антонович Ефремов. Больше известный широкой публике как писатель-фантаст, автор «Туманности Андромеды» и «Лезвия бритвы», Ефремов прежде всего был крупным ученым. И свою Сталинскую премию получил как раз за монографию по тафономии. Этой науке – гордости российской палеонтологии – посвящена первая витрина музея, стоящая в вестибюле, перед входом в экспозицию.

ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ

«Этому мягкотелому примерно 555 миллионов лет. – Продолжая экскурсию, Александр Карху показывает на темную лепешку, выделяющуюся на светлом фоне породы. – Пятно – след, который бесскелетные организмы оставили на бактериальной пленке, покрывавшей поверхность дна

Скопление раковин раннемеловых аммонитов дешаезитесов (*Deshayesites*) и аконецерасов (*Aconeceras*)

древнего океана. Доисторические существа, передвигаясь, постепенно выедали ее». Мы тем временем идем по залу докембрия и раннего палеозоя, который посвящен самым ранним этапам развития жизни на Земле. Все обитатели планеты были бесскелетными, пока 542–530 миллионов лет назад не произошел «кембрийский взрыв». Так называют очень короткий по меркам палеонтологии этап в эволюции жизни на Земле (примерно 15 миллионов лет), когда массово, взрывообразно появляются губки, моллюски, игло-

кожие, членистоногие, предки позвоночных – то есть почти все известные организмы, у которых есть скелет. Ученые продолжают исследовать внезапное появление на границе докембрия и кембрия такой разнообразной фауны.

«Процесс познания прошлого нашей планеты не прекратится, пока существует Земля и люди», – продолжает объяснять значение невзрачных драгоценных камней Александр Карху. Эпоха Великих географических открытий на земле прошла, а вместе с ней прошел и последовавший затем золотой век классической зоологии, классической ботаники. Все в основном найдено и описано. Пока это не так в отношении некоторых групп микроорганизмов, грибов, беспозвоночных и глубоководных морских организмов. И тем более не так в отношении палеонтологии.

«Открытия в палеонтологии не прекратятся, потому что в принципе невозможно обследовать все окаменелости, хранящиеся в недрах Земли, и все их изучить», – со скрытым азартом путешественника, знающего о существовании неис-

Скульптурный портрет Ивана Антоновича Ефремова. Скульптор А.И. Григорьев

следованных земель, заключает Александр Карху.

Пока я рассматриваю в витринах морских лилий, брахиопод, мшанок, трилобитов и прочих обитателей раннепалеозойских морей, мои спутники продолжают рассказ об исследованиях позднего докембрия, так называемого вендского периода – области палеонтологии, где открытия российских ученых особенно значимы.

Известным исследователем фауны этого периода был советский ученый Борис Сергеевич Соколов. В 1952 году он впервые выде-

лил вендскую систему – позднейший комплекс докембрийских осадочных пород. Мягкотелые организмы позднего докембрия получили название «вендобиионты». Подобных остатков сохранилось крайне мало. Сейчас известно немало остатков вендобиионтов из Австралии, Намибии, Канады. Лучшие по сохранности находят в России, на берегу Белого моря. Для современных ученых мягкотелые представляют немало загадок, главная из которых – являются ли эти организмы прародителями современных живых существ?

Зал позднего палеозоя

СКУТОЗАВРАМ ТЕСНО В МУЗЕЙНОМ ФЛИГЕЛЕ

Начав с раннего палеозоя, мы продолжаем прогулку по залу палеозоя позднего, в исследовании которого, как оказывается, российские палеонтологи тоже оставили заметный след. «Палеонтология – наука специфическая, – замечает Кирилл Еськов. – В международном разделении рынка научного труда специализацию национальной школы определяет случай. Кому какие отложения в наследство достались, тот их и изучает. Кому морские, кому континентальные, кому мезозой, кому кайнозой».

В России, например, плохо с динозаврами. Континентальных отложений соответствующего возраста и выходящих на поверхность у нас мало, поэтому конкурировать по части захоронений динозавров с Северной Америкой, Китаем или Монголией мы не можем. Но если с динозаврами у нас плохо, то хорошо с рептилиями пермского периода.

По залу позднего палеозоя бредет стадо 3-метровых скутозавров – «щекастых ящеров» полатыни. Замерли на подиумах

Раковина аммонита аммонитоцераса (*Ammonitaceras*) с реки Белой, Северный Кавказ. Возраст: ранний мел, 95 миллионов лет

хищные иностранцев и с громадными клыками и прочие позднепермские зверозубые рептилии – наши очень далекие прапредки, от которых впоследствии произойдут млекопитающие. Собственно, с экспозиции пермских ящеров и началась «позвоночная» часть музея.

Свои истоки Палеонтологический музей берет в знаменитой Кунсткамере. Она была образована в 1714 году, а уже в 1718-м вышел указ Петра I о «принесе найденных необыкновенных вещей» и большом вознаграждении тем, кто их доставит. К необыкновенным вещам указ относил в том числе найденные в земле «каменья необыкновенные, кости человеческия или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным». Этот петровский указ можно считать началом целенаправленного сбора палеонтологических коллекций в России.

Со второй половины XVIII века идет бурное освоение Сибири, поиск полезных ископаемых и одновременно пополняется коллекция палеонтологических

Экспозиция со скutoзаврами в зале позднего палеозоя

находок, сопутствующих геологическим изысканиям. Первые образцы палеонтологической коллекции Кунсткамеры из медистых песчаников Предуралья до сих пор можно найти в витрине московского музея. Коллекция «костей скотских» Минерального кабинета постепенно расширяется за счет экспедиций, которые организует Императорская академия наук и Русское географическое общество. В 1835 году естественно-научные коллекции переезжают из основного здания Кунсткамеры в Музейный флигель. На

следующий год после переезда Минеральный кабинет Кунсткамеры преобразован в самостоятельный Минералогический музей. Геологическим музеем имени Петра Великого он стал называться только с 1898 года. А в конце XIX века в российской палеонтологии происходит знаменательное событие: выдающийся отечественный палеонтолог Владимир Прохорович Амалицкий снаряжает экспедицию на Русский Север. В 1908 году собранный Амалицким материал оказался в распоряжении музея. Он был столь

Кладка яиц утконосного динозавра из позднего мела Монголии

Японский мечехвост (*Tachypleus tridentatus*) – один из четырех современных видов мечехвостов, морских хелицеровых, расцвет которых длился более 200 миллионов лет, с середины палеозоя до начала мезозоя

ДИНОЗАВР С КЛЮВОМ ЧЕРЕПАХИ

В зале кайнозоя тянется к невидимым веткам с молодой зеленью мощный представитель семейства халикотериев – бориссякия, напоминающая лошадь с медвежьими когтями. Она получила свое название по имени выдающегося отечественного палеонтолога, первого директора Палеонтологического института, Алексея Алексеевича Борисяка.

За стеклом витрины в уже знакомом нам зале позднего палеозоя – необычные летающие рептилии. Тогда животные только начали осваивать воздух. Лонгисквама и шаровиптерикс сделали это разными способами, попробовав две формы полета – парашютирование и планирование. Шаровиптерикс, например, является единственным известным планирующим животным с летательной перепонкой на задних, а не только на передних лапах. Свое родовое название он получил в честь российского палеонтолога Александра Григорьевича Шарова, нашедшего его остатки. Скол камня на витрине идеально сохранил отпечаток ископаемого.

Почти весь зал нижнего этажа занимает 26-метровый диплодок – слепок скелета животного, подаренный в 1910 году американским бизнесменом Эндрю Карнеги императору Николаю II. Но, как выясняется, даже диплодок – не самое крупное существо в этом зале. Александр Карху показывает гигантский скелет ноги. «Это завролофус ангиустирострис – утконосый динозавр завролоф», – с уважением говорит он. Судя по скелету, обладатель ноги был примерно на четверть крупнее другого завролофа, чей полный смонтированный скелет стоит рядом. В свое время планировалось смонтировать весь скелет, а не только ногу ископаемого гиганта, и одна из башен нового здания музея даже получила название «Башня завролофа». К сожалению, эти планы не осуществи-

богат, что требовал отдельного исследования – и самостоятельного выставочного пространства. Так в Геологическом музее возник остеологический, то есть «скелетный», отдел. Он работал настолько успешно, что постепенно стал основой для самостоятельного музея. Какое же научное открытие совершил Владимир Амалицкий? В процессе развития земной коры в европейской части России от Архангельской области до Южного Предуралья сформировалась область так называемых пермских отложений. В палеонтологии принято называть исторические периоды по их эталонному разрезу. То есть такому выходу породы на поверхность, который дает исчерпывающее представление об ископаемых остатках того или иного этапа в развитии биосферы Земли. Известны оксфордский, гжельский, касимовский ярусы. Эталонные разрезы пермских отложений находятся, естественно, в районе Перми. Самые яркие палеонтологические открытия этого периода сделал Владимир Прохорович Амалицкий. В 1898 году в песчаных линзах местонахождения Соколки

у деревни Ефимовской на Малой Северной Двине он открыл богатейшую фауну зверообразных синапсид – высших позвоночных, которые долгое время считались пресмыкающимися и лишь в конце XX века были выделены в самостоятельный класс. Собрание этих скелетов «удивительной полноты и сохранности» потом получило название «Северо-Двинская галерея». Растительоядные скутозавры и хищные иностранцевии, составлявшие ее основу, гордость зала позднего палеозоя.

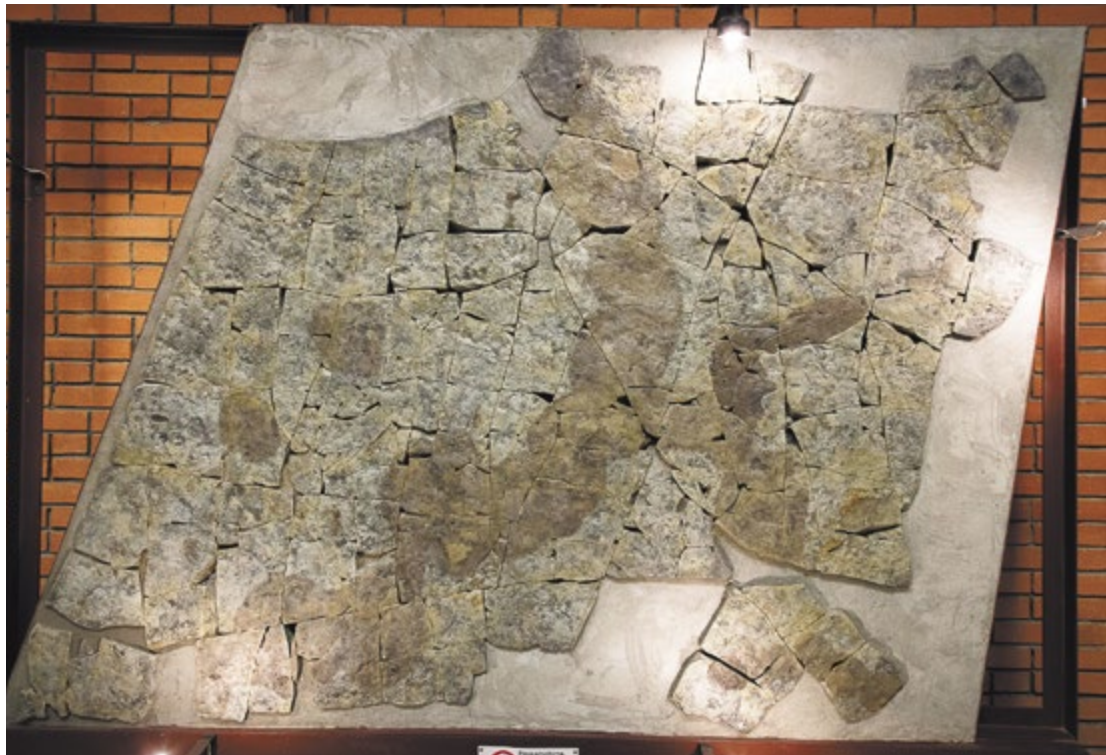
Портрет академика Алексея Алексеевича Борисяка, первого директора Палеонтологического института. Скульптор Ю.Л. Чернов

лись – скелет так и остается не собранным.

В зале можно рассмотреть и фрагменты позвоночника завролофа. Эти образцы замечательны тем, что сохранили мягкие ткани, которые в палеонтологических остатках доходят до нашего времени чрезвычайно редко. На экспонатах в московском музее сохранилась окаменевшая толстая шкура, покрытая твердым роговым слоем.

Компанию динозавров дополняет сибирский пситтакозавр. Его оригинал, собранный специалистами Палеонтологического института, выставлен в областном Кемеровском краеведческом музее, а для Палео-музея была сделана точная копия. Размером с крупную собаку с длинным хвостом, пситтакозавр, найденный на северо-востоке Кемеровской области, самый большой из известных ящеров-попугаев – его название так буквально и переводится. Эти динозавры обладали большим клювом, покрытым роговым чехлом. Такие есть у некоторых современных рептилий, например черепах, но у пситтакозавра этот клюв был куда более заметным.

На верхней галерее застыл хищный тарбозавр – родственник известного тираннозавра. Тарбозавры были крупными двуногими хищниками с маленькими лапками и большой головой, в пасти которой насчитывалось более 60 зубов. Ученые до сих пор спорят, как питались тарбозавры. Одни считают, что они были самыми сильными хищниками. Другие исследователи настаивают, что тарбозавры не умели быстро бегать и потому довольствовались на обед тушами мертвых животных, валявшихся в мелких озерах тропических лесов той суши, что стала потом Южной Гоби. Эти леса изображены на настенном панно зала – именно оттуда, из самой крупной пустыни Азии, расположенной на территории современной Монголии, прибыло в зал мезозоя большинство его экспонатов.

Плита
с остатками
и следами
вендобионтов
с Зимнего берега
Белого моря

МОНГОЛЬСКИЕ СОКРОВИЩА

Чтобы понять значение монгольских экспедиций для развития отечественной палеонтологии, вернемся к истории Палеонтологического музея. Переехав в 1934 году вместе с Академией наук из Ленинграда в Москву, Палеонтологический институт в 1936 году получает для своего музея здание – Орловские конюшни в комплексе дворцов Нескучного сада. Из Нескучного в 1941 году большую часть музейной экспозиции увозят в эвакуацию. После возвращения в Москву в 1944 году музей открывается. А в 1946–1949 годах проходит череда палеонтологических экспедиций Академии наук в пустыню Гоби в Монго-

лию. Руководит ими Иван Антонович Ефремов.

Идея этого исследования возникла в 1920-е годы, после того как в Монголии побывала экспедиция Американского музея естественной истории. При этом первые находки ископаемых млекопитающих и ящеров были сделаны еще раньше российскими учеными и путешественниками. В частности, Владимиром Афанасьевичем Обручевым, который был геологом известного географа Григория Николаевича Потанина во время Второй китайско-тибетской экспедиции. Именно Обручев предположил, что Монголия представляет собой очень перспективную область для палеонтологических изысканий.

Еще до войны монгольское правительство предложило Академии наук Советской республики организовать совместную экспедицию. К 1940 году ее план был разработан, однако реализации помешала война. Но уже в первый послевоенный год, несмотря на тяжелейшую разруху, в которой лежала страна, советское правительство отправляет ученых на поиски уникальных динозавров. И наши исследователи выполни-

Слепок черепа
хищного
зверозубого
ящера циногната
(*Cynognathus*)
из триаса
Южной Африки

ли огромную работу. Эта экспедиция была очень важна и для монгольской стороны. Она получила значительную часть найденных материалов, и это послужило началом создания национальной школы палеонтологии. Именно в 1946–1949 годах было обнаружено большинство динозавров, которые сейчас составляют ядро экспозиции зала мезозоя Палеонтологического музея. Помимо динозавров были собраны обширные коллекции остатков третичных млекопитающих, часть их представлена в зале кайнозоя Палеоюза.

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР НА ЮГО-ЗАПАДЕ

Подобно тому как успех Северодвинской экспедиции Амалицкого во многом способствовал выделению палеонтологии из недр Геологического музея, так и успех советско-монгольских экспедиций доказал, что здание Орловских конюшен после появления новых экспонатов стало слишком мало. Но лишь в 1965 году Совет Министров принимает решение о выделении на юго-западе Москвы участка для строительства нового Палеонтологического музея.

Динозавровый
зал Палеоюза

Здесь предполагалось построить целый естественно-научный комплекс. Наряду с созданием нового Палеонтологического музея на юго-запад должен был переехать Московский зоопарк, а также появиться парк палеоскульптур. Но в итоге было построено только здание Палеонтологического музея, в котором создали новую экспозицию и частично разместили лаборатории самого Палеонтологического института. В декабре 1987 года музей открылся для посетителей.

Музей возник как академический центр, нацеленный на просвещение и образование. Таким музеем он был изначально, таким остается до сих пор. «Собранные здесь коллекции уникальны – какими бы средствами вы ни располагали, ничего подобного вы сейчас уже не соберете, – утверждает Александр Карху. – Палеонтология – наука шансов. Вы никогда точно не запланируете, какие ископаемые, даже в известном месте, вам удастся добыть. Поэтому многие вещи в палеонтологических музеях и в научных коллекциях существуют в единственном экземпляре, и на повторение

Скелет поздне-
пермского
скутозавра –
самого крупного
представителя
парейазавров –
«щелкастых
ящеров»

этих находок невозможно рассчитывать. Вероятность, что вы обнаружите такой же скелет, не намного больше, чем встретить гуляющего динозавра во дворе собственного дома. Мы очень ценим наш музей за эту уникальность».

ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ

Зал динозавров, вероятно, не только самый зрелищный, но и более других наводящий на философские мысли. Впечатляющие скелеты тарбозавров и пситтакозавров дают ответ на вопрос, заданный мною в начале нашей встречи: что знание о прошлом способно дать для понимания будущего? Одно из направлений, которыми славен отечественный Палеонтологический институт, – это исследование кризисов прошлого, рассказывает Кирилл Еськов. Имеется в виду изучение механизмов вымирания фауны и появления новых видов. Что служило триггером эволюционных процессов, какова была симптоматика этих кризисов?

Одним из основоположников теории кризисов был известный российский палеоэколог Владимир Васильевич Жерихин. Он

Череп с бивнями степного мамонта (*Mammuthus trogontherii*), жившего в Северной Евразии 600–370 тысяч лет назад

разработал гипотезу мелового биоценологического кризиса, который пришелся на конец мезозойской эры. Именно во второй половине мелового периода разразился ближайший к нам по времени глобальный экологический кризис, одним из последствий которого стало вымирание динозавров. Но их исчезновение, которое всех так интригует, было лишь шоковой реакцией на глубинные процессы, уже протекавшие десятки миллионов лет, уточняет мой собеседник. «Теория кризисов утверждает, что резкие

экосистемные и биосферные изменения имеют внутренние причины. Представление о том, что динозавры вымерли от удара астероида, ошибочно. Астероиды падают регулярно, вулканы извергаются тоже довольно часто, но далеко не все эти явления приводят к катастрофическим последствиям. Это – последняя соломинка, ломающая спину верблюда, но, чтобы подобные изменения запустились внешней причиной, биосфера уже должна находиться в кризисном состоянии», – объясняет Кирилл

Скелет вараноидной ящерицы из позднего мела Южной Монголии. Возраст – 70 миллионов лет

ода и на всем его протяжении были маргиналами, «сидевшими в начале своих сукцессионных рядов, то есть сменяющих друг друга во времени сообществах, где каждая предыдущая стадия формирует условия для развития последующего», – объясняет Кирилл Еськов. И вот в середине мела, в ничтожный по палеонтологическим меркам срок в 10 миллионов лет, происходит практически полная замена процветавшей до того мезозойской флоры (преимущественно голосеменные) на флору цветковую. Цветковые заселяют поврежденные участки суши – гари, оползни, косы – и, будучи травянистыми растениями, в конкуренции с деревьями не могут дотянуться до света. Поэтому для них ключевым эволюционным решением является адресный, точечный перенос пыльцы насекомыми. Процесс идет в ураганном темпе.

Дарвин потом назовет этот период «отвратительной тайной» – почему, дескать, перемены происходят с такой непопозволительной скоростью? Во времена великого эволюциониста предполагалось, что мир развивается равномерно, природа не делает скачков. Палеонтологи внесли корректировку в эту формулу: да, мир развивается последовательно, но не равномерно – периоды бурного формирования чередуются с периодами стазиса, когда происходит лишь «тонкая дошлифовка» новых форм жизни. И в разгадку природы этих скачков российская школа палеонтологии внесла значительный вклад.

ЛАКОМСТВО ДЛЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ ГУРМАНОВ

Один музейный экспонат наглядно показывает процесс подготовки природы к подобному эволюционному преобразованию. Среди скutoзавров или завролофов найти этот экспонат очень сложно, но он, как и история его находки, удивителен.

Еськов. Как развивается биосферный кризис, удобно показать на палеонтологическом материале.

«Если мы посмотрим на динамику исчезновения групп, то поймем, что видообразование и вымирание – два нормальных компонента эволюционного процесса», – продолжает мой собеседник. И приводит в пример школьную задачу про бассейн с двумя трубами. Через одну трубу в бассейн вода втекает, из другой – вытекает. Видообразование – труба, по которой новые организмы в экосистему «втекают», вымирание – труба, через которую «вытекают». Когда бассейн начинает пустеть, обычно кажется, что дело в трубе, из которой вода вытекает. На самом деле выясняется, что при вымирании с экологической «трубой», через которую оно «вытекает», может и ничего примечательного не происходить. Сокращение разнообразия группы происходит в том же режиме, что и предыдущие 15 миллионов лет. Только оно не компенсируется видообразованием, то есть проблема в «трубе, через которую втекает». Так было с динозав-

рами. В конце концов вымерли семь последних видов, а новых не образовалось – и все. Когда начинается некомпенсированное вымирание, катастрофические процессы разворачиваются с нарастающей быстротой. Эти процессы особенно отчетливо видны по видообразованию насекомых, обладающих коротким жизненным циклом. Как ни парадоксально это звучит для широкой публики, ключевым моментом мелового кризиса была экспансия цветковых растений и сопутствующих им насекомых. Это убедительно доказала модель палеоэнтамолога Жерихина. Цветковые растения появились в самом начале мелового пери-

Скелет безрогого носорога индрикотерия (*Indricotherium transouralicum*) – самого крупного наземного млекопитающего в истории Земли. Центральный Казахстан, 28 миллионов лет

Слепок черепа гигантского хищного кондилартра эндриусарха (*Andrewsarchus mongoliensis*) из эоцена Северного Китая

Несколько лет отряд Палеонтологического института работал на нижнемеловом местонахождении в Центральной Монголии. Ученые искали остатки нижнемеловых млекопитающих. За сезон они добыли и промыли около 15 тонн костеносной породы. И остатков млекопитающих из этих 15 тонн набралось всего на половину спичечного коробка. «Если пересчитать по трудозатратам, цена палеонтологических находок сравнима с пресловутой «добычей радия», – иронизирует Кирилл Еськов. Но их научная ценность сторицей окупает все.

В другом нижнемеловом местонахождении в том же районе Монголии был добыт и потом попал в музей самый интересный, на мой взгляд, экспонат. Выглядит он, как и положено настоящей драгоценности, неброско. Лакомства для гурманов палеонтологии – обычно какой-нибудь невзрачный отпечаток, крохотная косточка.

В витрине – черный квадрат, к которому прикреплена крошечная челюсть. Возраст – 110–115 миллионов лет. Принадлежит она триконодону, одному из древних млекопитающих, которые жили на Земле во времена динозавров. Первобытные ящеры вымерли на границе в 65 миллионов лет. И лишь тогда их место заняли млекопитающие. Но к моменту исхода динозавров млекопитающие существовали уже 130 миллионов лет, они прошли две трети своей эволюционной истории. Этот период сосуществования двух биологически разнообразных групп высокоорганизованных организмов очень интересен. Он дает представление, как формировался класс жителей Земли, к которому принадлежим мы сами. Как млекопитающие осваивали различные места обитания, обретали черты, сохранившиеся в новейшее кайнозойское время. И весь этот интереснейший период истории жизни на Земле представлен в крохотной косточке.

Слепок
Киргильяхского
мамонтенка,
найденного
на Магадане
в 1977 году

ТРЕТИЙ ЗУБ

Чем же так интересна челюсть триконодонта? Ответ на этот вопрос помогло найти новейшее оборудование, которое получил музей. В палеонтологии существуют образцы, которые трудно отделить от замещающих пород – так называют части отложений, в которые превратились органические ткани. Обычно это делается с помощью их аккуратного извлечения. Но не всегда замещающую породу можно удалить. Также есть места, куда трудно проникнуть взгляду ученого,

например внутренние полости черепа. Компьютерная томография помогает обследовать их. Этот метод позволяет, к примеру, увидеть характер закладки зубов у млекопитающих. Зубу никогда не суждено было прорезаться, а с помощью компьютерной томографии его можно увидеть.

Именно благодаря томографу было установлено, что у млекопитающих нижнемелового периода мезозойской эры было три, а не две, как у современных млекопитающих, смены зубов. Так челюсть триконодон-

Зал раннего
палеозоя

та, уместающаяся в спичечном коробке, позволила сделать важное научное открытие. «Смотрите, – объясняют мои собеседники элегантнейший ход природы, зашифрованный в неприметном зубе доисторического зверька. – С эволюционной точки зрения смена зубов очень важна. У полугодовалого ребенка появляются первые зубы, в 5 лет – все молочные, к 17 годам они полностью сменяются на коренные. Почему? У ребенка маленькая челюсть, ему достаточно пяти зубов, чтобы нормально пережевывать

пищу. Когда она вырастает, ряд в пять зубов будет слишком редким. Поэтому природа решила, что их нужно добавить. Чем больше растет животное, тем больше ему нужно зубов, чтобы питаться. Почему же количество зубов является эволюционной проблемой? Когда животное находится в не до конца сформированном состоянии, оно крайне уязвимо: недостаточно быстро, опытно, сильно, еще неспособно к размножению. Поэтому чем более с точки зрения эволюции наземное позвоночное совершен-

Скульптуры ископаемых животных во внутреннем дворе Палеонтологического музея

но, тем больше оно старается ускорить процесс роста. И если вид отказался от дополнительной смены зубов, значит, это связано с очень серьезными изменениями в среде обитания. Почти все современные млекопитающие отказались от третьей смены зубов. И вот мы видим, что маленький доисторический зверек имеет три смены зубов. Это говорит о том, что его темпы развития все еще ближе к рептилиям, чем к современным млекопитающим».

ЖИЗНЬ ПОДЁНКИ

Палеонтологи имеют дело с колоссальными отрезками времени. Влияет ли это общение с вечностью на их восприятие жизни? «Для обычного человека горизонт исторического восприятия – девяносто лет, отвечает Александр Карху. – То, что дальше, воспринимается как недоступная сознанию древность. Кажется, что несколько десятилетий – это очень долго. Но когда привыкаешь к временным масштабам палеонтологии, понимаешь, что продолжительность твоей жизни мало отличается от жизни подёнки. Это – мгновение». 📖

Гаргульи в виде голов ископаемых животных во внутреннем дворе

ФОРМУЛА ИДЕАЛЬНОГО ТОПОРА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КОГДА-ТО АЛЕКСАНДР РАДУЛ НА ПОСЛЕДНИЕ ДЕНЬГИ КУПИЛ ТОПОР И ОТПРАВИЛСЯ С НИМ В ПОХОД. К ОГРОМНОМУ РАЗОЧАРОВАНИЮ ВЛАДЕЛЬЦА НОВЕНЬКОГО ИНСТРУМЕНТА, ТОПОР НЕ РУБИЛ, ЗАТО ОТЛИЧНО ОТБИВАЛ РУКИ... БЫЛО ЭТО ЛЕТ ШЕСТЬДЕСЯТ НАЗАД. ТОГДА И ЗАРОДИЛСЯ У ТУРИСТА ИНТЕРЕС К ДРЕВНЕМУ ОРУДИЮ ТРУДА.

ИНТЕРЕС ЭТОТ АЛЕКСАНДР Макарович пронес через всю жизнь, и сегодня он знает все тонкости топоров. И даже создал в своей деревне небольшой музей этого важного для каждого человека инструмента.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Сейчас в деревне Русаново Клепиковского района Рязанской области, где живет собиратель топоров, есть прекрасная экспозиция. Александр Радул может провести весьма увлекательную

экскурсию, после которой каждый проникнется уважением к такому простому, но незаменимому орудью. И хотя разместилась выставка в гараже на участке коллекционера, это нисколько не умаляет ее достоинств. После увлекательного рассказа понимаешь, насколько глубокое и богатое прошлое имеет кажущийся незамысловатым предмет.

«Вот эти топоры – настоящая отсебятина, – критикует некоторые экспонаты своей коллекции Александр Радул. – Такую гадость изобрели кабинетные люди, которые никогда не держали в руках топора. Их изделия не выполняют своей основной функции – они не рубят!» В числе таких «кабинетных» образцов сохранился и тот самый первый экземпляр, с которого началась коллекция. Неудачное приобретение, сделанное в молодости, заставило Александра Макаровича серьезно подойти к выбору топора, он начал задумываться, какой же инструмент наиболее практичен. «Найти информацию оказалось нелегко, серьезной литературы практически нет. Анализ топо-

ра проводил очень талантливый академик Горячкин в 1936 году, но эту статью найти было непросто. Тем не менее я разыскал его труд и подробно изучил. Академик показал, что инструмент для рубки можно математически просчитать», — разъясняет рязанский специалист по топорам. Позже сам Александр Макарович рассчитал все нюансы идеального топора, причем подошел к этому делу с педантичностью истинного ученого. «Вот в этом инструменте боек симметричен и линия удара проходит посередине — через центр масс бойка», — показывает Александр Радул один из образцов и тут же демонстрирует следующий. — В этом экземпляре боек скошен, лезвие оттянуто назад, сам обух сдвинут вперед и линия удара смещена относительно центра масс на величину дельты... Впрочем, вам это запоминать не нужно», — добавляет Александр Макарович, увидев наши вытянувшиеся лица. Несколько неожиданно слышать такие математические выкладки от жителя рязанской глубинки, но оказывается, коллекционер топоров в свое время окончил Бауманку, и полученные там знания помогли со всей основательностью подойти к «топорному» анализу. А поскольку Радул привык ко всему относиться серьезно, он тщательно изучил и историю, в которой топор не раз играл серьезную роль. «Вот русский лесорубный топор, — демонстрирует очередной экземпляр коллекции Александр Макарович. — Именно

такой сыграл немаловажную роль в русской истории. В XII веке, чтобы защитить Залесскую Русь от нападений кочевников, князь Андрей Боголюбский приказал устроить засеки: деревья валили вершинами в сторону Степи, и это создавало преграду, которую не только коннице, но даже пешим было невозможно преодолеть. Так был завален огромный отрезок, засека тянулась от Старой Рязани до брянских лесов — длина была около тысячи километров. А создавали ее с помощью вот таких топоров. Только тогда они были чуть-чуть полегче — металл экономил». Рассказы Александра Радула превращаются в настоящий

Александр Радул знает о топорах все — опытным глазом сразу определяет и правильный угол заточки лезвия, и КПД инструмента

Мало кто задумывается о роли топора в истории, но, глядя на коллекцию Радула, невольно понимаешь, что без этого инструмента никуда

исторический экскурс, события и вехи развития России можно проследить через судьбу топора. «В таком виде этот инструмент просуществовал несколько столетий, до 1953 года. В 1954-м изготовление такого топора прекратилось. Видимо, потому, что все лесорубы были отпущены по амнистии», — шутит Александр Макарович.

«Вот у этого топора, — продолжает рассказ Александр Радул, — есть европейский аналог — его называют «карпатский» или «закарпатский». Это топор-«валашка». Было племя валахов — это предки нынешних румын, молдаван. У валахского топора лезвие чуть уже. Он использовался в Карпатских горах, им рубили лиственные породы деревьев — дуб, граб, вяз, ясень. Ширина его лезвия рассчитана до миллиметра — все это наработано веками практики. Такому инструменту не менее полутора тысяч лет».

На своих экспонатах Александр Радул знает все зазубринки. Любая деталь, по его мнению, может рассказать о судьбе каждого орудия. К примеру, скругленный носик свидетельствует о том, что этим инструментом работал плотник — именно плотники часто оперировали кончиком топора. «Вот этот топор обрел популярность во времена Лжедмитрия II: самозванца охраняли отряды касимовских татар, и они привезли с собой такой инструмент, — демонстрирует Александр Макарович еще один из исторических образ-

Один из стендов своего мини-музея Радул посвятил «отсебятине» — топорам, которые не выполняют своей основной функции, то есть не рубят

Вологодский, касимовский топоры...
В собрании коллекционера можно
увидеть экземпляры из разных
уголков России и всего мира

цов. – Топорище мне, конечно, пришлось сделать новое, но металл сохранился. Этот топор существовал полторы тысячи лет назад, и в нем учтено все необходимое. Его создал, скажем прямо, гениальный человек, сарматский Архимед – он смог в инструменте воплотить все, что я потом рассчитывал. Но я делал это, имея основательную теоретическую базу, а они умудрились обойтись без всякого образования. Это топор сарматов, который потом перешел к гуннам, потом его унаследовали хазары, потом – татаро-монголы, потом от них татары пришли в Касимов... И вот этот инструмент стал известен как касимовский топор. Он прошел через много веков и испытаний, потому что оказался очень правильным, и все его черты сохранились до нашего времени».

СОСТЯЗАНИЕ НА БРЕВНАХ

Александр Радул с таким энтузиазмом говорит о своих любимых инструментах, что невольно проникаешься уважением к топору. Казалось бы, прозаичный бытовой предмет, который

Для правильного
выбора топора
имеет значение
каждая
зазубринка

есть в каждом доме. Мало кто задумывается, сколько тонкостей в этом незамысловатом орудии. А главное, какая глубина скрывается за этим привычным для нас предметом.

«Вот этот топор был найден, когда делали первую линию московского метро, – показывает Александр Макарович на фотографию. – На улице Неглинной строители наткнулись на колодец. Очень редко находят инструменты с целевшим топорищем, но этот пролежал пятьсот лет в воде, без доступа кислорода, и дерево сохранилось. Это типичный дровосечный топор. Что его отличает? В первую очередь рабочий клин 12–14 градусов. Сейчас у всевозможной отсебятины можно увидеть совсем тонкий клин – производителям кажется, чем тоньше лезвие, тем лучше топор воткнется в дерево. Но не тут-то было. Тонкое лезвие не выкалывает щепку. А щепки – признак высокой производительности. Если топор выбрасывает щепки, значит, он быстро врубается и освобождает место для следующих ударов. К сожалению, кабинетные инженеры не понимают, что нужен рабочий клин, и делают инструменты, которые не рубят». Один из таких образцов куплен коллекционером лет сорок назад – все у него на первый взгляд пра-

вильно, но он не рубит. «У него слишком тяжелый конец топорища, – раскрывает ошибку производителей специалист по топорам. – Центр тяжести не там, поэтому КПД и сила удара намного ниже, чем у хорошего топора». У Радула глаз уже наметан, он сразу определяет качественный топор. А вообще, в топорах очень много тонкостей. Александр Макарович разъяснил, что важны не только угол клина, вес и длина топорища, но даже полировка лезвия – успех рубки зависит от коэффициента трения.

В коллекции рязанского собирателя есть очень красивый топор с изображением тигра на лезвии. Дизайн явно привлечет неискущенного обывателя... С этим топором связана любопытная история. Увидев такой инструмент в продаже, Александр Макарович оценил его минусы и решил помочь изготовителям наладить производство практичных топоров. Приехав на завод, показал свою книгу, обосновал правильность расчетов. А чтобы доказать основательность аргументов, Радул предложил устроить состязание. «От завода был выставлен молодой сильный парень, и я против него – инвалид второй группы на девятом десятке жизни – выглядел, мягко говоря, не соперником. Но у меня был рабочий топор, и я со своей задачей справился быстро: на то, чтобы перерубить бревно, мне понадобилось не более минуты. Парню с большими бицепсами пришлось возиться дольше, потому что каждый раз после удара ему приходилось выдергивать топор. Хотя оппонент был очень сильный, он с задачей все-таки не справился, поскольку топорище у него переломилось. Так и кончилось наше соревнование», –

Знарок топоров
убежден,
крупные щепки –
признак высокой
производительности инстру-
мента

с улыбкой вспоминает Александр Макарович. Знаток топоров в честном поединке доказал справедливость своей критики. На память о том состязании в музее Радула сохранился инструмент с тигром – производители презентовали образец своей продукции рязанскому коллекционеру. Но... завод так и выпускает красивые, но неправильные топоры. «Это и понятно, – вздыхает Александр Макарович, – чтобы переналадить производство, надо слишком многое переделать, а у провинциальных заводов такой возможности нет – они и так едва выживают в непростых условиях. Кстати, давно не видел в продаже топоров их марки – сейчас на рынке в основном китайская продукция. Вообще, с начала этого века топоры очень испортились».

Однако Александр Макарович может продемонстрировать и идеальный инструмент – свой любимый. Как признается собиратель, с этим топором он не расстанется ни за какие деньги. Топор сделан из стали, которая используется для изготовления подшипников в космических аппаратах. Произведен этот совершенный образец в городе Ворсме, где всегда жили мастера золотые руки. Они до наших дней умудрились сохранить старые традиции. Самый хороший топор сделали по заказу Радула в кузнице Васильева. «Это очень хороший мастер – в европейской части России он делает лучшие топоры. Инструмент стоит дорого. В азиатской части есть другой мастер, Верескунов, он бывший металлург, поэтому очень тщательно относится ко всем этапам изготовления, начиная с отливки стали, – рассказывает Радул. – Для топорика он завозит с Дальнего Востока дикий орех. Хороший топор – удовольствие недешевое, а настоящих мастеров можно пересчитать по пальцам».

Моравский топорик когда-то служил своим владельцам и посохом, а сейчас его нередко можно увидеть с коротким топориком – для удобства транспортировки

Топор мясника именуется «тупик», и у этого инструмента свои нюансы – он тяжелее других, весит 2,5–3 килограмма, это нужно, чтобы во время рубки не было осколков кости

ЭКСПОНАТЫ ИЗ ВТОРЧЕРМЕТА

Коллекцию свою Александр Радул пополняет весьма оригинальным способом: экспонаты для музея собиратель топоров нередко находит во... вторчермете. Из этого неожиданного источника появился и касимовский топор, о котором Александр Макарович рассказывал с таким уважением. А вообще, собрание пополняется разными путями. Кто-то приносит топоры, кто-то дарит... Так постепенно формировалась коллекция рубящих орудий. В экспозиции Радула можно увидеть самые разные образцы. «Вот это испанский топор – видите, какой маленький, можно даже в самолете провезти. Его особенность – в заостренном носике, предназначенном для выборки наиболее заковыристых мест. Интересен он и тем, что его топориком сделано из гикори – это дикий американский орех, древесина которого идеально подходит для изготовления топорика, – продолжает экскурсию по своему маленькому музею Александр Радул. – А вот это уже не просто топор, а посох. Сто лет назад все мужчины ходили с такими топорами-посохами». На стене мини-музея – фотография двух известных личностей с такими посохами: Лев Толстой и Максим Горький тоже оценили моду того времени. Еще один любопытный образец начала XX века – имитация топора-валашки. «Эти то-

поры были очень популярны, у каждого молодого человека был такой. Их брали с собой на танцы. Но страшно представить, во что могли превратиться такие инструменты в случае конфликта. Поэтому в Австрии – а она тогда охватывала большую территорию, в нее входили и Чехия, и Словакия, и Валахия – был издан указ, запрещающий ходить с посохами со стальным наконечником. Тогда стали делать моравские топоры с бронзовыми бойками». В коллекции Александра Радула есть такой экспонат, правда, с коротеньким топориком – как объяснил коллекционер, это сувенирный вариант, удобный для транспортировки.

Редкий экземпляр в собрании Радула – африканский топор XIX века. «Примерно в 1803 году российская экспедиция отправилась в кругосветное путешествие под командованием Крузенштерна. В его книге можно прочитать, что они набрали очень много обломков железных обручей длиной 5 дюймов для обмена с местным населением. Эти куски обручей в Африке имели большую цену – своего железа там еще не добывали, но они уже знали, что это такое, знали, что из этого материала можно сделать копье, топор, кинжал. Вот этот, – показывает Александр Макарович один из экземпляров своей коллекции, – сделан как раз из такого обломка обруча. Только у них был свой вариант изготовления: в наших инструментах в металлическую проушину вставляют топориком, а там в дереве продельвалась проушина, и в нее вставлялся боек. Кончик не отрезали, просто загибали – материал очень ценился. Только дерево подбирали такое, которое не расколется при сильном напряжении».

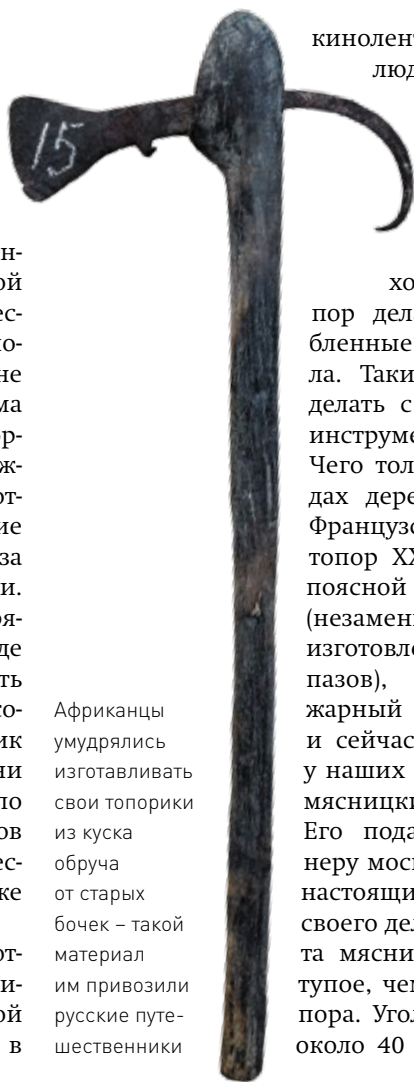

Лесорубный,
дровосечный,
сучкорубный,
плотницкий...
Топоры бывают
разными,
и каждый из них
хорош на своем
фронте работ –
Александр
Радул убежден,
универсального
топора
существовать
не может

МЯСНИКИ, ПЛОТНИКИ, СТРОИТЕЛИ

Каждый экземпляр в собрании Радула скрывает какую-то интересную историю. Не исключение и необычный топор, лезвие которого развернуто перпендикулярно топорищу. «Такой инструмент называется «тесло», – объясняет коллекционер. – В Клепиковском районе земли небогатые, чернозема нет, урожаи низкие, прокормить семью здесь было сложно, поэтому были развиты отхожие промыслы. Рязанские плотники, заткнув топор за пояс, ходили по всей России. Отсюда и пошло название «рязанцы косопузые». На стенде в мини-музее можно увидеть яркий пример такого «косопузого» – известный плотник Андрей Тулупов из деревни Ершово, которая находится по соседству с Русановом. Тулупов со своим плотницким ремеслом добрался до Китая и даже Австралии. Теслом до сих пор пользуются в Узбекистане, предпочитая обычному топору. «Такой инструмент можно увидеть в

Африканцы
умудрялись
изготавливать
свои топорики
из куса
обруча
от старых
бочек – такой
материал
им привозили
русские путеше-
ественники

киноленте «Счастливые люди» – фильм про глухую Сибирь, куда только теплоходами завозят продукты, и то только в период судоходства. Там до сих пор делают лодки, долбленные из целого ствола. Такие лодки удобно делать с помощью этого инструмента».

Чего только нет на стендах деревенского музея! Французский пожарный топор XX века, чешский поясной топор, пазник (незаменимое орудие при изготовлении длинных пазов), российский пожарный топор, который и сейчас на вооружении у наших огнеборцев. Есть мясницкий топор – тупик. Его подарил коллекционеру московский рубщик, настоящий профессионал своего дела. «У инструмента мясника лезвие более тупое, чем у обычного топора. Угол заточки у него около 40 градусов и даже

больше. Чтобы перерубить кость, надо сделать засечку, потом перевернуть и сделать с противоположной стороны то же самое – так кость ломается, а не рубится. Иначе в мясе будет много осколков, – разъясняет Радул. – Вторая особенность тупика – у него короткое топорище, и он тяжелее других топоров». И этому у Радула тоже есть объяснение: поскольку мясник работает в людных местах, у него нет возможности слишком сильно размахивать топором, он должен рубить короткими ударами.

«Обратите внимание на тесальный топор – он оттянут назад, имеет «бороду», – показывает Александр Макарович. – Есть такой Ферапонтов монастырь на Вологодчине, в котором сохранились фрески Дионисия, созданные пятьсот лет назад. Там нашли вот такие топоры – именно такими плотники тесали церковь Ильи Пророка 1755 года, которая находится в 2 километрах от Ферапонтова монастыря. Я, конечно, нашел этот образец не там, но тоже в Вологодской области».

ИНЖЕНЕР-КОНСТРУКТОР ИЛИ ИНЖЕНЕР-ФЕРМЕР

Есть в коллекции Александра Радула и каменный топор. «Его мне подарили, но это самоделка, – вздыхает коллекционер. – Настоящим каменным топором не удалось обзавестись, хотя здесь неподалеку их находили». Как истинный коллекционер, он переживает за каждый экспонат. Радул никогда не думал, что станет коллекционером, просто сама жизнь так распорядилась. Интерес к топорам у него был всегда: и в походах, и на отдаленных метеостанциях без хорошего инструмента не обойтись. А Радул проработал на таких станциях не один год – в глухой Сибири, куда людей забрасывают с вертолета и до ближайшего населенного пункта не менее 200 километров. На таких метеостанциях рос и его сын. Ходил с отцом на охоту, привык к экстремальным условиям и вырос настоящим путешественником. Сегодня Александр Макарович даже не знает, в какой точке мира завтра окажется его сын. А Олег Радул из разных уголков мира везет топоры. «Он знает, что топоры – это «пунктик» у папы», – смеется Александр Макарович.

Он сам всегда был натурой увлекающейся. Туристом прошел Карпаты, Карелию, Сибирь. Вообще, признается Радул, траектория его жизни сложная. После окончания вуза попал в город Королев, где занимался производством ракет. Увы, перипетии в стране привели к тому, что институт, в котором работал Радул, развалился, инженеры-конструкторы оказались не востребованы. Поработав некоторое время на сибирских метеостанциях, Александр Радул ре-

шил кардинально сменить род деятельности и стать... фермером. Посмотрел, где хорошие леса, вода, выбрал себе местечко в центре Рязанского края и купил домик. Потом взял кредит, обзавелся тракторами, плугами, сеялками, веялками, картофеле-сажалками, взял в аренду 5 га земли и начал пахать. Так инженер-конструктор стал снабжать все тот же город Королев картошкой. Это позволило прокормить семью в сложные 1990-е годы. А свои инженерные знания Радул использовал в изучении топоров. Кроме того, что он собрал неплохую коллекцию и просчитал все параметры идеального топора, написал не одну статью о своем любимом инструменте – эти творения выходили в разных журналах. Но только статьями Александр Макарович не ограничился – о топорах он написал целую книгу, которая так и называется «Топоры». Кстати,

Александр Радул создал специальный измерительный стенд, с помощью которого проверяет, с какой силой внедряется в древесину топор при разных углах лезвия

Пожарный топорик когда-то был на службе в старинном французском замке. Таким экземпляром коллекцию Радула пополнил сын-путешественник

Подобные топоры ковали еще полторы тысячи лет назад – остается только удивляться гениальности древних мастеров

сейчас готовится к выходу в свет ее третье издание.

Параллельно с работой над книгами Радул совершенствует свой мини-музей. Выставку он сделал по просьбе местной администрации, которая выделила для этого четыре фанерных щита – в таком виде коллекция топоров экспонировалась в нескольких местах, а потом перекочевала на подворье Радула. Александр Макарович переживает, что в районе до сих пор нет музея – это, по мнению знатока топоров, просто необходимо. Причем беспокоится он в первую очередь не из-за своей экспозиции, а из-за богатого краеведческого материала, который накопили другие увлеченные клепиковцы. «Есть люди, которые собрали много местных предметов быта. Кроме того, в школе есть хороший музей военно-патриотической направленности. Конечно, району нужен краеведческий музей», – сокрушается Радул. Но пока музея нет, он охотно проводит увлекательные экскурсии по выставке, разместившейся в его гараже. За этими неказистыми стенами небольшого помещения скрывается увлекательная история, ключом к ней становится всем нам хорошо знакомый инструмент, который есть в каждом доме. Оказывается, из топора может получиться не только каша!

ГОРЕ ЛУКОВОЕ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

О ТОМ, КАКОЙ БУДЕТ БУДУЩАЯ ЗИМА, В КЕЧУШЕВЕ СУДЯТ ПО ЛУКОВОЙ ШЕЛУХЕ. ЭТО НЕБОЛЬШОЕ ЭРЗЯНСКОЕ СЕЛО В АРДАТОВСКОМ РАЙОНЕ МОРДОВИИ СЧИТАЕТСЯ МЕСТНОЙ ЛУКОВОЙ СТОЛИЦЕЙ.

ПОМНИТЕ, КАК НА уроках биологии мы изучали клетки растений? Как окрашивали раствором йода срез луковой кожицы и пристально его рассматривали? И как учительница объясняла строение клетки: оболочка, цитоплазма, вакуоль, ядро? Кажется, это было в шестом классе...

Я вспомнил эти уроки, когда шел коридорами старой школы села Кечушево, которое в Мордовии считается столицей репчатого лука. На осеннем школьном празднике урожая ученику,

наряженному в костюм лука, отводится главная роль. А в школьном музее готовятся открыть специальную экспозицию, посвященную многовековой истории выращивания лука жителями села. В музее все подписи под экспонатами до сих пор делаются по старинке: тушью на ватмане. И, думаю, я знаю, какие фамилии будут выведены пером на бумаге в «луковой экспозиции». Их уже перечислила мне заместитель главы администрации Кечушевского сельского поселения Надежда Моисеева.

ЛУКОВЫЕ КОРОЛЕВЫ

«Королевой лука» в Кечушеве в шутку называют Ольгу Лабурину. Это звание она прочно удерживает уже лет десять. До нее «королевский титул» принадлежал Раисе Ивановне Зингаевой. А вот предыдущие «короли и королевы», увы, уже забыты. Даже хранитель истории села, печник Михаил Тремасов, не может дать ответ на этот вопрос. Утверждает лишь, что и при царях, и после революции, и сейчас на большинстве местных огородов собирали и собирают не менее 2 тонн лука ежегодно. – Каждую осень все жители села как один клянутся расстаться с луком, говорят, что будут сажать его только для себя, – рассказывает на ходу Надежда Моисеева. – А как наступает весна, прощай все клятвы! Луковые плантации, которые возделывали на тех же местах их прапрадеды, опять засажены. И куда только пропадает ломота в костях, высокое давление, плохое зрение?

В детстве Надежда всегда с нетерпением ждала возвращения родителей с базара. Если им удавалось продать мешки с луком,

Эти шапки с семенами лука в Кечушеве окружают пугалами от птиц

которые они несли на плечах 12 километров до железнодорожного разъезда, откуда на поезде ехали в город Алатырь, то привозили дочке обновки – к примеру, сарафан или сандалии.

Благодаря продаже лука жители села одевались, обувались, красили и ремонтировали свои дома. Сейчас так, конечно, не разбежишься, говорит Надежда. Но выработанная прежним горьким опытом вера в чудодейственную силу лука спасать семью в тяжелые времена жива до сих пор. Так что, думается, школьному музею одной экспозицией о луке не обойтись. Придется создавать разделы. Выращивание. Хранение. Сбыт. Маршруты путешествий кечушевского лука по стране.

ЗОЛОТЫЕ ЛУКОВИЦЫ

– За луком приехали? – Из-за ограды двора выглянул мужчина в соломенной шляпе.

Каждое новое лицо в селе принимают как потенциального покупателя лука, что не удивительно. Урожай нужно побыстрее сбыть. Скоро картошку копать, да и других дел в хозяйстве хватает.

Почему так охотно покупают кечушевский лук, несмотря на то, что он довольно горький, Надежда объяснить не может. Вот одна сельчанка сладкий сорт посадила, а он плохо хранится, гниет. В одном Надежда уверена: за плохим луком в такую глушь люди не ездили бы.

Еще лет семь назад из 260 дворов села лук высаживали 250. Сейчас – 204 двора. Из них лук на продажу выращивают десятка полтора дворов. Другие излишки лука сдают на базы. В итоге получается весьма приличное количество сеток, набитых луком. Не отбил охоту у сельчан выращивать лук даже ставший «черным» для Кечушева 2017 год, после которого посадки лука решили сократить: тогда овощ по-

купали так плохо, что цены на него упали до минимума...

Издалека кажется, что во дворе, к которому мы подходим, стоят две песочницы для детских игр. Сходство подчеркивают разбросанные мячи и совки. И, только подойдя ближе, мы увидели, что это не песочницы: так ярко на солнце всеми оттенками золотого цвета играет лук. Хозяйка, Раиса Ивановна Мартынова, перебирает золотистые луковички. Ее ноги до колен утопают в луковой шелухе.

Пока Надежда обсуждает с Раисой Ивановной нынешний урожай, я изучаю узоры на станине старой, проржавевшей швейной машины Singer. В деревенских дворах можно всякое увидеть. Но чтобы станина от Singer служила пьедесталом для сеток с очищенным луком-севком?

Раиса Ивановна объясняет, что зимой лук-севок будет коптиться на печи, тогда он зеленые стрелки не выпустит. Весной его высадят – на будущий урожай. А сейчас Раиса Ивановна чистит ножом севок от шелухи.

– Нонче урожай! Лук-то помогали дети и внуки убирать, а вот севок никто не помогает чистить, нудная работа, – говорит она. – Не хочешь попробовать? А я вот буду сидеть за луком все дни, только в воскресенье пойдем на службу в храм. А потом снова вернусь чистить севок. Все Кечушево сейчас так. Если навестите сельского священника, то наверняка и он будет занят луком.

Она говорит, что весной они с сыном Николаем успели продать килограммов 50 севка, но осталось еще много. Из-за пандемии не получилось сбыть выращенный на продажу лук-севок и пришлось высаживать его самим. Потому и урожай лука в Кечушеве этой осенью большой.

Пока Раиса Ивановна рассказывает, Надежда прикладывает ладонь козырьком к глазам и смотрит в конец огорода, который спускается к низине, где протекает речка Малотка. «Кто там сидит в огороде? А! Это Зингаева Раиса Ивановна. 80 лет ей, а всё в поле!»

Двор сельского батюшки самый образцовый в Кечушеве

ЛУК ОТ СЕМИ НЕДУГ

Чтобы срезать путь до двора священника, отца Игоря, Надежда Моисеева идет по огородам, открывает чужие сараи и калитки. Это – село, где все – свои. К тому же Надежде – особое доверие: к ней обращаются все бабушки села, которые не

могут сами сбыть свои мешки с луком. Тогда Надежда берет за телефон и обзванивает по списку соответствующие организации.

– Лук от семи недугов, – повторяет известную русскую поговорку настоятель сельской церкви Космы и Дамиана отец Игорь. – Как без лука обойтись? Лук на Руси раньше картошки появился!

Во дворе – стол для пинг-понга, качели, клумбы, через открытые двери длинного сарая можно рассмотреть золотистые луковички. Обычная картина для всех дворов в Кечушеве. Дом сельского священника – не исключение.

Отец Игорь недавно вернулся из поездки в Санкт-Петербург, куда возил детей из многодетных семей из окрестных сел. Вернулся, а матушка уже собрала лук, ему с дочерьми осталось только сложить его в сарай. Излишки лука священник отдает в трапезную местного Епархиального управления. В ближайшую семинарию регулярно отвозил лук. А когда приезжает в город, то у подъезда, где живет его мать, бесплатно раздает лук всем желающим. Бывает лука так много,

Этот лук-севок потом будет коптиться на печи

тает, – улыбается он и предлагает пройти в храм.

Храм Космы и Дамиана в Кечушеве начали строить до революции. А там, где сейчас находится школа, раньше стояли кирпичные корпуса госпиталя для раненых солдат Первой мировой. Говорят, их весьма успешно лечили в том числе повязками с луковой кашицей. Отец Игорь в Кечушеве человек приезжий, служит здесь с 1992 года, восстанавливал храм из руин. Переехавший в Москву уроженец села Михаил Иванович Юфкин оплатил отливку в городе Кирове семи колоколов. Полы в храме делал местный мастер Михаил Тремасов. Он же – единственный печник на всю округу. Сейчас у храма два купола. Когда ставили первый, то за дело взялся Михаил Тремасов и его брат Павел, живущий в другом селе. В самом начале 1990-х рисунков и чертежей у братьев не было. Отец Игорь посоветовал им взять за образец самую обычную луковицу. Братья выбрали большую ровную луковицу и, сверяясь с ней, собрали купол. История эта стала местной легендой, которую любят рассказывать приезжим. А вот отец Игорь подтверждает: история с куполом и луковицей – правда.

– Было такое, когда ставили первый купол. Я говорю Михаилу Николаевичу Тремасову: луковица будет тебе ориентир. У купола форма должна быть как у луковицы, – рассуждает отец Игорь и сетует, что Тремасов – мастер на все руки и про историю села все знает, а вот заставить его сесть и сделать записи – не получается. Обычно ссылаются на то, что печку надо класть в очередном дворе. Несмотря на проведенный в село газ, с русскими печами жители Кечушева не расстаются. На печках зимой коптится лук-севок, иначе прорастет. И не будет урожая луковиц. Печки и только печки не дают взяться Тремасову за перо, хотя отец Игорь давно лелеет мечту издать книгу о Кечушеве.

что девать некуда. Отец Игорь не стесняется носить сетки с луком на плечах. Он аккуратно стряхивает луковую шелуху с рясы, объясняя местную традицию:

– Лук неприхотлив. На огороде он меняется каждый год местами с картошкой. Хоть такой севооборот. Я на мотоблоке делаю грядки, сажаю, убираю. Только на прополку терпения не хва-

Отец Игорь чтит местные традиции – заготавливает лук

Лук позволяет сельчанам обзаводиться техникой

ЛУКОВЫЕ ПРЕДАНИЯ

Михаил Николаевич Тремасов степенно разглаживает взлохмаченные волосы и оправляет пиджак, перед тем как начать рассказывать. Еще в детстве он слушал седобородых стариков и запоминал их рассказы. Это с их слов он пересказывает, что вдоль речки Малотки, которая протекает через Кечушево и впадает в Алатырь, росли дубы. В этих дубовых рощах было так темно, что женщины опасались туда ходить. А вот таскать на себе по полтора пуда лука за полсотни верст, в Талызино, кечушевские бабы не страшились. До революции в Кечушево по четвергам съезжались со всей округи закупать семена овощей. Особо ценился кечушевский лук. Какой-то ядреный он здесь урождался, хранился хорошо. Обозами лук уходил в Лукоянов, Арзамас, Алатырь. На традиции выращивания лука в Кечушеве не повлияли ни войны, ни революции. А в трудные годы Великой Отечественной лук спасал от голода. Бабушка Тремасова, Наталья Федоровна, в самом голодном, 1942 году не стала коптить севок на печи, позволила ему пустить перья. И на эту зелень выменивала в окрестных селах хлеб.

Если объездчик ловил нарушителя из Кечушева, который самовольно нарубил хворост, тот знал, как вернуть отобранные топор и салазки. Объездчики жили в лесных поселках, огороды там были неважные. В обмен на привезенный кечушевский лук нарушителю сразу возвращались и топоры, и пилы, и салазки. Лук был местной валютой.

Когда нужно было сдавать молоко, мясо, масло, шерсть, то лук не входил в число сельхозпродуктов, которые облагались налогом. Михаил Николаевич хранит оставшиеся от родителей квитанции. Нет в них графы с луком! Потому его и сажали тут в огромном количестве. Благо прекрасный чернозем весьма тому способствовал, а уж с правилами вы-

Алексей Ильич Глухов вырастил на луке и детей, и внуков

ращивания лука здесь знакомы уже в 5–6 лет. Например, та же 80-летняя Раиса Ивановна Зингаева впервые отправилась работать на грядки с луком в 5-летнем возрасте.

Весной все продавали лук. Ехали на поезде в Алатырь или по льду реки шли в Ардатов. Мешки с луком тащили на себе. Обратно несли все, что нужно в

хозяйстве, даже керосин, ведь до 1962 года электричества в селе не было. И вот что странно: в Мордовии немало колхозов выращивали лук, но только не колхоз в Кечушеве. 5 тысяч гектаров здесь засаживали картофелем, капустой, коноплей, свеклой, кукурузой. А вот лук не высаживали. Он рос исключительно в огородах местных жителей.

Прежде тут выращивали лук «бессоновский» и «стригуновский», но с начала 1980-х годов царствует немецкий «штутгартен». Хотя, как считают в Кечушеве, уже давно все сорта перемешались, чистого сорта ни у кого нет.

Лук в Кечушеве – это не слезы, а перчатки до дыр

СОКРОВИЩЕ

Луковой шелухой в Кечушеве красили льняные холсты и пасхальные яйца. Женщины использовали ее как краску для волос. Шелуху применяли при засолке сала. Ее остатки замачивали в воде, которой после поливали огороды.

– А чемпиона по луку в Кечушеве далеко искать не надо, – говорит Тремасов. – Ольга Лабурина прямо на этой улице живет.

Одежда Ольги и ее мужа Юрия вся в пыли: они только что закончили тюковать сено в поле. Когда Юрий растворяет ворота огромного гаража, то кажется, что в нем спряталась какая-то часть солнца. Дощатого пола не видно под желтым морем луковиц. Юрий садится на лавку и равнодушно наблюдает за тем, как мы восхищаемся увиденным. А Ольга, загорелая жгучая брюнетка, с удовольствием принимает заслуженные похвалы. «Первые дни не могли в гараж войти: аромат такой, что дышать невозможно! – смеется она. – Другие лук деревянными лопатами ворошат. А я только руками, причем без перчаток!» Ольга с наслаждением запускает руки в золотую гору. Над сво-

им прозвищем в селе она смеется: «Ну да, та еще королева!» Пока в гараже хранится лук, Ольга запрещает мужу и его друзьям собираться и курить здесь. Из-за лука Ольга с мужем иногда даже ссорятся. Юрий сетует, что на лук слетаются мухи.

В 2017 году Лабурины собрали 8 тонн лука, последние 2 тонны продали лишь в ноябре. На семейном совете решили сократить посадки. Но когда пришла весна, Ольга не удержалась. Муж вспашет грядки на мото-блоке для других овощей, а она втайне от него лук посадит. И не только у себя, но и на огороде у

Супруги
Алексей
и Надежда
Моисеевы
(слева)
восхищаются
урожаем,
которые
собирают
их соседи,
супруги
Ольга и Юрий
Лабурины

Ольга –
«королева лука»

матери. Муж, увидев, что вместо тыквы и свеклы снова лук вырос, лишь рукой махнул... Та же ситуация повторилась и этой весной. Позволив полюбоваться луковицами, Ольга спешит накрыть свое сокровище клеенкой от мух. Она уже перебрала всю эту гору, чтобы снять поврежденную шелуху. «Золото! – ворчит Юрий. – Только что делать с этим золотом, непонятно!» «Как-нибудь все уладится, – отвечает Ольга. – Так и живем. Дочка приехала в отпуск. А мы пирогов не печем. То огород, то сад. Люди – в Тагры. А она – в огород к матери».

Надежда Моисеева живет на одной улице с Лабуриными, можно сказать, окна напротив. Ей нравятся такие люди, как Ольга. Ведь благодаря им скромное маленькое Кечушево продолжает удерживать репутацию одной из луковых столиц.

– Работая! – вздыхает Надежда. – Она на свинарнике раньше ведра таскала с утра до ночи. А сейчас она соцработник, на ее попечении 11 стариков! И при такой занятости содержит свой огород в идеальном порядке. И всегда готова бежать помогать сельчанам грузить сетки с луком в кузов любой высоты.

На ладони вытянутой руки Ольги лежит луковица. Золотистая шелуха нежно отделяется, как лепестки экзотического цветка... По древней примете, которая бытует в Кечушеве, «одежка» свежескопанной луковицы может предсказать, какой будет предстоящая зима. Если на желтой «одежке» где-нибудь виднеется коричневая «заплата», то готовиться надо к сильному морозам. Прошлой осенью шелуха у луковиц была ровной и красивой. И зима выдалась мягкая.

Ольга счищает отставшую шелуху, по гаражу распространяется резкий луковый запах, а глаза хозяйки наполняются слезами. Лук «кусаются». Слезы мешают рассмотреть, есть ли на луковице коричневые отметины... Но и без них ясно: что бы ни предсказывала луковица, без нее не пережить зиму. ❧

НА ПЕРЕПУТЬЕ ИСТОРИИ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ДВА ЧАСА ПЛЫВЕШЬ ИЗ КАЗАНИ ПО ВОЛГЕ – ВСЁ ЗНАКОМЫЕ СЕРДЦУ ПЕЙЗАЖИ: УТЕСЫ, ЛЕС, ПРОМЕЛЬКНЕТ ПОСЕЛОК, СВЕРКНУТ МАКОВКИ ЦЕРКВЕЙ, И СНОВА ЛЕС, ВСКОЛЫХНУТ БЕРЕГ ГИРЛЯНДОЙ ДАЧНЫЕ ДОМИКИ, И ОПЯТЬ ЛЕС, ОПЯТЬ УТЕСЫ. И ВДРУГ ОТКРЫВАЕТСЯ ВЗОРУ ГРАД. НЕЗНАКОМЫЙ И ДИВНЫЙ, С КАКОЙ-ТО ЗАТЕЙЛИВОЙ КАМЕННОЙ ГЕОМЕТРИЕЙ, С КАКИМ-ТО ДАЖЕ ДЛЯ ТАТАРСТАНА СТРАННЫМ СОЧЕТАНИЕМ КРЕСТОВ И МИНАРЕТОВ. ТЕПЛОХОД ЗАМЕДЛЯЕТ ХОД, МЫ ПРИБЫВАЕМ В БОЛГАР – ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ РАЗ РАЗРУШАЛСЯ И, СЛОВНО ПТИЦА ФЕНИКС, КАЖДЫЙ РАЗ ВОССТАВАЛ ИЗ ПЕПЛА. ГОРОД, КОТОРЫЙ В 2014 ГОДУ ВКЛЮЧИЛИ В СПИСОК ОБЪЕКТОВ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО.

У ПРИСТАНИ УЖЕ СТОЯТ автобусы и, конечно, атакуют народ бойкие таксисты. Отмахнуться от частников сложно: цены на трансфер божеские, а бонусом идет что-то вроде экскурсионного сопровождения с поправкой на поселковый фольклор – заманчиво же! За пять

минут водитель дядя Юра успевает нам рассказать про местных верблюдов, хранящийся в заповеднике самый большой Коран, Александра Македонского и вождя гуннов. «Волга – это Итиль. Атилла значит человек с Волги, – объясняет таксист, ссылаясь для солидности на «Википедию». – Да про это не только в

Интернете есть, в музее об этом целая экспозиция». Меня больше интересует Волжская Булгария X–XII веков и последующий золотоордынский период. Дядя Юра довольно кивает и, уже маневрируя на парковке, вторых рассказывает о героическом отражении булгарами монголов в начале XIII века. Рассказывает в красках. Как очевидец.

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ

В центре Болгарского городища аляповато и громко. По одну сторону торговые ряды с платками, тюбетейками и чакчаком, по другую – из экскурсионных автобусов высыпают организованные туристы. Впереди замысловатый каменный шестигранник, увенчанный золотым куполом с полумесяцем, именуемый здесь Памятным знаком в честь принятия ислама волжскими булгарами. В эту сторону один из гидов уже ведет своих подопечных. До меня доносится, что, по одной из легенд, ислам булгары приняли еще в VII веке, причем сразу от пророка Мухаммеда. Я удивилась бы, если б не подготови-

Белая мечеть – совсем новый памятник древнего города. Соединяя историю и современность, она символизирует возрождение культуры и религии Татарстана

МАКСИМ БОГОДИДРИЯ НОВОСТИ

БУЛГАРИЯ И РУСЬ

Главный музей Болгара тоже имеет весьма смелое название – «Музей болгарской цивилизации». От такого масштаба немножко не по себе, но внутри выдыхаешь: видно, что основатели музея старались соблюсти в экспозициях какой-никакой баланс и не злоупотреблять легендами в ущерб историческим фактам. Противоречия, конечно, есть, но они есть в самой истории, благо подается все со спасительными формулировками типа «вероятно», «возможно», «по одной из версий».

Итак, какова же история Болгара и Волжской Булгарии? Начало туманное, как утро на Волге. Жил-был хан Кубрат, то ли византийский патриций при императоре Ираклии, то ли вассал правителей Тюркского каганата, а то ли и то и другое вместе. Около 632 года отвоевал он для своих племен независимость и образовал в Приазовье и Западном Предкавказье Великую Болгарию, которой завещал мудро править своим сыновьям. Старший сын, Батбаян, взял себе центральную часть отцовских владений и вскоре потерял их в битвах с хазарами. Брат его, Аспарух, получив в наследство западную часть Великой Болгарии, пошел на Дунай и создал государство, ставшее началом современной Болгарии. А вот еще один сын Кубрата, Котраг, двинул со своими людьми на восток, к Волге. Дальше все как-то расплывчато: болгары шли долго, в пути смешивались с другими племенами (и финно-угорскими, и тюркскими), не ясно только, как совсем не рассеялись, а к концу IX века вдруг образовали Волжскую Булгарию. Государство это, правда, почти сразу впало в зависимость от Хазарского каганата.

Первой попыткой освобождения от хазар и стало принятие в 922 году булгарами ислама. Их правитель Алмуш рассчитывал таким образом обрести покровительство Багдадского халифата. Событие это отражено в воспоминаниях секретаря багдадского посольства Ахмада ибн Фадлана.

лась. Я знаю, что совсем недавно в Татарстане вышла книга «Булгарская цивилизация на Волге», в которой собраны самые невероятные мифы. Например, помимо ранней исламизации Нижнего Поволжья пересказывается там легенда и о том, что болгары – потомки Александра Македонского. Один из авторов сего труда, археолог Фаяз Хузин, известен тем, что нашел в Казанском кремле чешскую монету князя Вацлава... подобных которой нет в самой Чехии. В среде татарской интеллигенции отношение к книге неоднозначное, она считается крайним выражением так называемого булгаризма.

Булгаризм – концепция, согласно которой определяющими в истории татарского народа были периоды независимого существования Волжской Булгарии. Но поскольку периоды эти были довольно кратковременными, слишком велик соблазн порой их искусственно расширить. В ход идут натяжки то тут, то там: и религию обрели раньше соседей, а с ней и большую самостоятельность,

и с князьями русскими не воевали, а только бранились по временам из-за сущих пустяков, и от монголов отбивались до последнего. В противовес этой идеологии существует и другая – именуемая татаризмом. Татаристы считают, что наивысшего расцвета их край достиг в составе Золотой Орды и что Казань, прямая наследница Улуса Джучи, совсем не зря с Москвы дань брала. Обе эти концепции не раз сменяли друг друга в истории Татарстана, сейчас как будто бы наблюдается перевес в пользу булгаризма – он более безобиден, татаристов объявляют чуть ли не маргиналами. Это политика, конечно, касаться ее не хотелось бы вовсе, но в Болгаре совсем отстраниться от нее не получается.

Архитектурное устройство Музея болгарской цивилизации довольно замысловатое. Входы организованы снизу, у реки, и вверху, на холме

Историко-архитектурный музей-заповедник включен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО

В фильме «Древний Булгар», вышедшем при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан, говорится, что в это время в городе была построена первая деревянная мечеть. Однако археологических подтверждений этому нет.

Вообще, по результатам раскопок удалось установить, что в X–XI веках Булгар занимал площадь не более 12 гектаров. В этом смысле поселение сильно уступало другому средневековому городу Волжской Булгарии – Биляру. Некоторые исследователи считают, что именно Биляр и был изначально столицей, что именно там состоялось принятие ислама (в Биляре остатки древней мечети датируются как раз серединой X века. – **Прим. авт.**), а Булгар имел значение только как речной порт и экономический центр – здесь размещался знаменитый торгово-ремесленный комплекс Ага-Базар.

Археологические изыскания позволяют говорить о том, что в Болгаре были развиты ювелирное искусство, металлообработка, гончарное и кожевенное ремесла. Подтверждают это, впрочем, не только археологические находки, но и русские летописи. Здесь особенно любят цитировать отрывок Лаврентьевской летописи, повествующий о походе на Волжскую Булгарию князя Владимира. «В год 6493 (985) пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею <...> и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать – пойдем поищем себе лапотников. И заключил Владимир мир с булгарами».

Существует предположение, что мир с булгарами помимо прочего был скреплен еще и женитьбой русского князя на местной княжне. Якобы первые русские святые, Борис и Глеб, родились вовсе не от византийской царевны Анны, а от оставшейся безымянной в истории знатной булгарки. Версия эта, однако, идет

МАКСИМ БОГОВИДЬРИА НОВОСТИ

В Северном мавзолее собрана коллекция надгробных stel, испещренных надписями на арабском и болгарском языках

МАКСИМ БОГОВИДЬРИА НОВОСТИ

вразрез с тем фактом, что проводящий религиозную реформу Владимир в итоге склонился все же к христианству, а вот от предложения булгар принять ислам князь Киевский отказался. Как бы то ни было, но мир с булгарами оставался прочным, а торговый путь на Волге – свободным и безопасным довольно долгое время.

Столкновения русских и булгар возобновились только в конце XI века и поначалу носили локальный характер: булгары предпринимали набеги на Муром и Суздаль, русские нападения отражали. В 1120

Восточный мавзолей когда-то был усыпальницей болгарской знати, в XVIII веке переоборудован под монастырский погреб, а сегодня это часть исторического музея

году на Булгар напал Юрий Долгорукий «и взял полон мног». А в 1164 и 1171 годах тоже с отнюдь не дружескими визитами посещал Булгарию Андрей Боголюбский. В первом, победном походе погиб сын князя Изяслав (в память об этом построена церковь Покрова на Нерли. – **Прим. авт.**), во втором походе, менее удачном, участвовал другой сын Андрея Боголюбского, Мстислав – он с войском взял шесть сел, но потом, когда булгары собрали шеститысячную рать, отступил. В 1183 году осаждал столицу Волжской Булгарии Всеволод Большое Гнездо. Большим ударом для булгар стал натиск сводных русских полков в 1220 году. После разгрома булгары трижды отправляли своих послов к русским князьям просить о мире – им нужен был надежный тыл на западных границах. С востока надвигались монголы.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Чингисхан повернул на Булгарию в 1223 году, уже после того, как разбил объединенное русско-половецкое войско на Калке. Булгары подготовились и в результате не просто отбили атаку, а сильно ослабили монголов перед запланированным ими нападением на Европу. В следующий раз они сунулись на запад только через шесть лет. Болгар также выстоял и в 1229-м, тогда монголы разбили только пограничный отряд Волжской Булгарии на Яике. В 1232-м

монголы заняли юг поволжского государства, а еще через четыре года разрушили-таки столицу. С 1239 года Болгар – военная ставка Золотой Орды.

Удивительно, но именно с этого времени в Болгаре начинается масштабное каменное строительство. Удивительно, потому что архитектурный расцвет едва ли обусловлен культурным влиянием Орды. Одной из первых в середине XIII века при исповедовавших тенгрианство монголах (ислам они примут намного

Купол
Белой мечети
особенно
красив
в вечернем
небе

позже) в городе строят Соборную мечеть. Сегодня Большой минарет этой мечети возвышается в самом центре музея-заповедника, он был отреставрирован еще по приказу Петра I. Рядом – восстановленный фундамент главного храма, часть колонн и стен, руины которых законсервировали еще в 60-х годах XX века. Издали, с реки, ансамбль похож на детское песочное творчество – все кажется таким же хрупким, легким и незатейливым.

Напротив главного входа в мечеть находится Северный мавзолей – небольшое приземистое здание из серого камня, напоминающее своим обликом, скорее, небольшой шатер или маленький планетарий. Мавзолей построен уже в первой трети XIV века, но сегодня в нем собрана коллекция более ранних надгробных стел. Они интересны тем, что датированы самими древними булгарами и на арабском и болгарском языках передают сведения о почивших. Самая ранняя стела относится к 1271 году. Прочитать эпитафии не всегда легко, но вот как удалось расшифровать надпись

У самой Волги
под навесом
раскинулся
Ханский
дворец –
здесь можно
спрятаться
от палящего
солнца

МАКСИМ БОГОВИДРИЯ НОВОСТИ

на могильном камне 1291 года: «Этот сад госпожи непорочной, благочестивой, соблюдавшей посты, заботливой, щедрой, целомудренной... Сабар-илчи, дочери Бураш-бека...»

Руины Соборной мечети, пожалуй, самое людное место в заповеднике. Они притягивают паломников со всего Татарстана. Праздные путешественники не выдерживают тесноты и гомона и спешат на отдых в Ханский дворец. От него тоже остались только развалины, но они укрыты от палящего солнца огромным навесом. Дети тут резво скачут по остаткам фундамента, а взрослые, ничуть не интересуясь найденной здесь коллекцией монет Батыя, переводят дух в тени на скамейках. Думается, финал закономерный. Сегодня архитектурное наследие завоевателей Булгарии и Руси едва ли способно конкурировать даже с обычным пейзажем. Впрочем, открывающиеся отсюда виды на Волгу вряд ли можно назвать обычными: река здесь предстает во всей красе, со всеми своими извивами и разливами, в праздничном уборе береговых холмов.

Малый минарет
одинокое стоит
в отдалении
от основных
памятников
заповедника:
шесть веков
назад здесь
было кладбище

После передышки туристы обычно отправляются к Восточному мавзолею и к Восточной палате (она же баня). От бани остались лишь следы дубовых свай да осколки водопроводных труб. При этом под слоем XII–XIII веков тут был обнаружен довольно богатый слой раннего, домонгольского периода. А вот мавзолей, возведенный позднее, интересен тем, что в начале XVIII века был перестроен в небольшую христианскую церковь. Первоначаль-

ный облик вернулся к нему лишь в 1968 году.

Дальше плотность архитектурного наследия снижается, уступая место красоте природы: все меньше экскурсионных указателей и стендов, совсем исчезают торговые палатки, все шире поляны, заросшие куриной слепотой, мышинным горошком и вереском, все пышнее кроны деревьев и громче поют птицы. Тут в окружении буйной поросли прячется Черная палата – здание то ли сред-

Корпуса
Болгарской
исламской
академии
выглядят
как будто
заброшенно,
но вся жизнь –
внутри

МАКСИМ БОГОВИДРИЯ НОВОСТИ

МАКСИМ БОГОДИДРИЯ НОВОСТИ

невекового судилища, то ли медресе, то ли ханаки для странствующих дервишей. Откуда такое мрачное название? Есть легенда. В конце XIV века, во время нападения на Болгар Аксак-Тимура (Тамерлана), в палате укрылся с семьей и приближенными правящий тогда городом хан Абдуллах. Завоеватели обложили здание деревом

Дорога из заповедника ведет к Белой мечети. Для паломников путь в полчаса проходит быстро, обычный турист, уже порядком устав бродить по музею, ропщет – он мечтает о скамейках и тенистых кронах

и подожгли. Когда дым рассеялся, на крыше вдруг показалась, точно видение, красавица в белом. То была дочь погибшего хана. Прельстился Тимур красотой неземной и захотел взять

Холодный камень древнего мавзолея притягивает, ввергает в задумчивость

МАКСИМ БОГОДИДРИЯ НОВОСТИ

деву в жены, но она, конечно же, героически от сей позорной участи отсеклась. Враг взял ее шантажом: пригрозил жестоко казнить у нее на глазах всех ее братьев. Девушка согласилась на жертву в обмен на свободу родных. Не подозревающий ничего Тимур даже отдал неприятелям лучших своих коней. Вот только сразу после того, как всадники скрылись, оставив после себя лишь облако пыли, девушка бросилась на догорающие стропила. С тех пор, говорят, палата на века осталась закопченной.

Впрочем, есть и более прозаическое объяснение вымазанных сажей стен: в середине XIX века в палате была устроена коптильня. Только в 70-х годах позапрошлого столетия памятник перестали использовать не по назначению: ученые Казанского университета инициировали открытие здесь Музея древностей.

Отсюда извилистая тропка ведет к Малому минарету, построенному уже после очередного разрушения Болгара, в 1361 году, в результате выяснения отношений золотоордынских ханов друг с другом. Минарет установлен на месте кладбища болгарской знати и воинов – может быть, оттого он выглядит таким молчаливо-скорбным. Вокруг, кажется, и сама природа притихла. Сегодня скучающий путешественник может заглянуть внутрь и подняться по винтовой лестнице, ощутить себя жителем средневекового города, опасавшимся новых набегов – вероятно, минарет использовался не только для призывов к молитве, но и как сторожевая башня. Сейчас картины тут открываются исключительно мирные: широкая, исполненная молчаливого достоинства Волга и обширные, щедро залитые фиолетово-желтым лугом.

За лугами, за верстами этого многоцветья начинается история нового Болгара. Города с новыми, лубочными музеями, с новыми развлечениями вроде катания на верблюдах, с новой великолепной Белой мечетью, именуемой здесь не иначе как татарстанским Таж-Махалом.

БОЛГАР И РУССКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Но как завершилась история средневекового города? Чем успокоилось сердце Волжской Булгарии? После разрушения города Тамерланом он вновь был восстановлен. Но в 1431 году Болгар разрушило войско Василия II под командованием воеводы Федора Пестрого, князя Палецкого. С тех пор сами болгары столицу не восстанавливали, окончательно переместив центр культурной и политической жизни в Казань, куда многие жители ушли еще в середине XIII века – подальше и от щедрот, и от ярости монгольских ханов.

К концу XIV столетия Орда совсем ослабла, погрязнув в междоусобицах – только с 1359 по 1380 год в Улусе Джучи сменилось 25 ханов. Казанская знать, насколько могла, старалась использовать такое положение для обретения независимости, хотя Казанское ханство и после распада Орды контролировалось потомками монгольской династии вплоть до 1552 года, то есть до взятия Казани Иваном Грозным.

Однако вернемся в Болгар. После вхождения в состав России хоть и не сразу, но началась новая история города. В XVII веке здесь закладывается начало православного Успенского монастыря – того самого белокаменного храма, который сегодня соседствует с руинами Соборной мечети и в котором теперь размещена часть экспозиции музея, посвященная христианской истории края. А история эта глубока.

Судя по найденным во время раскопок артефактам, христиане жили на территории городища еще в XII веке. Именно этим периодом датируются некоторые крохотные иконки и крестики из коллекции музея. Находки обнаружены на армянском кладбище близ не дошедшей до наших дней Греческой палаты. Там же еще при Петре I, очень интересовавшемся археологическими изысканиями в Болгаре, были найдены могильные плиты с эпитафиями на армянском и арабском языках. Именно по приказу Петра Великого более 50 эпитафий было скопи-

МАКСИМ БОГОДВИДРИЯ НОВОСТИ

Музей хлеба – классический лубочный аттракцион, каких в изобилии в исторических городах

В Болгаре часто проводятся исторические фестивали и реконструкции, снимаются исторические документальные фильмы

ровано и переведено на русский. Сама палата, являвшаяся, скорее всего, церковью, была возведена армянской общиной в XIV веке, что тоже не может не удивлять, учитывая, кто контролировал в это время Болгар. Получается, современные ученые-булгаристы не так уж не правы, когда говорят, что монгольское влияние на жизнь в многонациональном городе, где мирно жили болгары, сувары, русские, армяне и даже греки, не было тотальным.

Но куда более странно другое. Если терпимость к различным вероисповеданиям со стороны монгольских ханов еще можно объяснить (в Золотой Орде даже среди членов правящих семей встречались исповедовавшие христи-

анство. – Прим. авт.), то невключение территории, на которой находилась Греческая палата, в состав музея-заповедника и отсутствие какой бы то ни было туристической навигации, связанной с объектом, объяснить сложно. Все-таки Болгар восстанавливался татарским фондом «Возрождение» как памятник общей истории народов России, а тут вдруг такое невнимание к братьям-армянам и ранним христианским следам. Куда мудрее поступила в свое время Екатерина II, посетившая Болгар в 1767 году и отнесшаяся с уважением и к мусульманским памятникам, и к религиозным службам. Позже она писала Волтеру, что запретила притеснять местных татар, поскольку у них с христианами общего гораздо больше, чем считали раньше.

Что ж, может, еще не всему настало время в новом Болгаре. Город-музей активно восстанавливается последние десять лет, и возрождение его не закончено. Быть может, тут и в самом деле еще и до Александра Македонского докопают. А пока каждый волен свободно интерпретировать то наследие, которое уже представлено. Благо история здесь достаточно богата, чтобы не обидеть никого. ■

МАКСИМ БОГОДВИДРИЯ НОВОСТИ

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru